

Юлия Нифонтова

ШИЗА

Юлия Нифонтова

ШИЗА

История одной клички

Барнаул 2009

ББК 84 (2Рос-Рус) 6-4

Н-698

Сходство персонажей с реальными людьми прошу считать случайным, а все описанные события вымышленными.

С уважением, автор.

Редакторы -

Владимир Свинцов

Анна Самойлова

Художественный редактор -

Александр Карпов

Иллюстрации автора.

Обложка:

Юлия Нифонтова «На Грани»

/гуашь, картон/.

Ю. А. Нифонтова.

Н-698 Шиза. История одной клички. -
Барнаул, 2009 г., 184 с., илл.

ISBN

«Шиза. История одной клички» - дебют в качестве прозаика поэта Юлии Нифонтовой. Героиня повести - студентка художественного училища Янка обнаруживает в себе грозный мистический дар. Это знание, отягощённое неразделённой любовью, выбрасывает её за грань реальности. Янка переживает разнообразные жизненные перипетии и оказывается перед проблемой нравственного выбора.

© Ю. А. Нифонтова, 2009.

ОТ АВТОРА

*«Почему рукописи не горят?
- Потому что сырые!»*

Литературный критик

Мужчины, не вздумайте читать эту книгу! Даже не начинайте. Вам точно не понравится. Это девчачий «роман». В нём нет кровавой резни, нет ни одной погоны и ни слова о футболе. Почитайте лучше то, что вам ближе, а книжку отдайте знакомой девушке (от 14 до 40 лет и старше). Так что расслабьтесь. До новых встреч!

Девчонки! Я вас очень люблю (в хорошем смысле)! В этой книжке всё правда. Ну, вы меня поймёте. И что бы там ни было, верьте, он вас найдёт - самый главный, только ваш человек. Любви вам настоящей!

Ваша Юля.

ОТ РЕДАКТОРА

«Шиза» - так назвала свою повесть Юлия Нифонтова, и сделала подзаголовок - «История одной клички». Нет, это не история клички, это история судьбы девушки, которую изо всех сил заставляли быть хорошей, а она хотела быть, как все её сверстники.

Это трудно, очень трудно, когда тебя не понимают: не понимают родители - подозревая тебя в желании всех смертных грехов, не понимают сверстники - как так, ты не хочешь быть, как они - с ними пить вино, курить, взламывать комки...

А тебе каково?! Ты знаешь, что это нехорошо, что это - плохо, но все это делают. У всех клички, а у тебя только имя...

Судьба подростка, судьба девушки показана автором удивительно красочно - как плохая сторона, так и хорошая. Чудом удержалась Яна по кличке Шиза от соучастия в преступлении. Чудом осталась в нормальной жизни, и как награда - любовь. Не будем загадывать, какая она будет, эта любовь, но то, что любовь есть, девушка знает теперь точно. И никакая она не Шиза, а просто Яна.

Очень удачный дебют в прозе поэтессы Юлии Нифонтовой. Очень. И хотя мне не всё понятно в поступках нынешней молодёжи - слишком большая разница в возрасте, но ей-то - молодёжи - очень понятны рассуждения автора.

Если честно, давно я не встречал таких резких, правдивых и в то же время нужных для молодёжи произведений.

Поздравляю и автора, и читателей!

Владимир Свинцов,

член Союза писателей России.

ВСЕМ МАМАМ, НАСТОЯЩИМ И БУДУЩИМ

О, мамы, с вашей бесконечной материнской любовью! Если бы вы только знали, какие тараканы роются в головах ваших благополучных дочек... Если девочка в шестнадцать лет не ходит в клубы на дискотеки, учится в музыкальной и художественной школах, своевременно делает все уроки и ложится спать вечером в девять часов, если она тянет на золотую медаль, а мальчиков, как вы считаете, в её голове нет и в помине, не спешите радоваться. На самом деле все совсем не так. На самом деле вполне может оказаться, что ее занимают не чудесные виды с картин Айвазовского, не прелестные звуки вальсов Штрауса, а вытатуированная «Черная вдова» на месте, которое чуть пониже спины у Лехи Перегуда из соседнего подъезда, и сочинённая Веркой Сарафан песенка про недотопленного котенка, который взял в лапы автомат Калашникова.

Мамы, снимите очки безапелляционной материнской любви! Посмотрите, перед вами не ваша идеальная мечта, а реальный человек с проблемами настоящими, даже если они вам кажутся ерундовыми, не заслуживающими внимания.

Мамы, прочитайте повесть Юлии Нифонтовой «Шиза» и подумайте, что на месте Янки может оказаться ваша дочь. Что бы вы хотели сказать Янке? Скажите это своей дочери. Поверьте, ваша дочь хочет это услышать.

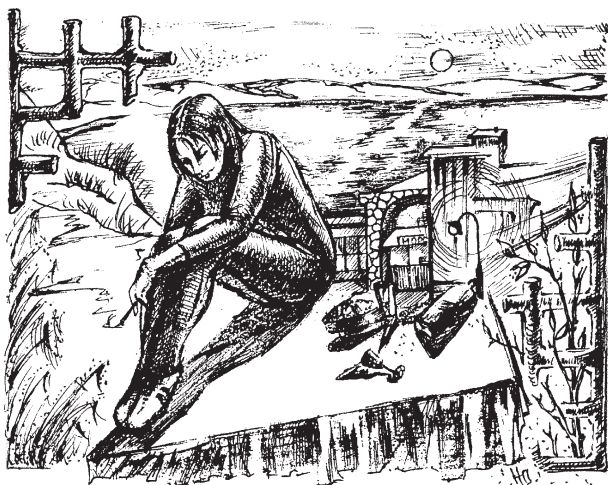
Девчонки, которые пока еще не стали мамами, дочитайте повесть до конца, и вы узнаете, что, как бы ни было темно, рассвет все равно будет. И никому, даже маме, его не дано отменить. Любовь есть! Нужно только запастись терпением и верой.

А пока... читайте повесть Юлии Нифонтовой. Поверьте, вас ждет увлекательное путешествие в удивительный мир, где грань между реальностью и фантазией тонка, чувственный мир осязаем, а проблемы жизненны.

*Писатель-фантаст Анна Самойлова.
Барнаул, 2008 год.*

Часть 1

СОЛЁНОЕ ОЗЕРО

Александрю Ермоловичу

СОЛЁНОЕ ОЗЕРО

*Бойся своих желаний,
ибо они могут исполниться...*

Янке нравилось её имя. Казалось, произнеси несколько раз вслух: «Яна, Яна, Яна...» - и почувствуешь на языке лёгкий холодок, как от мятной конфеты. Но ей всегда хотелось иметь кличку. Не банальную и грубую, как «толстая», «рыжая» или «очкастая», а прикольную, как у Вовки-Гильзы, Ленки-Червонной, Сани-Кандагара. Янка была уверена, что в дворовом братстве заключается настоящее счастье, коего она была лишена. Со жгучей завистью наблюдала Янка за сверстниками, что кучкуются по подъездам и верандам детсадов. Её манили гитарные переборы и громкий смех в неизменном сигаретном дыму - атрибуты тайной, недоступной жизни. Не раз представляла она себя в окружении отважных, дерзких друзей, готовых для неё на любые подвиги и авантюры. В навязчивых мечтах виделось ей, что она так же, как стерва Червонная, в бесстыже-короткой юбке восседает на коленях у самого неотразимого парня, а тот жадно целует её у всех на виду. Но увы! Расписание Янкиной жизни было столь насыщенным, что поздно вечером, после художественной школы, едва хватало сил расправить постель. Даже в выходные Янка металась между репетиторами и бесконечными домашними обязанностями под тотальным контролем матери.

Вероятно, Янке удавалось мастерски внушать окружающим, даже таким искушённым, как мама Ира, что образ послушной отличницы и есть настоящая она - Янка. Поэтому, веря в несокрушимую дочкину нравственность, мама Ира отправила её одну (!) в курортный посёлок Ярцево на Солёное озеро для лечения на-

чинающегося гастрита. Если бы легковерная мамочка видела дочь, курящую на пустом стадионе в компании изрядно поддатого рецидивиста Паровоза в то время, когда все хорошие девочки уже спят...

В Ярцево Янка завела себе разбитную подружку из местных - Светку-Сетку. Обзавестись такой знакомой можно было только от невыносимого одиночества. При всей недалёкости Сетка была доброй и милой. Ведь именно она заговорила с Янкой первой в местном кинотеатре. Одним из главных, сразу отмеченных достоинств было то, что новая подруга намного толще и некрасивее самой Янки. Сетка была чрезмерно легка в общении не только с приезжими девушками, но и со всем мужским населением посёлка и близлежащих деревень. Её сексуальный аппетит оставил далеко позади всех кроликов из местных ферм, включая их диких сородичей. Если перечислить всех, с кем Сетка «дружила», как она это называла, за последний месяц, то выходило по несколько мужских особей в день. Несмотря на то что была неизменно бросаема всеми «женихами» сразу после акта «дружбы», никогда не сдавала своей «активной жизненной позиции». Поселковые девушки, дорожа чистотой репутации, даже близко к ней не подходили. Но именно Сетка стала единственным человеком из Ярцево, не считая местного уголовника Паровоза, обратившим на Янку сочувственное внимание. Ходить с ним по улицам было стыдно, руки Паровоза были изукрашены синими чертами, к тому же посёлок был в курсе основных этапов его «героической» биографии. Хотя вёл себя Паровоз благородно, давал сигареты и сопровождал на ежевечерние курительные процедуры. Друг он был неподходящий - скучный: то многозначительно изображал мудрого наставника, то впадал в раж и клялся отомстить кому-то... жестоко!

Сетка была Янкиной ровесницей, но выглядела старше лет на десять. После получасового знакомства Янка решила переехать к Сетке от бабуси, у ко-

торой снимала угол, соседствуя с множеством назойливых перелечившихся тёток. Обрадовавшись, что Янка не собирается забирать уплаченные вперёд деньги, хозяйка муравейника не проявила к её уходу никакого интереса. Трёхкомнатная квартира в районе новостроек после бабкиного лазарета показалась дворцом. Было лишь одно маленькое недоразумение - экзотический Сеткин папашка. С внешностью Хемингуэя, по убеждениям - хиппи и пацифист. Весь день он неотрывно наблюдал за жизнью мутного аквариума, видимо, обдумывая продолжение повести «Старик и море». Активизируя процесс медитации огненной водой без закуси, седой классик неизменно падал набок вместе со стулом.

У Сетки можно было всё! Можно было всю ночь не спать, обсуждая крамольные темы, можно было курить на балконе, задирая проходящих парней, допивать у пребывающего в нирване старика Хэма остатки водки и вообще не ходить на опостылевшее, кишашее прокажёнными Солёное озеро. Весь вечер в предвкушении необычных приключений девушки красились, как стареющие трансвеститы перед последним в жизни конкурсом красоты.

Ближе к ночи, когда внутри томительно загудели струны авантюризма, Сетка предложила догнаться чифирём по завещанному предком рецепту. У Янки от первого же глотка всё внутри завязалось морским узлом, но потом по телу пошла размягчающая волна. Допивая кружку вязкого чёрного зелья, она услышала вдали океанский прибой, гортанные крики чаек и прослезилась от умиления, увидев седого классика в обнимку с оранжевой акулой, умиротворённо улыбающихся во сне...

Девушки, как голливудские кинодивы, плыли по ночной аллее. Сутулые фонари, подобострастно кланяясь, бросали свет им под ноги. Янка нисколько не удивилась, когда Сетка тормознула белую «Волгу». И

даже не сменила звёздного выражения лица, когда подруга залезла в открытое окно машины по пояс. После недолгих переговоров Сетка поманила Янку рукой, и они в радостном возбуждении плюхнулись на заднее сиденье. Янка была совершенно уверена, что два взрослых парня - давние Сеткины знакомые, ведь они так по-приятельски что-то оживлённо обсуждали. Пребывая в состоянии счастливого оупения, Янка не удивилась, когда водитель поинтересовался, как их зовут.

- Снежанна... - томно ответила Сетка. И Янка вновь не удивилась, потому что в тот момент искренне поверила, что Снежанна - это уменьшительно-ласкательный вариант от русского народного - Сетка. Янка смотрела со стороны увлекательный фильм, а в кино не принята нарушать сценарий. Уже с десяток раз повторенная аборигенами фраза «Ну чё, девчонки, скучаете?» казалась ей уместной и остроумной.

Белая ладья вплыла в рошу недалеко от посёлка, спугнув светом фар несколько голозадых персонажей, промелькнувших, словно в кадрах случайно включённой при гостях порнушки. Не сговариваясь, Сетка с белобрысым юношей, переполненные энтузиазмом и взаимопониманием, вышли из машины, чтобы умножить ряды любителей общения на природе. Янка осталась наедине с не менее жизнелюбивым водителем, представившимся весомо - Вадя. Отработанным до автоматизма движением Вадя вынул из-под сиденья бутылку дешёвого винища, а из бардачка - размякшую шоколадку. Вдруг, ясно осознав все его дальнейшие намерения, Янка на несколько секунд ооченела. В голове, как вагоны опоздавшего товарняка, проносились покаянные мысли: «Всё!.. Допрыгалась. Сама виновата. Дура! А если я от него залечу?! Какая мерзкая харя! Наверняка сифилитик и презервативов сроду не видал... А вдруг у него СПИД?! Господи, помоги!» Пытаясь изо всех сил скрыть страх, Янка натужно улыбалась и пила из липкого стакана противную кислятину.

Вопреки её робким надеждам, война началась слишком быстро. Янка сражалась, как дикая кошка, защищающая от вторжения в свой ареал обитания. Несмотря на изорванную одежду и отлетающие пуговицы, она довольно долго держала достойную оборону, как выяснилось позднее, против бывшего десантника. В пылу сражения, впиваясь ногтями в то, что с трудом можно было назвать лицом, Янка орала, что запомнила номер машины, что разобьёт окна в его проклятой тачке, что посадит его на пожизненный срок, потому что её папа генеральный прокурор в законе. Вино щедро лилось по задранной юбке в босножки. Случайно Янка упёрлась локтем в сигнал на руле. Пронзительный гудок огласил ночь. Из темноты вынырнули полураздетые испуганные Сетка с ухажёром. Бывшая Снежанна решительно дёрнула дверцу машины, и оттуда выпала истерзанная, но непобеждённая Янка.

- Вадя, ты чё, а? - тупо спросил более удачливый любовник, успевший насладиться благосклонностью правильно выбранной дамы. Воспользовавшись заминкой, Янка без оглядки рванула к трассе в крошечную тьму.

- Куда?! Стой, шиза бешеная. Подвезу, чё уж там... - выкрикнул ей в спину темпераментный владелец белой «Волги».

- Да чтоб ты сдох! Сдох! Сдох вместе со своей поганой машиной! - проорала Янка в истерике, обильно фонтанируя слюной и слезами, не прерывая стремительного шага в сторону, где драгоценными огнями мерцал посёлок.

«Сеткина квартира на первом этаже. Дверь никогда не запирается. Можно перелезть через лоджию», - мелькали в Янкиной голове короткие SMS-ки от Ангела-спасителя. Её одинокое сопение в ночи нарушила запыхавшаяся Сетка в сопровождении своего кавалера, которого, пикантно грацируя, называла Сер-рым. Она беззаботно сообщила, что Вадя расписи-

ховался, уехал в неизвестном направлении, а их с собой не взял, сейчас зайдём в ночной «комок», где Сер-р-рый купит бодрящего напитка, и продолжим гудеть у неё. О том, что произошло с Янкой, никто из двоих так и не спросил, не то от врождённой деликатности, не то от головокружительной перспективы, ведь впереди у них была ещё целая ночь большой и тёплой любви.

После бурного свидания захламлённая квартира показалась Янке уютным и безопасным убежищем. Неожиданно обнаружилось, что с дачи вернулась Сеткина мама. Однако, кроме Янки, это обстоятельство никого особо не смутило. Компания расположилась в несвежей и многоопытной Сеткиной спальне.

Обрушив на себя в ванной горячий тропический ливень, Янка пыталась смыть преследующий запах ненавистного автовладельца и его не менее ненавистного автовладения. Но, так и не сумев справиться с навязчивым запахом и необъяснимым чувством вины, девушка рухнула на короткую кровать. Предназначение странной, почти игрушечной кроватки в грешном алькове так и осталось бы загадкой, если бы позднее не выяснилось о существовании маленькой Сеткиной дочки. Девочке было полтора годика, и она месяцами лежала в больнице одна. Дочь болела слишком часто, а её сексуально активная мамаша не могла позволить бурлящему потоку жизни проносить свои мутные воды мимо.

Но забыться в исцеляющем сне Янке долго не давали истошные звуки акта любви с первого взгляда, творимого на противоположной кровати. Рассохшееся ложе страсти жалобно скрипело, деревянная спинка билась об стену в горячем африканском ритме. Пантагрюэлевские тени от задранных Сеткиных ног дрыгались на потолке. Сетка, изображая из себя героиню эротических фильмов, томно постанывала и шептала Серому, что он почти первый мужчина в её

биографии. Порой, забываясь, переходила на визгливые откровенные нотки, а опомнившись, вновь принималась охать и ахать эстетично, как в кино. Серый проявил себя по-стахановски упорно и на глупости не отвлекался. Янке страшно хотелось в туалет, но она не могла нарушить ответственный производственный момент.

Угомонившись лишь под утро, любовники ещё долго шумно ворочались, храпели и выпускали газы в праведном сне людей, выполнивших свою нелёгкую, но такую необходимую стране работу. Под натруженной кроватью, рядом с пустыми полторашками из-под пива, сиротливо белел крохотный сандалик...

Очнувшись ближе к полудню, Янка ожидала от Сеткиной мамы грандиозного скандала, примеряя ситуацию на свою семью. Реакцию Янкиной мамы на появление пьяной дочери с хахалем посреди ночи даже представить страшно. Это было бы что-то напоминающее картину Сальвадора Дали «Предчувствие гражданской войны». Вместо этого с кухни доносился мягкий хохлятский говорок, призывно стучала посуда, шаркали тапочки, включался и выключался кран.

К вечеру заявился Серый, но вопреки ожиданиям не для того, чтобы продолжить трудовой почин. В этот раз Серый соответствовал своему имени - он был совершенно серый, особенно губы. Заикаясь и тормозя, он лепетал нечто несурзное. После продолжительных наводящих вопросов девушкам удалось выяснить, что погиб Вадя. Утром его обнаружили в Солёном озере в затонувшем автомобиле. Сетка, икнув, придавила губы обкусанными ногтями с ядовито-зелёным маникюром и строго, со значением посмотрела на Янку. В голове у Янки сразу же всплыли её злые вчерашние пожелания Ваде, чтоб тот сдох, да ещё и вместе со своей поганой машиной.

**Отрывки из Янкиного дневника
(Детские воспоминания)**

Это ещё во втором классе было...

Возвращаюсь из школы после второй смены. Помню даже, как аппетитно хрумкал под валенками снег, словно кто-то сухарики грызёт. А я голодная и замёрзла, как цуцик. Портфель тяжёлый, будто пудовыми гирями набит. Да ещё в подъезде темнотища - хоть глаз коли. С ожесточением жму на звонок, ещё, ещё... Молчание. Никто не спешит впускать меня в тёплую квартиру.

Находиться жутком в мраке, как внутри пузырька с холодной чёрной тушью, страшнее и страшнее с каждой секундой. Кажется, что кто-то сверлит спину недобрым взглядом. Вдруг сверху послышался приглушённый, хриплый вздох. Я в панике понеслась вниз.

Остановилась на последнем лестничном пролёте, почти у самого выхода, стала осторожно нащупывать ногой темноту. Что там внизу, последняя ступенька или уже пол?..

Вдруг, холодея от ужаса, явно ощутила, что мне в спину упёрся чей-то палец. Замерев на долю секунды, пулей вылетела из подъезда, забыв о том, что боялась споткнуться в темноте. Опомнилась только на улице. Отважно открыла настежь двери подъезда, пытаюсь разоблачить «преступника». Но одинокий, тусклый фонарь высветил совершенно пустой подъезд. С печальным скрипом, одна за другой захлопнулись двери.

Не помню, сколько я сидела на скамейке в полном оцепенении, тупо уставившись на свою тень. Меня трясло. Между лопаток по-прежнему ощущался злоеущий толчок указующего перста. Смутное понимание того, что привычную жизнь пошатнула незримая бесовщина, усиливалось с каждой тягучей минутой. В ужасе, я почувствовала, что шевелятся волосы. На тёмном пятне тени от головы медленно поднимались вверх два острых бугорка. Сомнений не остава-

лось - у меня растут рога! Они тянулись и отчётливо вырисовывались двумя изогнутыми треугольниками. Самое страшное, что я ощущала это леденящее душу произрастание из черепа, раздвигающее волосы и петли вязаной шапки. Я стала медленно поднимать руки к голове, и ладони наткнулись на две твёрдые опухоли.

- Яна, что, голова болит? Ты почему не дома? Где ключи? - к дому торопливо шла мама.

С ужасом представила мамину реакцию на рога-тую дочь. Горячая волна, обдавшая при этой мысли, вернула рукам чувствительность. Я наконец осознала, что сжимаю мягкие балаболки: «Как же я могла забыть о них? И ключи лежат на дне портфеля. Даже и не вспомнила, привыкла, что дверь всегда мама открывает».

- Мамочка, ты пришла! Ты пришла...

На обрыве над озером ветер, казалось, дует со всех сторон. «Это хорошо, - думала Янка, - меньше мутит. Но зато плохо, что мозги от холода проясняются - считают очки не в мою пользу. Ведь такое уже не в первый раз!» Вспомнился рыжий пацан, постоянно дразнивший Янку в школе, - схоронили в прошлом году. Математичка Галина «Падловна», что заставляла снимать золотые серёжки - подарок бабушки - и грозила оставить на второй год. И ещё, и ещё... «Всем им я желала смерти - и они мертвы. Теперь Вадя. Кто следующий?»

Продирал озноб. Сколько ни сиди на берегу, а события последней ночи гнали в укрытие, какое-никакое, а всё же лучше, чем на улице. По дороге к Янке пришло ещё более страшное воспоминание. Однажды в пылу праведного гнева, который случался у мамы Иры по десятку раз на дню, родительница, раскалив страсти до той точки, после которой обидчика убивают, сообщила, что, когда долгое время не могла забеременеть, папочка предупредил: с бесплодной жить

не будет. Мама Ира в обиде на Господа отчаялась звать к равнодушным небесам и обратилась в «учреждение» этажом ниже к Самому - руководителю Преисподней. В результате на свет появилась Янка - подарок от Лукавого. Тираду завершала дежурная фраза, что по досадному недоразумению мамочка не задушила исчадие ада, пока оно, то есть Янка, ещё помещалось в коляске. «Похоже на бред. Почему умирают люди, которых я ненавидела и желала им смерти, а ведь многих из них я едва знала?»

В мрачных размышлениях Янка почти подошла к гостеприимному Сеткиному борделю и почувствовала острое отвращение к этому месту и его обитателям. Но обратный билет был взят только на завтра. До завершения лечебного курса оставались целые сутки, а значит, нужно было где-то перекантоваться. Неприятные воспоминания последней ночи не оставляли, как мелкий, бесконечный дождь. Перспектива получить ещё один познавательный урок о ночной жизни в заваленной грязным тряпьем Сеткиной спальне казалась невыносимой.

«Хоть бы случилось что-нибудь такое, чтобы я и думать забыла обо всём этом!» - с тоской мечтала Янка.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

*Найти всё сразу невозможно;
всё сразу можно только потерять.*

Оскар Уайльд

- Дэвушка, дэвушка! У тётки Сеты зависаешь?
- ...а одна из них надела даже чистые трусы! - проникновенно вещал под гитару баритон с хрипотцой.
- Бедный ребёнок, тебя там ещё не фентифлюхнули в извращённой форме?
- Спасайся бегством! Заразишься трахикардией!

- Бесплезно, тётя Сета догонит и оттарабанит, шубы не снимая.

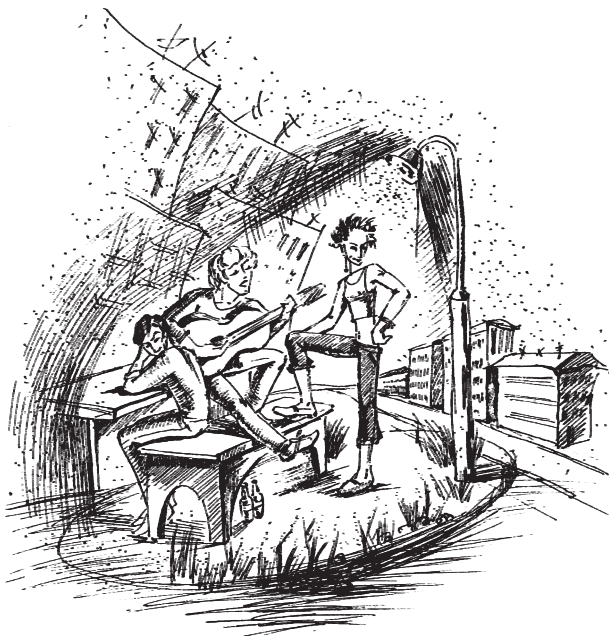
- Ты чего к ней прилепилась? Эт-ж отстой!

- Давай причаливай. По пивусику?

- ...завтра в школу не пойдём! - завершил песню на уверенной ноте баритон с хрипотцой.

Перед Сеткиным подъездом, вытеснив дневную смену пенсионерок, сидела ватага ребят с гитарой. Компания ровесников и возможность не возвращаться на коротенькую кровать стали неожиданным чудом спасения. Колесо времени закрутилось быстрее. Парни были очень симпатичные, особенно выделялись двое: задиристый, мускулистый Таран и утончённый, с замашками аристократа Игорь Гвоздев. Если бы изящного Гвоздева одеть в чёрную мантию, сменить дорогие очки в золочёной оправе на дурацкие круглые, на лбу нарисовать шрам в виде молнии, а белокурую шевелюру покрасить в радикально-чёрный цвет, то его невозможно было бы отличить от экранного воплощения Гарри Поттера. Сходство усиливалось, когда он одаривал Янку долгим взглядом, излучающим добро и торжество Светлой магии.

Одна из девушек, скромная Оля, вскоре ушла домой, зато не думала сиротить подопечных Шига - заводила и явный лидер. Сутулость и несуразность её фигуры скрашивало обилие бисерных фенечек, колечек, разноцветных пряжей, замысловатых татушек, что, несомненно, причисляло её к высшей касте вождей-шаманов. Несмотря на то что Шига не выговаривала половину алфавита, на язык ей было лучше не попадаться. Её задорный дворовый сленг с отважной картавостью-шепелявостью действовал завораживающе. Шига обладала ещё одним неоспоримым преимуществом - она имела собственный мотоцикл. Диалоги Шиги с парнями о технике напоминали Янке иностранную речь и внушали уважение.

Хотя давно стемнело, никто из ребят не торопился домой. Стало ясно, что ночные прогулки для компании естественны и привычны, чего нельзя было сказать о Янке и её домашнем карцере. Она не могла упустить возможность окунуться в запретную, вольную жизнь, о которой всегда мечтала. Ей было весело и необыкновенно спокойно. Никто не наваливался на неё вонючей тушей, не рвал нижнее бельё, не смущал отвратительными подробностями чужой интимной жизни.

Быстро закончились запасы пива, спрятанные от прицелов родительских глаз, рассредоточенных по наблюдательным площадкам балконов. Бренчала гитара. Худая Шига с грацией парализованного жирафа смешила всех нелепыми танцами.

- Музон - торчок! Приколись! Пошли кал месить!
- Не плющит без адреналина. Кирнуть бы для на-
строения.

- Ага, щаззз. Обломайся!

Выдержав театральную паузу, импозантно-зага-
дочный Игорь Гвоздев сделал друзьям сказочное пред-
ложение, чем окончательно стёр зыбкую грань меж-
ду собой и юным волшебником. У него дома был спирт!
Предусмотрительная, мама акушер-гинеколог, пре-
дупредила сына, потерявшего её материнское дове-
рие, что этот спирт пить опасно, он в доме для техни-
ческих целей, добавив для пушей убедительности, что
в нём держали ампутированные органы. Но разве та-
кие мелочи могут остановить настоящих искателей
приключений?!

- Слышь, Гвоздь, в том спирту, поди, спирали по-
лоскали, внутриматочные?

- Ах, оставьте сомнения, мисс! - с видом кавэз-
новского балагура парировал Гвоздев. Общим еди-
ногласным решением спирт был признан годным к
употреблению и изъят из наивной заначки. Более
того, напиток превзошёл ожидания - оказался не-
разбавленным.

Громко и радостно галдя, пересекая тёмные дворы,
вся пиратская команда направилась из обжитой посел-
ковой зоны в сторону корпусов кожного диспансера.
Из стены одноэтажного строения, стоящего на отшибе,
торчала ржавая труба с постоянно текущей холод-
ной струйкой. Таран заговорщицким шёпотом сообщил
каждому, что это морг, а водичка такая вкусная, пото-
му что из-под синего Феди течёт.

- Это чево-о, в ней жмуров обмывали, а мне пить?!

- Жалом не води, пей давай, за одно продезинфи-
цируешься.

- Торкнуло?

- Закусывать будем курятиной - сообщила Шига и,
закурив очередную сигарету, передала по кругу ды-
мящуюся «закуску».

*One day went to a business,
I and Robinovich...*

Narodnaya pesnya «Murka»

Толпой неустрашимых завоевателей вальяжно шествовали они по ночным улицам притихшего, напуганного посёлка. Мир лёг у ног «великого братства» не сопротивляясь. Янкино сердце распирало необыкновенное счастье и свобода.

...Гоп-стоп, мы подошли из-за угла!.. Вдруг луна разбилась, и стало много лун!

...Гоп-стоп, ты много на себя взяла!.. Пьяный воздух, как ароматное лимонное желе, бери ложку и ешь!

...Теперь оправдываться поздно!.. Нет, нам никогда ничего не будет поздно!

...Посмотри на небо, посмотри на эти звёзды!.. Ах, какие звёзды - гирляндами висят над самой головой!

Ночное озеро приняло юных античных богов в тёплые объятия. Янка плыла обалдевшая, невесомая, а её широкая футболка пузырилась мерцающим облаком. На берегу, светя маленькими округлостями груди и ягодиц, хохотала совершенно голая и смелая Шига. Братия, привыкшая к закидонам предводительницы, поглядывала на неё с интересом и плохо скрываемым смущением. После ночного пляжа купание продолжилось в фонтане на центральной площади. Все спокойно выдохнули, когда Шига наконец-то оделась. Сгрудившись по-семейному, ребята докуривали последнюю сигарету, бережно передавая её друг другу. Особенно бодрило близкое расположение дежурного милицейского пункта, единственного освещённого здания в этом таинственном, запредельном мире.

- Мороженого хочу-у! Хочу мороженого-о! Дааайте, дааайте мне мороженого-о! Е-есть хочу-у, пи-ить хочу-у! Чево я курить буду? Ааа-ааа!!! - гнусавила Шига, заламы-

вая руки, как актриса немого кинематографа. В арке между домами призывно высвечивался в темноте ларёк с вывеской «Мороженое». Ни на минуту не задумываясь, с энтузиазмом, с каким только что ныряли в воду, героини решительно двинулись покорять так вовремя подвернувшийся «Эверест». Наличие рядом неусыпных стражей правопорядка добавляло пикантности. От осознания героических намерений команды Янкино сердце ухнуло вниз и медленно вернулось, но уже не таким беззаботным, как раньше.

- Эй, не тормози. Замёрзнешь! - деловито сплюнув, Шига пошла «на шухер», а весь её длиннорукий и длинноногий взвод направил усилия на борьбу с дверью. Окна киоска были тщательно закупорены, а вот металлическая дверь казалась непрístupной только на первый взгляд. Онемевшая Янка стояла и смотрела, как, уцепившись за верхний край двери, загорелые мускулистые парни с упорным сопением неотвратимо отгибают его всё сильнее и сильнее. По плечам верных товарищей ловкий Таран взлетел наверх и встал на вывернутую часть двери. Упёршись спиной в верхний косяк, он стал ритмично качать дверь ногами, как на тренажёре, пока та не изогнулась самым уродливым образом, распахнув чёрную пасть. Юркнув внутрь и быстро обшарив полки, Таран стал передавать голодающим гуманитарную помощь: сок, блоки сигарет, упаковки жвачки, хрустящие пакетики с чипсами и орешками. Всё остальное было заперто на амбарные замки. Мороженого в ларце с сокровищами и вовсе не оказалось.

На Янку напал ступор, она не могла говорить, а только ненормально отрывисто хихикала. Её поражало всё: и та сплочённость действий, достойная коммунистического субботника, и то, что, оказывается, возможно голыми руками согнуть железную дверь, и то, что, не понижая голосов, компания, совершив только что невиданное по дерзости преступление, расположилась пировать в ближайшем соседнем дво-

ре, совсем рядом с изувеченным киоском. Никто не убегал, не прятался, наоборот, все громко, как на празднике, возбуждённо обсуждали случившееся, с удовольствием хрустели чипсами, дули сок, курили сигареты да ещё горько сожалели, что так и не удалось поживиться мороженым.

- Они его, наверное, на ночь в большой холодильник прячут, жилы рваные.

- Ну, а ваще будку классно бомбанули! Мне понравилось, - картавила Шига, - а чё, вместе сядем, вместе выйдем!

«Поразительно, как такая карга виделась мне отважной пираткой Пепши Длинныйчулок», - с отвращением думала Янка. Теперь Шига выглядела слишком худой, безнадежно испорченной и внушала ужас. Только Игорь Гвоздев, казалось, понимал, что происходит. Он перестал балагурить и с тревогой поглядывал на Янку. «Наверное, подозревает, что я - слабое звено и сдам всех при первом же допросе» - объяснила себе Янка, поймав внимательный и серьёзный взгляд Игора.

Она не могла есть, только изредка мяла в руке пакетик с орешками, чтобы хрустом создавать впечатление сопричастности к общей весёлой трапезе. «А чем я, собственно, лучше? - проносилось в Янкиной голове. - Не зря я оказалась среди них, такая же преступница!.. Уйти. Сейчас же. К Сетке. Но обратная дорога идёт мимо ментовки, другой не знаю. А вдруг там уже спохватились? Да и как воспримут побег мой подельники?»

Тем временем группировка, даже не приглушив брэнчание гитары, которую Янка уже ненавидела, направилась в сторону поселковых дач. Они пробрались в крошечной тьме сквозь густые кусты, шагали по чьим-то грядкам, перелезали заборы с колючей проволокой. Всю дорогу Янку бережно поддерживал десяток надёжных, тёплых рук, что могут гнуть металлические двери. Задерживались лишь, чтобы под

тусклый свет зажигалок нарвать мягкой малины или вишни, казавшиеся Янке теперь одинаково безвкусными.

Наконец-то у одной из дач ночной десант притормозил. Так как дом был двухэтажный, а дверь открытой, Шига постановила ночевать в нём. Сначала атаманша негромко, но требовательно поспрашивала притаившийся домишко, нет ли в нём кого. Внутри были найдены и зажжены свечные огарки. На пол брошены матрасы, одеяла и куртки. Но самый удивительный подарок ждал на столе, где стояла двухлитровая бутылка самогона в сопровождении инструкции. Записка, нацарапанная крупным, старческим почерком, гласила: «Сынки, угошайтесь, только не ломайте ни чиво и пожалуста не пожгите!» Такая уж, видимо, у компании была планида - выпивка и закуска существовали друг от друга всегда отдельно.

Под восхищённые взгляды Янка пила вонючее пойло большими глотками, как спасительное лекарство, не чувствуя горечи.

«...Пить!.. Пить!.. Где я?! На поле битвы? Вокруг тела, тела... Нет, вроде бы все живы - сопят, храпят, воняют.

...Вспышка!!! О, Боже! Мы же вчера киоск ограбили! ...Кошмар! Какой кошмар!! ...Ужас!!! Лучше бы совсем не просыпаться. Сдохнуть на этом грязном, чужом полу. Достойная смерть для такой твари» - очнувшееся воображение рисовало картины, одну отвратительнее другой. Раз - и доблестная милиция тщательно исследует место преступления. Овчарки, проявляя служебное рвение, взяли след. Два - они во дворе, где жевались и распивались похищенные злоумышленниками продукты питания. Оперативная группа быстро реагирует, ловко перемахивая заборы, окружает убогую «малину». Три - и она, Янка, в синей робе с номером, обритая наголо, жалобно и тоненько скулит, растирая по лицу грязные разводы. Громадный, го-

риллоподобный мент, зверея, с размаху бьёт с хрустом, ломая ей нос. Холодные капли стекают по облупленным стенам карцера. Машины глаза на суде: «Ты мне больше не дочь! Отказать ей в услугах адвоката!» Но самое потрясающее своей жестокостью было то, что при таком раскладе Янка напрасно выдержала огромный конкурс в художественное училище, столько волновалась, так радовалась поступлению... Разбился хрустальный замок. Дзинь... Она никогда не станет живописцем, никогда не пойдёт по улицам с этюдником, а красивые парни не будут приставать к ней: «Девушка, нарисуйте меня!», её картины не увидят выставочные залы, и сама она не будет курить длинные тонкие сигареты у собственной афиши в окружении бородатых авангардистов в вытянутых свитерах. Всё... Дверь камеры с лязгом захлопнулась, и Янка осталась вся в синих портахках, изнасилованная пенитенциарной системой, с растоптанной карьерой Рафаэля, ограбившего ларёк.

Лежащая на Янкином колене рука Гвоздева с модными часами со светящимися цифрами отвлекла её от мрачных зарисовок тюремного быта. Половина седьмого утра! Янка подскочила. Окунув лицо в бочку с водой, стоящую во дворе, она с удивлением отметила, что те ночные дебри, через которые с трудом продирался их боевой отряд, отсутствуют. Где их только находили? Ветхое строение с открытыми настежь воротами стоит, как на ладони, да ещё и рядом с автострадой.

«...Бежать! Прятаться!.. Нет! Сначала необходимо уничтожить отпечатки пальцев, стереть с отогнутой двери. А я ещё бралась за дверную ручку, когда помогала выносить коробки с соком. Ну зачем я бралась за ручку?» - крутились по кругу вязкие мысли, а сердце глухо стучало в глотке: «Вдруг сейчас вылетит из-за угла толпа милиционеров со сворой овчарок, и меня за горло - хватать... Ведь не успеют оттащить кобеля!»

По пятам преследовала несуществующая псовая погоня. Каждое тьяканье случайной шавки заставляло сердце выпрыгивать и беспомощно биться пойманным мальком. Изо всех сил, стараясь не переходить на бег, Янка неслась по предрассветному, ограбленному ею посёлку. По дороге она рвала пучки травы, чтобы было чем стереть отпечатки пальцев. «Главное не пораниться, ведь кровь на месте преступления - неоспоримое доказательство. Ещё повесят на меня нераскрытые убийства за последние десять лет. Под пытками-то во всём признаешься!»

Осторожно, из-за угла, Янка наблюдала за местом преступления. У киоска оживлённо совещались две полные женщины и энергично жестикулирующий старичок-дворник с обглоданной метлой. Обезображенная дверь была отперта. Дворник и одна из женщин удалились, доверительно беседуя, а вторая осталась хозяйничать в киоске, нагружая сумки и коробки теми товарами, которые в ночной спешке остались незамечены злодеями. Янка забежала со стороны двери и судорожно протёрла дверную ручку. Дверь злорадно скрипнула, отомстив за поругание. Обезумев от ужаса, Янка рванула на парализованных ногах не разбирая дороги.

«Бежать! Бежать! Домой, скорее домой, к маме, такой любимой, как никогда!!! Ну что они все обо мне знают? Ничего. Только имя. Поэтому даже допрос мало что прояснит, - звенело в Янкиной голове. - Ой, у Сетки же есть мой адрес! Так что, если надо, менты из-под земли достанут. Справедливость восторжествует, как во всех оптимистических сериалах про милицию. И тогда решётки... наручники... позор...»

Янка то сидела на пляже, пряча глаза, то ей казалось, что за ней наблюдают, и она понуро брела в парк, беспрестанно оглядываясь. Вокруг суетились отдыхающие, озабоченные продуктивностью оздо-

ровления, шла обычная курортная жизнь, казавшаяся теперь далёкой и бессмысленной. До поезда оставалось ещё три часа.

«Да, верно говорят, что безделье - мать пороков. Была бы делом занята, не влипла бы в это». Заметив, что два поддатых пролетария, отодвинув в сторону карты, демонстрируют ей явную симпатию, обнажая разномастные, недоукомплектованные зубы, готовясь перейти к активным действиям, Янка поспешно направилась к Сетке: «Нет, хватит с меня санаторно-курортного лечения. Живой бы вернуться!»

В Сеткиной квартире было пусто, если не считать папаши, изрядно просветлённого уже с утра. Никто не маячил, не задавал лишних вопросов. Это счастливое обстоятельство не могло не радовать. Собрав вещи, Янка уже наладилась уходить, когда её взгляд наткнулся на красную записную книжку, валявшуюся рядом с запалённым телефоном. Решив вырвать из неё свой адрес, Янка снова и снова перелистывала книжечку листок за листком: «Ну я же точно помню, что Сетка именно сюда писала. Мистика какая-то!» Так и не найдя желаемых координат, Янка решительно сунула книжку в свою сумку: «В таком бардаке незаметна любая потеря». Пулей вылетев из подъезда, Янка нос к носу столкнулась с Шигой.

- Ссдоррофф! Ты чё свинтила? Мы, приколись, так оттопырились. Просыпаемся - ломы пудовые - передоз. Полный трындец! Ну, мы чё делать? Дёрнули к Гвоздю на хату. У него спотыкач зашкерен. Тарашка лосьон у гвоздевской маман вылакал. Прикинь! Ты куды с таким сидором?

- На пляж.

-А! Ну, давай. Вечером стрела. Сёдня ж танцы. Класс, что ты с нами. Будем селивановских гасить, а то чё-то они конкретно нюх потеряли. Навалием - мама, не горюй. Я на них давненько зуб чешу. Покажем чмошникам свободу в щёлочку.

- Слушай, Шиг, а... как ты думаешь, нам что-нибудь будет, ну... за киоск?

Шига неопределённо пожалала тощими до жалости плечами. («Как она собирается навалить селивановским, неужели они ещё дохлее, чем она?» - мрачно отметила Янка.)

- Ну, Тарана, мож, участковый выцепит дня через три. Он же на учёте. Ну, ещё кого поспрашают, туды-сюды... Да хер на него, на киоск. Че мы взяли-то? Двери надо лучше закрывать! - Шига вновь защebetала, как картаво-шепелявая сорока, в радостном предвкушении грядущей победы над безнадёжно обречёнными селивановскими доходягами.

ДОМОЙ!

Входящие, оставьте упованья

*Данте Алигьери
«Божественная комедия»
Часть I «Ад»*

Янка стояла на пероне железнодорожной станции Ярцево перед расписанием, в полном оцепенении и нарастающем ужасе. Если верить этому проклятому табло, то спасительный поезд уехал три часа тому назад, в 18.30 по местному времени, а не по московскому, как она ожидала. «Как я могла так лохануться?! Всё у них тут через задницу! Что делать?! Возвращаться - невозможно, невыносимо...» - маялась Янка у закрытого на веки вечные «Справочного бюро». В единственную кассу струился роскошный хвост из курортников, завершивших лечение, но так и не успокоивших больные нервы.

Не прошло и двух часов, как, к несусветному Янкиному изумлению, ей поменяли билет на ближайший поезд, забрав, правда, в качестве компенсации

все деньги, каким-то чудом сохранившиеся в кошельке. Но разве могло столь незначительное обстоятельство омрачить счастливую возможность покинуть опостылевшую здравницу? Измучившись на фанерных стульчиках и выкурив от голода и вялотекущего психоза все сигареты, Янка дождалась, наконец, когда перед ней отворились заветные двери вагона.

- Девушка, я вам ещё раз повторяю, мест нет. Ну нету мест в вагоне!

Янка, не мигая, сквозь слёзы смотрела на обширное белое пятно, мерцающее на месте рябого лица проводницы, вдыхала извергаемые ею винные пары и отказывалась верить в происходящее.

- Пожалуйста! Я умоляю вас! Мне необходимо ехать. Меня мама ждёт. У меня нет больше денег, у меня же есть билет. Пожалуйста! Пожалуйста!

- А я не знаю, кто вам эти билеты продал. Я, что ли, вам эти билеты продала? Идите в кассу, к дежурному, начальнику вокзала... Разбирайтесь с кем хотите!

«Заканчивается стоянка поезда Алма-Ата-Новосибирск, - прогнусавили сверху.

- Так. Слышала? Отправляемся. Отойти от вагона! Нечего тут! Ты русский язык понимаешь аль нет?

Как будто поняв что-то, Янка молча сняла золотые серёжки и протянула их окончательно расплывшемуся пятну: «Ничего, ещё остался заветный бабушкин перстень» - его Янка оставила дома, боясь потерять.

- Ну, залазь, ладно уж. Устраивайся где найдёшь, на третьей полке вон. И откуда только такие хамки наглые берутся? Прёт напролом, хоть ты ей тут чё...

«Что б тебе лопнуть!» - мысленно парировала Янка.

Тёмный вагон напоминал захламлённый, затхлый чулан. Повсюду сидели и лежали люди. По несколько человек размещалось не только на полках, но и на ящиках, тюках, коробках, заполонивших все прохо-

ды. Обещанные «гостеприимной» хозяйкой вожделенные третьи полки, словно чёрные беззубые рты, были забиты поклажей и телами. Невозможно было найти свободного пяточка пространства, чтобы даже присесть. Доблестная труженица путей сообщения не лукавила - мест в вагоне действительно не было.

- Чучмеки товар везут, - пояснил участливый пассажир, видя Янкину растерянность.

Ей вдруг показалось, что она находится внутри клубка кишаших, липких червей. Пришлось спасаться в тамбуре, пропахшем мочой и табаком. Янка села на свою сумку, скинутую на грязный, заплёванный пол. И тут, впервые за свой долгий отпуск, почувствовала она что-то похожее на защищённость. Иногда, к Янке в тамбур заходили пассажиры, угощали местную жительницу сигаретами, перекидывались из солидарности сочувственными фразами.

- Ладно, что ж теперь. Не в Америке живём.

- Едем - это главное, не ногами же топаем.

Домой-домой, домой-домой... отстукивают ритм колёса. Нет же - это ударная установка, барабаны, тарелки... Джаз... всё громче, громче... Дверь, болтавшаяся из стороны в сторону, наконец-то замерла, распахнувшись настежь. Но за ней почему-то не было скрежещущего металлом перехода в соседний тамбур, а прямо с порога... расстилалась мягкая, как пушистый ковёр, изумрудная трава. Какой яркий солнечный свет! Прямо над ней в васильковом небе сияли сразу две радуги - одна над другой, а под ними быстро-быстро, обгоняя друг друга, плыли бело-снежные облака. А разве бывает сразу две радуги? По поляне промчалась стайка детей, они звонко смеялись, гоняясь за бабочками, огромными, как летающие веера: «Сцыляет щебетар! Солвей дудуцу!» До горизонта расплескались кружевной пеной маленькие летние кафе. Ослепительную белизну их пластиковых интерьеров нарушают лишь разноцветные

зонты от солнца. Компании одетых в белое людей беззаботно щебечут, потягивая вино. Тёплый летний ветер играет воротниками, юбками, бахромой пёстрых флажков, воланами скатертей. Янка скинула босоножки и побежала босиком по траве. Ах, вот откуда музыка - на летней эстраде под навесом играют музыканты. Янка шла мимо столиков, замороженно наблюдая, как кружатся в высоких бокалах кубики льда. Вдыхала тонкий аромат ландышей, расставленных повсюду. К Янке повернулась миловидная женщина и приветливо протянула вазочку с мороженым.

- Ой, это мне?! Какая прелесть! Спасибо вам огромное!

В ответ женщина заворковала на неизвестном, мягком наречии, изливая из глаз, как апрельское небо, свет бесконечной доброты: «Притынь де сластыниченнэ! Плитти! Плитти!» Только в этот момент Янка поняла, что все вокруг говорят на непонятном языке: «Где я? Говор не английский и уж точно не немецкий. Напоминает французский, но нет, не он. Что-то всё вокруг чересчур чисто и благостно. Кустики фигурно подстрижены. Газон ровнёхонький - не в российских традициях. Доброжелательные, счастливые люди. Подозрительно!» Рассеянные догадки прервал ещё более странный эпизод. Плавно, словно скользя по облакам, распахнув руки для объятий, к Янке приближался статный юноша с медовыми глазами, похожий на ангела. Пока белокурый красавец крепко обнимал Янку, как родную, смущённая девушка напряжённо перебирала в памяти, где она могла видеть его раньше. Это красивое лицо было ей, безусловно, знакомо, знаком запах и мягкие прикосновения, знакомо ощущение покоя, исходящее от него, но тем стыднее не вспомнить имени столь близкого человека. Может, когда он заговорит, то, услышав голос, всё разрешится - и в памяти всплывёт родное имя. Как

будто прочитав Янкины мысли, прекрасный незнакомец обратился к ней, ласково улыбаясь:

- Девушка! Э-э, бля, бомжиха, что ли? Давай вставай. Развалилась тут!

В тамбуре было уже светло и от того ещё более грязно и мерзко. Над Янкой в праведном гневе нависли сердитые пассажиры, желающие выйти быстрее, чем остановится поезд.

Когда сквозь запылённые стёкла стал угадываться силуэт родного города, от Янкиной затравленности, навеянной внезапным пробуждением, не осталось и следа.

«Мой город! Мой вокзал! Я дома! Ура!!!» - ликовала она, едва сдерживаясь, чтоб не закричать. Подхватив пожитки, Янка спрыгнула на перрон и полетела по родным улицам, пронизанным золотыми рассветными лучами, не замечая коротеньких травинков, торчащих из расстёгнутых босоножек. И уже не увидела, как к вагону подъехала неотложка, как грузили безжизненное тело проводницы. И не узнала бы теперь её рябое лицо, перекошенное инсультом, если бы не знакомые до боли серёжки - подарок бабушки.

Дома всё по-прежнему, будто Янка не уезжала никуда не было в её жизни этих состаривших душу дней. Вид родного жилища отрезвил патриотический пыл: «Зачем так стремилась сюда? Никому я не нужна, даже здесь». С нарастающим унынием она обвела взглядом изученные до отвращения детали интерьера. Обувь в коридоре расставлена по ранжиру и назначению. Тарелки в кухне - в неизменном иерархическом порядке. Посудная тряпочка, свёрнутая непременно рулончиком, покоится справа от плиты и нигде больше. В дизайне гостиной так же безраздельно властвует домострой. Многочисленные вазочки, коробочки, шкатулочки – каждая на своём месте. Не дай бог сдвинуть на сантиметр! Книги непременно по цвету об-

ложки. Диванные подушки выстроились по росту длинной шеренгой. Ша-агом марш!

Над диваном противно усмехался ушасто-конопатый портрет кумира семьи - Лёнчика, младшего брата, откровенно недоумевая, как же это можно выбиться из расписания английско-скрипично-теннисных занятий?! Лёнчик - успешный! Лёнчик - удачный! У него нет проблем с математикой, он не теряет деньги, не интересуется, как устроены люди без трусов. Им можно гордиться! С Янкой всё по-другому:

- Что-то ты, доча, пузо такое себе наела безобразное и щёки уже со спины видать!

Для девушки-подростка такое замечание звучит, как расстрельный приговор. Янка, как положено, в слёзы. Мама Ира долго трясёт её за плечи и пытается:

- Ты, что, беременна? Признайся, ты беременна? Не бойся, скажи мне, я ведь твоя мама!

Как ответить, что не нашёлся ещё желающий даже поцеловать такую уродину, одетую в отвратительное шумуТЬё, купленное в секонд-хэнде.

- Почему ты постоянно плачешь? Скажи, ты наркоманка? Наркоманка?!!

Янка давно заметила, что не может спокойно находиться с мамой Ирой в одной комнате. Её начинало разрывать нечто страшное, необъяснимое, абсурдное, то, что она не могла ещё толком сформулировать, но о чём уже догадывалась, не в силах примириться, - огромная, материнская нелюбовь - пожизненная, непоправимая её беда. «Значит, я сама виновата, раз родная мать меня не любит. Ненавижу себя...»

- Что, дочь, опять Гитлер тебя строит? - участливо интересовался отец, полностью подмятый «семейным счастьем». Иногда, опасливо озираясь, папа совал дочке в руку смятую денежку, заныканную от домашнего вертухая: «Матери не говори!» В своём автоцехе отец считался уважаемым и незаменимым. Но в семье являл собой досадное недоразумение. Бывало, что, придя домой в подпитии - на стадии без-

рассудства, отец пытался восстановиться в статусе главы семейства. Тогда в его голову летели: обувь по ранжиру, тарелки в неизменном иерархическом порядке, а также многочисленные вазочки, коробочки, шкатулочки...

С годами ситуация усугублялась. Отец всё больше пил, теряя человеческий облик. А последнее время вообще исчез - просто ушёл, как обычно, на работу и не вернулся. Янка замкнулась и старалась реже бывать дома. Мама Ира становилась всё невыносимее. А героизм Лёнчика вплотную приблизился к легендарному образу Павки Корчагина, строящему в одном ботинке узкоколейку из грязи.

Часть 2

ЧУВСТВО ЛОКТЯ

ЖЭПЭО

*- Гульнур, скажи, что с нами будет?
- Ничего особенного, сначала осень,
потом зима, потом весна,
потом лето - и жить будем!*

Из разговора первокурсников

«Впервые в жизни первое сентября - не обоср...! - удивилась сама себе Янка. - Странно даже, что не хочется по привычке удавиться от приближающегося Дня знаний». Напевая «школьные годы чудесные...», песню, которую раньше не могла слышать без отвращения, подошла к старому трёхэтажному зданию.

Открыв тяжёлую дверь училища, Янка сразу почувствовала запах масляных красок. Сладкий аромат счастья, одно воспоминание о котором вызывает блаженную улыбку и коим пропахнет вскоре вся её одежда, волосы и вся она. «Янка, у вас что, дома ремонт? От тебя так краской несёт!» - будут спрашивать знакомые из прошлой жизни, страшной в своей обыденной серости.

На доске объявлений, терявшейся среди набросков и этюдов, висели списки зачисленных на первый курс: «ЖПО-1»(!!!) (живописно-педагогическое отделение).

«Название у меня теперь матершинное в квадрате. Мало того что учусь в НАХУ - Нижнесибирское архитектурно-художественное училище, так ещё и ЖЭ.Пэ.О. Это просто откровенное издевательство! - негодовала Янка, - Знала бы, что так обзовут, не поступала бы сюда. А какая битва была на вступительных экзаменах! Конкурс не меньше, чем в ГИТИС. Но из сотен желающих отбирали группу в десять человек. И это всё ради того, чтобы ТАК называться! А как ответить, когда спросят, где ты, Яночка, учишься? - НАХУ ЖЭПЭО! За такой ответ могут вывеску начистить. Пойди потом объясни, что это самое лучшее в стране художественное училище, после которого без про-

блем зачисляются в академию». Янка вспомнила, как называли их группу на отборочном туре – «педикививописьки». Но после неприятного открытия новой аббревиатуры эта детская дразнилка не казалась теперь такой уж обидной, а звучала смешно и даже чуть-чуть эротично.

Янка пробежала глазами по списку своей группы, выхватив на выбор несколько фамилий:

Бондаренко Тарас
Карапетян Армен
Рахматуллова Гульнур
Стефановска Зденка
Талдыбаев Владимир...

Янкины глаза невольно округлились: «Ничего себе, дружба народов! Специально их, что ли, подбирали? Как же я вместе со всеми этими талдыбаями учиться-то буду? Ну а кого вы, девушка, собственно, ещё ожидали встретить в НАХУ ЖЭПЭО?! Так что всё нормально - соответственно месту. Как говорится, не место красит талдыбая, а талдыбай - ЖЭПЭО». Глубоко вздохнув, вспомнила Янка, как в детстве считала, что ёкарный бабай - это редкая народность степной Монголии...

Неожиданно, словно лавиной, накрыло осознание, что теперь ей предстояло стать частицей неизведанного, стыднопроизносимого, но всё же такого желанного мира.

В училище, как выяснилось, никто не потешался над названием, а живописное отделение уважительно называли - элитой, так как зачисляли на него, подвергая более жёсткому отбору, только самых одарённых. Именно с этого отделения вышли знаменитости, которыми теперь гордилось учебное заведение.

Не изжитые со времён славного застоя, уходили корнями в глубь веков студентческие традиции: бесконечные перекуры в оккупированной кочегарке, «мотыляние» в кафе «Мотылёк», распитие всего и везде...

Вопреки Янкиным опасениям, группа оказалась замечательной. Во-первых, парни, которых было обнадеживающее большинство (удивительное явление для обабленной страны), были взрослыми и симпатичными, отслужившими, а не откосившими от армии.

Переполненная новыми впечатлениями и не в силах сдержать удивления от разнообразия ярких индивидуальностей, Янка доверила свои впечатления бумаге.

Отрывки из Янкиного дневника

«...Тарас Григорьевич «Дед» - пожилой первокурсник из Западной Украины, за плечами стаж «по горячей сетке», разводы, алименты, старшие многих преподавателей. Немедленно-единогласно возведён в «самые старые старосты».

Хромцов - спартаец. Правильный. Самородок из глубинки. Единственный, кто не имеет за плечами художественной школы. Но его не могли не принять в училище, ведь даже самые жёсткие экзаменаторы боятся Бога. Хромцов наверняка молниеносно прыгнет из села Нижние Сопатки в модные европейские арт-салоны. Это будет потом, а сейчас он простой парень с россыпью веснушек, соломой выгоревших волос и печатью неистребимой провинциальности на челе. С первого взгляда по уши втрескался в ангелоподобное существо с круглыми, васильковыми глазами и нездешним именем - Зденка.

Зденка. Прозрачно-сиреневый эльф - нечто среднее между снежинкой и котёнком. К сожалению, слишком раннее осознание исключительности отразилось на характере ангелоподобного существа, сделав его далеко не ангельским, но это только добавило ей привлекательности в глазах всей мужской половины человечества.

Гапон - гениальный шизоид, «чернокнижник». Худая согбенная над рукописями фигура произрастает в самом тёмном углу мастерской. За толстыми оку-

лярами не видно глубоко посаженных глаз. А его странные зарисовки может объяснить только консилиум, состоящий из Зигмунда Фрейда, Альберта Эйнштейна, Иеронима Босха и двух-трёх районных психиатров. По статистике, ежегодно родное училище пополняет психиатрическое отделение на пять-шесть пациентов. В високосные годы и того больше. Гапон в этом списке явно первый.

Перепёлкин - полная противоположность своему замкнутому другу Гапону. Неуёмный лидер рок-группы «Зубы врозь», весьма популярной у бесчинствующей молодёжи. С первого дня обучения не расстанется с постоянной перспективой отчисления. Имеет редкий дар - подрывать спокойствие и провоцировать драчки преподавателей, оценивающих его дикие полотна».

Дальнейшие дневниковые записи приобрели более лаконичный характер:

«Талдыбаев - борец-одиночка за порядок и чистоту. Когда дымит ароматной вишнёвой трубкой, то кажется мудрым персонажем восточного эпоса. Безуспешно скрывает алкогольную зависимость.

Робик - мальчик из школы изящных искусств, трудоголик от живописи, старательный, аж противно!

Шмындрик - не знаю, можно ли с полной уверенностью отнести его к мужчинам, весь в серьгах, носит две (!) косички. Слащавый, прилипчивый гей. Акварелист - великолепный! Постоянно спрашивает у всех: «А тебе нравится?..»

Большая Мать (Оксана) - ей бы танковой дивизией командовать!

Армен - доминирующий самец, похотливый - на куриц заглядывается.

Нинка-Никотинка - этим всё сказано (хорошо, что она не в нашей группе!)

Лора - своего не упустит!

Гульнур - хохочущий китайчонок.

Нюся. Никакая. Что воля, что неволя - всё равно...»

Лишь одно досье Янка оставила незаконченным: «Цесарский - ...» Хотя сказать об этом эксцентричном кадре можно немало. Цесарский стал центральной фигурой всего училища с момента появления. «Можешь звать меня просто – хозяин», - знакомился он с одноклассниками. Длинный, худой очкарик, называющий себя высоким, стройным интеллигентом, обладал врождённым комическим даром и безостановочно фонтанировал остротами а-ля Карлсон. Несомненно, в его лице мировая эстрада приобрела бы мастера пародии и звукоимитации.

К сожалению, Цесарский являл собой ещё и пример того, как хронический юмор переходит в цинизм. Постоянно насмехался, задирал, доводил. Особенно злыми его шутки виделись тому, на кого были направлены, но когда он изгалялся над кем-то другим, то это казалось забавным и даже талантливим. Объектом надругательств Цесарского могло стать что угодно: патологическая Лорина жадность, бесконечный гапоновский трактат, авангардная поэзия Перепёлкина, Нюсина заторможенность и многое, многое другое. Но основной задачей Цесарского всегда оставалось одно: не покладая рук, во что бы то ни стало, жертвуя собой, подорвать авторитет «самого старого старосты»! Цесарский запросто мог заявить: «Дед, мурзилку попроще, ты ещё должен помнить Розенбаума кудрявым» или доверительно сообщить Шмындрику: «Знаешь, дедушка Тарас тоже в прошлом передаст». Когда Дед, не выдержав издевательств, взрывался, выходило ещё хуже. Спасаясь от недюжих кулаков, Цесарский со всех ног удирает по длинным училищным коридорам и горланил во всё горло: «Не убивай меня, пердя старая! Не губи ребёнка, педофил! Люди добрые, помогите, за мной гонится пупок с глазами!»

Цесарский обильно раздавал прилипчивые прозвища, но и он не осуществил детскую Янкину мечту, и она опять осталась без творческого псевдонима. Бес-

пardonный Цесарский разговаривал с ней очень вежливо и вообще старался обходить стороной, что не могло не настораживать. «Я, наверное, настолько серая, что даже Цесарский не удостаивает меня своих колкостей!» - грызла она себя. Возвращенные с младенчества неуверенность и страх соткали её характер из тысячи узелков.

Порой Янке казалось, что она симпатичная, особенно когда сильно покрасит глаза и завьёт густые пепельные волосы. Но чаще одолевали моменты острого недовольства собой. Обычно такие состояния наступали во время школьных уроков физкультуры, когда она особенно явно ощущала своё физическое несовершенство по сравнению с более стройными одноклассницами. Не то чтобы Янка была безобразно толстой, но до глянцевого идеала явно не достигала. Вот и сейчас по инерции у неё испортилось настроение, хотя спортивный час в художественном училище не имел ничего общего со школьной муштрой.

Группа являла собой настолько пёстрый разновозрастный отряд, что заметить среди этого безобразия Янку, а тем более как-то выделить, было очень проблематично.

Разношерстная команда маялась на крохотном стадиончике в ожидании строгого преподавателя физкультуры Егора Николаевича. О его зверствах в училище ходили легенды. Одной из самых изощрённых пыток считалось его неотступное принуждение несчастных студентов к сдаче норм ГТО девятьсот лохматого года. Но он оказался просто младенцем по сравнению со своими коллегами-соплеменниками семейства «физрук школьный, обыкновенный». Янка и не таких грозных обводила вокруг пальца. Не осилившая за свою спортивную карьеру ни одного приличного прыжка и забега, она была стабильно обожаема всеми военруками, физруками, включая даже тренеров-тёток. Почему? Для неё самой это оставалось за-

гадкой. Может, за округлость форм и подкупающую женственность, столь редкую в мире большого спорта.

Наконец вдалеке проявился силуэт Егора Николаевича в старинном спортивном костюме времён продрозвёрстки, пикантно обтягивающем пивное брюшко.

- Кто это там?

- Николаич Егор.

- Стукни зубами его об забор! - продекларировал поэтический экспромт подвижный, как мартышка, Перепёлкин, успевший облазить все турники и несколько раз преодолеть по собственному почину полосу препятствий, не запыхавшись.

В качестве разминки, осуществляя общение с миром посредством свистка, Николаич Егор изрядно погонял группу по стадиону. Затем, не скрывая скепсиса, стал записывать в бортовой журнал результаты бросков бутафорской гранаты. После каждого выступления очередного гранатомётчика мэтр становился настолько мрачным, что всем стало понятно без слов: претендентов в чемпионы по метанию бутафорских гранат среди них нет. Пессимизм тренера приобрёл непоправимый характер, когда Нюся, неудачно размахнувшись, уронила гранату позади себя. Не в силах более терпеть надругательств над физической культурой, Егор Николаевич сослался на необходимость срочной инвентаризации лыжных палок и спешно удалился, в очередной раз убедившись в полной бесполезности людей искусства.

Группе была предоставлена возможность порезвиться на свежем воздухе. Желая продемонстрировать, что есть ещё порох в пороховницах и ягоды в ягодицах, Тарас Григорьевич принялся задорно отжиматься, опираясь на вкопанное до половины колесо.

- Дедушка, а ваша бабушка уже давно ушла! - не оставил без внимания его порыв Цесарский. - Деда, а

ты можешь ещё при этом быстро-быстро скороговорку говорить: «Задумал debil бодибилдингом подбодриться» ?

Не обращая внимания на училищного шута, Тарас Григорьевич, играя мускулами, направился к турнику.

- В здоровом теле - здоровый дух! - как бы между прочим бросил он тощему, сутулому Цесарскому. Однако ни от кого не утаилась нотка назидательного злорадства. Брезгливо зажав нос пальцами, Цесарский гундосо парировал:

- Ф-фу, от дедули дух... здоровый!

Презрев оппонента, Тарас Григорьевич по-молодечки взлетел на турник и стал выделывать номера армейской акробатики. Но, когда завис вниз головой, вдруг, от его лысого темени, подобно распахнувшейся дверце, отделился чуб, скорлупкой прикрывающий голый череп. Каждое утро Тарас Григорьевич старательно маскировал лысину, мастерски укладывая длинные пряди и цементируя их лаком сверхсильной фиксации. Кое-кто смущённо потупился. Но для Мцеса этот конфуз стал очередным триумфом над Тарасом Григорьевичем:

- И вот открылась она - голая правда! Стариканы-маразматики, вперёд! Вступайте в партию пенсионеров-физкультурников! Вы станете похожи на секс-символ нашего времени голую коленку Гоши Куценко! - призывно провозгласил Цесарский, указывая энергичным ленинским жестом на странности причёски Тараса Григорьевича.

Взбешённый, с пунцовыми пятнами, Тарас Григорьевич пружинисто соскочил с турника и угрожающе двинулся на Цесарского:

- Ну, гадёныш, послушай теперь моё слово!

- Твоё слово будет в доме престарелых после клизмы!

Дальше следовала уже знакомая игра в догоняшки, только теперь спортивный вариант - не по узким

коридорам училища, а, как положено, по беговым дорожкам.

После урока физкультуры Янка хотела было по привычке пожалеть себя, но тут же застыдилась, вспомнив тяжкую долюшку «самого старого старосты».

НЕ ЧИТАЙТЕ, ДЕТИ, НА НОЧЬ!

Мефистофель.

*- Часть силы той, что без числа
Творит добро, всему желая зла*

Иоганн Вольфганг Гёте «Фауст»

Вернувшись домой, Янка первым делом надела перстень с мерцающим камнем. Вместе с приятной тяжестью на пальце её окутало спокойствие и уверенность, их так не хватало в последнее время. Как и предполагалось, бабушкин подарок долгое время оставался незамеченным. Лишь на днях мама Ира, наконец, заинтересовалась: «Откуда у тебя такое кольцо?» Подготовленный загодя ответ, что это дешёвая бижутерия, вполне её удовлетворил. Странно, но с появлением перстня Янке как будто стало легче: мать чаще оставляла её в покое - переключившись на общение с телефоном, сменив придирки на сплетни и жалобы. Ещё раз полюбовавшись бирюзовыми искорками внутри таинственного самоцвета, Янка спрятала кольцо под подушку.

Сегодня выдался редкий случай насладиться одиночеством. Она очень любила такие вечера, без суеты и зудения: «Я тебе, засранка, жизнь подарила, а ты сапоги свои чёртовы по всему коридору раскидываешь!»

Девушка долго блаженствовала в горячей ванне, которую в отсутствии надзора можно было от души наполнять душистой солью и пеной, без окриков и за-

мечаний густо-густо намазаться кремом, допоздна смотреть телевизор и сколько угодно читать в постели. Янка не торопилась, как раньше, пользоваться выхваченными у жизни льготами, а неподвижно лежала на своей кровати, распаренная и обессиленная, желая только спокойствия и тишины.

Как будто в угоду её желаниям, само собой выключилось радио (впрочем, последнее время оно регулировало рабочий режим по собственному усмотрению)...

Об отце уже несколько месяцев не было ни слуху ни духу. Янка понимала, что его жизнь с матерью не сложилась. Да и никто на свете не смог бы вытерпеть постоянные скандалы и мелочные придирки. Но как он мог бросить её - единственную дочь, не оставив даже записки?! В минуты, когда тоска становилась нестерпимой, Янка открывала «Мастера и Маргариту» на любой странице и начинала жадно читать, пока душевная боль не уходила постепенно сама собой.

«... Проснувшись, Маргарита не заплакала...

- Я верую! - шептала Маргарита торжественно. - Я верую! Что-то произойдёт! Не может не произойти, потому что за что же, в самом деле, мне послана пожизненная мука?..» Сколько раз и она, Янка, просыпалась с таким же предчувствием неотвратимости чудесных перемен, но, увы, ничего не происходило или становилось ещё хуже. «Наверное, я ещё не выстрадала того, что выпало испытать Маргарите. Не пришло ещё время моей награды за страдания, - думала Янка, углубляясь в чтение. - Эх, надо бы прочитать любимую книгу в третий раз, не отрывками от случая к случаю, а основательно!»

Неожиданно её мысли прервало самостоятельное радио:

- В редакцию передачи «Вестник Уфологии» приходят многочисленные письма от читателей романа Булгакова «Мастер и Маргарита». Очевидцы сообща-

ют, что после прочтения романа в третий раз (!) с ними происходят необъяснимые, мистические случаи. Редакция небезосновательно рекомендует своим радиослушателям воздержаться от очередного прочтения данного литературного произведения!»

На несколько секунд после любезного предупреждения, как это часто случалось с ней в стрессовых ситуациях, Янка замерла. Затем мгновенно подскочила и выключила «уфологический вестник», ей хотелось, хотя бы сегодня, самой распоряжаться своими действиями, без чьего-то вмешательства.

Усмехнувшись удивительному совпадению, Янка показала радиоточке язык. Почувствовав некий кураж, она несколько раз громко огласила в ночи своё безумное намерение:

- Прочитаю! Прочитаю! Прочитаю всё равно!

После чего демонстративно открыла роман и стала внимательно читать с самого начала. Очнувшись только глубокой ночью, когда холодящая душу сцена явления Геллы достигла своего зловещего апогея. Несколько раз Янка прерывалась, чтобы сбавить накал нахлынувшего страха. То ей казалось, что скрипнет в коридоре половица, то посуда на кухне звякнет, а то и вовсе кто-то под ухом будто морковкой хрумкает и тщательно так пережёвывает. Но как только Янка вновь принималась читать, не в силах оторваться от завораживающей книги, потусторонняя жуть сковывала её с новой силой: «...и неотвратимо тянулась из открытой форточки к оконному шпингалету рука в трупных, гнилых пятнах, росла, удлинялась, отпирала окно... приближался и явно ощущался подвальный запах смерти...»

Боже! Это точно наяву - ШШШУХ... ШШШУХ... ШШШУХ... Янка медленно, как будто преодолевая сопротивление, подняла омертвевшее лицо в сторону загадочного шороха. Тусклый свет настольной лампы, которого едва хватало на освещение страницы,

поставил происходящее под сомнение. Из середины огромного рулона ватмана, покоившегося на шкафу, с тихим леденящим душу шелестом, медленно, по одному, вылетали листы и, разворачиваясь в полёте, мягко планировали на коврик у кровати. Бешеное сердцебиение сотрясало, казалось, всё Янкино тело вместе с комнатой. «Всё же нужно иногда прислушиваться к тому, что говорят по радио. Не всё, видать, врут», - в приливах холодного пота бедолаге удалось дотянуться до выключателя. Но и при ярком свете картина выглядела не утешительнее: один за другим большие белые листы продолжали вылетать из рулона, печально шелестя.

Вдруг боковым зрением Янка уловила ещё более странное явление. В узкой щели между стеной и шкафом, куда не пролезет и палец, мелькнул и скрылся, как добротный воротник из чернобурки, гигантский кошачий хвост...

За окном, наливаясь ядовитой бледностью, медленно, как гоголевский Вий, поднимал свои тяжёлые веки равнодушный рассвет. Дрожащими руками Янка нашарила под подушкой свой магический талисман. Надеть кольцо удалось не сразу. Но, обретя порцию спокойствия, исходящего им, девушка с трудом восстановила сбившееся дыхание и провалилась в спасительный сон, свернувшись в клубок, как одинокий щенок, отчаявшийся найти хозяина. Очнуться заставила настойчивая трель телефона. Вместе с неприятными воспоминаниями о святочной ночи на ум пришли мрачные кадры фильма «Звонок». Дрожащей рукой, словно повинясь гипнозу, Янка сняла трубку. Знакомый голос отца звучал совсем рядом, а казалось - с другой планеты. От нахлынувшего на Янку огромного счастья она плохо понимала, о чём он говорит, лишь отдельные фразы, как слёзы, катились напрямиком в сердце: «Дочура! Всё хорошо. Живу пока у знакомых. Люблю!»

ЧУВСТВО ЛОКТЯ

Голос.

Я полезных перспектив

Никогда не супротив!

Я готов хоть к пчёлам в улей,

Лишь бы только в колефтив!»

Леонид Филатов

«Про Федота-стрельца,

удалого молодца»

- Смотрите! Синяя луна! – крикнул кто-то.

Звёзды погасли, взошла яркая синяя луна, и все лица, обращённые к ней, стали голубыми...

Евгений Велтистов «Гум-Гам»

Подлетел к концу промозглый ноябрь, месяц, который пережить Янке было всегда труднее всего. Надежды на любое, хоть мало-мальское тепло утеряны, а впереди маячит лишь призрак беспощадной зимы. Но в этом году, видимо, всё шло наоборот. Ноябрь пролетел незаметно и безболезненно.

Весь день Шмындрик был в ударе. Утром кто-то из старшекурсников предложил позировать:

- Хочешь описаться с ног до головы?

Шмындрик, поломавшись для приличия, не скрывая радости, дал понять, что согласен на всё! Его вежливо пригласили зайти после занятий в мастерскую выпускников, а значит, он получил пропуск в закрытый мир для избранных, где за плотно задёрнутыми, чёрными шторами творится нечто - то ли эзотерическая мистерия, то ли изошрённая оргия.

Группа молодых людей обоего пола, весь световой день, созерцают обнажённые тела, называя их учебны-

ми постановками, а изображения аппетитных бесстыдниц в сексуально зовущих позах - работой. «Мужикам-художникам нужно за вредность молоко выдавать!» - не раз восклицал Армен, весьма встревоженный подобной перспективой истязания его пышноцветущей плоти.

Когда пятый курс вывешивал в коридоре выставку своих «обнажёнок», то становилось ясно, что не все работы отвечают высоким критериям одухотворённого искусства. Среди авторов встречались откровенные троечники, а то и вовсе неуспевающие по всем предметам лодыри. По этой причине неподготовленному, стыдливому человеку трудно было пройти мимо подобного вернисажа, не опустив глаз. В период экспозиции храм искусств напоминал небогатый, но популярный публичный дом, а вся атмосфера словно пропитывалась манящими ароматами возбуждающих духов из секс-шопа.

- Господа, айда в нумега! Я уже с мамзельками договорился! - нарочито картавил неуёмный Цесарский, выражая общеприподнятое настроение.

Счастье Шмындрика, с нетерпением ожидающего своего дебюта модели, не смогло ускользнуть от всеразрушающего ока Цесарского:

- Слушай, Шмындр, давно хочу тебя спросить, ты голубой?.. - в повисшей тягостной паузе-туче одnogруппники кидали в Цесарского тяжёлые, как булыжники, взгляды, - ...тюбик, говорю, голубой не брал?

Шмындрик проглотил обиду, но ожидание праздника ушло. Он заметно скис. Стал суетливее, чем обычно, беспрестанно ронял то резинку, то карандаш, без причины снимал и надевал свои стильные очки, часто моргая. Внутри у Янки словно сжалась огромная пружина. Сама того не ожидая, она решила заступиться за жалкого и униженного Шмындрика:

- Знаете загадку про Цесарского? Два кольца, два конца, а посередине - сволочь!

Из-за мольберта одобрительно крикнул Тарас Григорьевич.

- Да, вы ко? Да, я не ко! Это вам почудилось, это вам поюдилось. Я на вас жалобу подам... коллективную! – неожиданно плаксиво и примирительно заканючил враг. Прыгнув на колени к ошарашенному Шмындрюку, Цесарский моментально сменил маску:

- А тебе, друг Чичиков, позволь влепить одну безешку! Ах, позволь! Одну маленькую безешку! Ну, хоть одну!

Шмындрюк хохоча уворачивался от слюнявых поцелуев Цесарского и, конечно же, всё ему простил на десять лет вперёд.

Чтобы хам Цесарский пошёл на попятную? Тарас Григорьевич даже привстал от удивления.

- Грэндфаве, сит даум, плиз! Гейм оувер! Шмындр, надевай пенсионероглушительную установку, ваяй дальше, - посоветовал Цесарский, заботливо надевая на Шмындрюка наушники плеера, с которыми тот и так практически не расставался.

На второй паре Рисунка добрый гномик, а по совместительству мастер группы Валентин Валентинович проверял наличие домашних работ. Недельная норма была высока: сорок набросков и пять этюдов. С такими нагрузками справлялись не все.

К преподавательскому креслу прилепились Гульнур и Нюся. Как назойливые попрошайки, они ныли тонкими голосами, противней, чем в индийском кино, умоляя не выставлять им очередные двойки:

- Ню-у, Ва-алени-и-инь Ва-алени-и-ине-еви-и-и-ич!

Нудные мольбы на Валентина Валентиновича не подействовали, и он в такт гнусавой парочке ответил так же в нос:

- Двя-а-а... Двя-а-а!

Робик, как и положено трудоголикам, перевыполнил норму в несколько раз. По этому поводу Перепёлкин высокопарно продекламировал:

- Отодвигая в сторону мольберт,

Я восхищаюсь вами, о, Роберт!

Армен и половины задания никогда не успевал, да и по большей части предпочитал покупать у соплеменников наброски и этюды за наличные деньги, а также натурой - съестным и сигаретами.

- Арменчик, придумывай быстрее откаряку! - ехидно посоветовал Цесарский, его вечный соперник по амурной части.

- Валентин Валентинович, а у меня бабушка заболела. Сильно.

- Армен, ты же в общежитии живёшь. А бабушка твоя где?

- На Махачкала.

- Это такая чкала, где всегда махач! - пояснил Цесарский.

- А я, Валентин Валентинович, переживал. Работать не мог! Всё думал, как там мамочка моя одна с больной бабушкой...

- Слушай, дорогой, не грузи. Мы тебе теперь и мама, и папа, и дедушка Али... - не унимался вредина Цесарский.

- Два! - коротко прервал их Валентин Валентинович.

Невзирая на то, что задание чётко предписывало первокурсникам делать зарисовки простых предметов быта, большинство работ Гапона составляли сложные модернистские композиции, а если среди них случайно попадались положенные «кружки-чайники», то с изломанными до неузнаваемости формами и всегда с громкими амбициозными названиями. Под портретом страхолюдины неопределённого пола красовалось: «Пречистая Матерь». Кто-то из одноклассников-реалистов, исправив в названии только одну букву, приблизил произведение к истине, оскорбив портретиста. Теперь маленькую деформированную голову, посаженную на непропорционально могучие плечи, оправдывало новое название «Плечистая Матерь». Этюды кисти Гапона вообще представляли собой кашу из темно-коричневых пятен.

- Тут я экспериментировал в технике Рембрандта, - не замечая ужаса в глазах окружающих, гордо пояснял автор.

- Кстати, о Рембрандте. Знаешь, Гапоша, ничего так не красит картину, как кисть и краски! - авторитетно заявил Тарас Григорьевич. - Так что берись за кисти и пиши по-настоящему, цветом, а не какашками.

Цесарский пропустил самодовольное поучение Тараса Григорьевича, своего вечного оппонента, без достойного отпора, так как был чрезвычайно занят. К нему на плечо положила голову прекрасная Зденка. Цесарский замер, стараясь не спугнуть птицу счастья.

- Даже не знаю, как Вас, голубчик, оценивать, - поёжился Валентин Валентинович и как-то виновато взглянул на Гапона. - С одной стороны, вы много работаете, но с другой стороны - всё не то! Три балла.

- Цесарик, тебе не тяжело? - спросила Зденка тихо, но не настолько, чтобы этого не услышал позеленевший от ревности Хромцов.

- Даже не знаю, как вам, голубушка, ответить, - точно копируя голос и интонацию учителя, куражился Цесарский, - с одной стороны, не тяжело, вот с этой, - и он указал на своё свободное от Зденкиной головы плечо. Коварная кокетка залиристо засмеялась, твёрдо зная, чей взгляд буравит им спины.

- Так, следующий, - продолжал проверку Валентин Валентинович и вопросительно посмотрел на Цесарского.

- Ах, даже и не знаю, смогу ли... - громогласно отозвался Цесарский, желая всеми силами привлечь внимание публики на свой триумф - обладание Королевой Красоты.

Работы Цесарского были безупречны. Лучше были только у Хромцова. Его этюды изображали небо в разных состояниях: белые, пушистые облака,

бордовые сумерки над городскими многоэтажками, но самое большое впечатление произвели этюды грозовых туч.

- В Барокке писали такие небы! - восхищённо ахнула Гульнур, поразив Тараса Григорьевича в самое сердце наивной корявостью фразы и трогательными ямочками на щеках. Может, в этот самый момент высшие силы и решили заключить на небесах странный брачный союз уставшего от жизни, вынужденного страдать среди ядовитых малолеток Тараса Григорьевича и смешливой девчушки, самой младшей во всём училище.

Лору вызывали несколько раз. Она всё пыталась в последний момент перед проверкой что-то подрисовать, подправить.

- Вы будете показывать работы, в конце концов, или нет?

- Ой, ну я, эт самое, сейчас.

- Лор, поздняк метаться! Иди, сдавайся!

- Я только ещё вот здесь поэтсамываю!

В конце урока Валентин Валентинович попросил студентов принести из натурального фонда предметы и драпировки для новых постановок, а сам по неизменной гномьей привычке незаметно исчез.

С невообразимой какофонией в группу ввалились обвешанные разноцветными тряпьем Перепёлкин с саксофоном, Хромцов в военной пилотке и с балалайкой и, конечно, Цесарский с дырявой гармошкой наперевес.

- Драпернём по натюрмордам!

- Выступает Великий и Ужасный Михаил Цесарский с двумя подтанцовками, - пафосно объявил свой выход Цесарский. - Музыка из нот, слова из словаря.

Мелодию «Амурских волн» выводил на саксофоне Перепёлкин. Хромцов в такт подтренькивал одинокой балалаечной струной. Инструмент же Цесар-

ского был способен лишь на короткие, эротические вздохи, но зато сам Великий и Ужасный оказался обладателем красивого баритона:

*Тихо в лесу,
Только не спит Гульнур,
Хочет Гульнур амур-мур-мур-мур...
Вот и не спит Гульнур.*

*Тихо в лесу,
Только не спит Гапон,
Ночью Гапон писал пятый том,
Вот и не спит Гапон.*

*Тихо в лесу,
Только не спит Армен,
Бедный Армен сломал себе член,
Вот и не спит Армен.*

Во время исполнения последнего куплета Армен запустил в Цесарского увесистой «Анатомией для художников», хотя текст, без сомнения, принадлежал быстрому перепёлкинскому перу. Неуязвимый Цесарский, ловко увернувшись от снаряда, выскользнул в коридор.

- Дж-жаз-зз - это разговор-рр! - закатив глаза, проклокотал Перепёлкин.

Захватив с собой шляпу Гапона для сбора гонорара, новоявленный джаз-банд двинулся на улицу - радовать своим искусством несчастных прохожих. Следом побежал Шмындрик, самозабвенно стуча в загрунтованный холст, как в большой бубен. Но вскоре он, грустный и понурый, вернулся, вновь отвергнутый мужской компанией.

- Ян, ты не могла бы сходить вместе со мной?

- Куда, Шмындрик?

- Понимаешь, меня пригласили позировать старшему курсу, да мне как-то неловко идти одному.

«Если бы я решилась подзаработать «телом», то никого бы из группы с собой звать не стала, - подумала Янка, - тем более представителя противоположного пола. Но ведь у Шмындрика особый взгляд на жизнь!» Невзирая на щекотливость ситуации, Янке, безусловно, льстило доверие симпатичного юноши в таком сугубо интимном деле.

- Пошли! Сегодня буду твоим Брюсом Уиллисом - спасу.

В мастерской пятикурсников царил домашний уют. Для обиталища художников было удивительно чисто. На натянутых по стенам верёвочках, как бельё на прищепках, сохли сырые этюды. В шкафах и на полках - идеальный порядок (мечта Талдыбаева!). В углу круглый стол, застеленный вышитой скатертью, с фарфоровым чайным сервизом и горой сушек на блюде. За ширмой притаился поистине райский уголок: диван, торшер, рядом на тумбочке сборник стихов с чьими-то очками, пушистые тапочки на круглом домотканом коврике и, конечно, повсюду, до самого потолка картины, картины, картины.

Казалось, что здесь проживает добропорядочная семья творческих работников, но при внимательном рассмотрении у семейства обнаруживались явные странности. Например, на каждом мольберте была прикреплена табличка, интерпретирующая фамилию владельца: «Уманец - считай калекка», «Гусев - свинье не товарищ», «Ешь ананасы, Рябченко, жуй, день твой последний приходит, буржуй!», «Колот - не тётка!», «Маслов, кашу не испортишь!»

На вешалке рядом висели рабочие, ярко расписанные краской халаты. На одном были генеральские погоны, а иконостас из медалей-орденов не вмещался даже с тыла. Следующий халат гангстера-неудачника был слов-

но изрешечён автоматными очередями с запёкшимися в пулевых отверстиях кровавыми подтёками вперемешку с поцелуями, между лопатками красовалась огромная мишень с наливным яблочком в центре. Подол женского халатика украшала хохломская роспись с золотом, по спине другого прошлись босые белые ступни кукольного размера.

Осмотр экспозиции народного быта прервала милостивая старшекурсница. Внешний вид девушки можно было вполне назвать обычным, а халат на ней поломойно-техническим, если бы не ожерелье из карандашей-огрызков и реалистично выписанные глаза, что испытующе глядели с обеих грудей. Она сообщила, что группа спешно улетучилась на открытие чьей-то «персоналки», а ей доверили извиниться перед натурщиком и передать, что его будут ждать на следующей неделе. Когда студентка удалялась, то на выпуклостях пониже спины ребят проводил живым,

прощальным взглядом глаз, размером значительно крупнее, чем на фасаде.

Последнее, что поразило Янку, когда они покидали чудесную мастерскую, это кисти и карандаши, проткнувшие насквозь оконные стёкла, растущие из стен гигантские гипсовые уши. В углу, пронзённый золотой стрелой, потягивался «Умиравший раб» Микеланджело.

- Как это они стёкла насквозь проткнули?

- Ну, ты село! Берётся карандашик, ровненько распиливается. Одна часть садится на суперклей с одной стороны стекла, а вторая с другой. А мы в Остоженке вообще обломки лезвия к щеке или к виску приклеим, ещё кровь гримом подрисуем...

- В Остоженке?

- Училище хореографическое при Академическом театре.

- Бросил?

- Оттуда сами не уходят. Перед самым выпуском отчислили.

- Как? За что?

- Известно за что, за профнепригодность.

- За профнепригодность перед самым выпуском?

Это как?!

- А вот ТАК!.. Два ребра сломали и ... ногу.

- Кто?! - Янку передёрнуло.

Весь остаток дороги до остановки они шли молча. Основная часть родного курса томилась в ожидании транспорта. В давке переполненного автобуса к Янке и Шмындрику вернулось весёлое расположение духа. По салону неслись истошные, знакомые до боли вопли Цесарского:

- Мальчик, уступи место дедушке Тарасу Григорьевичу - ветерану Куликовской битвы! Не видишь, что ли, инвалид еле на ногах держится. Граждане, будьте милосердны! Мать, - голосил на весь салон Цесарский, обращаясь к Большой Матери, - только к грудям не подпушай!!! Не подпушай!!!

Задрав рукав куртки, он демонстрировал шокированным пассажирам свой острый, заляпанный краской локоть сквозь растянутую дырку свитера:

- Господа, войдите в положение, у меня обострённое чувство локтя!

ДУХ ОБЩАГИ

Фауст.
*Мир духов рядом,
дверь не на запоре...*

*Иоганн Вольфганг Гёте
«Фауст»*

«Учебный год в художественном училище, куда стремился поступить во что бы то ни стало, - это не то же самое, что учебный год в ненавистой школе. Ничего общего! В образовательной предтече отечественной тюрьмы и птицы не поют, и ноги не идут, и все надежды и мечты зарыты в землю тут. Бесконечна школьная пытка, в разнообразном арсенале инструментов которой есть особо изощрённые, такие как алгебра и геометрия. Но не тут-то было, не поймали! - ликовала Янка. - Я живу теперь в Доме Отдыха Моей Души, в семье, роднее которой не бывает - в художественном училище, где время летит с такой скоростью, что кажется, будто его и вовсе нет...»

Осоловевшая от непрерывного счастья бытия, она, не мигая, смотрела на проплывающий за трамвайным окном закат, по привычке подперев кулаками ноющие щёки, что болели теперь в конце каждого учебного дня от безудержного смеха. Глядя на багровое небо, Янка невольно складывала в уме его цветовую гамму: «Вверху голубая

Фэ Цэ в разбеле, а кнizu - киноварь с охрой средней и, пожалуй, можно немножко кадмия лимонного добавить за домами. О, нет. Хватит! Это уже просто мания какая-то - раскладывать всё вокруг на замесы».

Общежитие Художественного училища - «Сообщага» - закрытый, тесный мирок, обитатели которого выделяли собственные праздники, так легкомысленно отброшенные обывателями на обочину общепринятого календаря. Главным в чреде празднеств значилось 25 Мая - День освобождения Африки. На эту знаменательную дату выпадало окончание всех курсовых экзаменов и годовых просмотров, поэтому студенты, отождествляющие себя с чёрным народом, сбросившим оковы колониального рабства, произносили в этот поистине благословенный день тосты: «За освобождение Чамба и Камбари, Моси и Груси, Ибибио и Джукун!!!», следя по замусоленной карте, чтобы никто из освобождённых народностей не остался не поздравленным.

Следом шло летнее Народное Гуляние продолжительностью в месяц, под названием - Пленэр. Как все затянувшиеся праздники, весьма утомителен и наиболее насыщен счастливыми воспоминаниями. Например, скачки на этюдниках или всюнощное бдение под одним одеялом.

Из осенних наиболее значительным был «Конец колхоза». Завершение ежегодной студенческой уборочной страды бурно отмечалось в перелесках и за стогами, сопровождаясь полным опустошением сельских торговых точек от всего, что пьётся и курится.

«Посвящение в студенты» - с обрядом инициации, апогеем которого являлось всеобщее клеймение дрожащих первокурсников несмываемыми несколько дней со лбов и щёк чернильными печатями.

Ну и конечно, Святки - окончание первого семестра. Когда наконец-то волнения самой первой и самой трудной в студенческой жизни сессии позади, хотя любимый новогодний праздник безвозвратно отравлен экзаменами. Кто-то возведён в «одарённые», кто-то безжалостно отчислен. Но экзекуция, слава Богу, окончена - каникулы впереди!

С Рождества до Крещения Общага преобразуется до неузнаваемости. Осиное гнездо Ренессансной ботеги, где ваяют маститые мэтры и снуют шустрые подмастерья, грунтуются холсты и дымят кислые щи, обнажённые Деметры и Артемиды после возлежаний на атласе-бархате бегут курить в кочегарку, наспех укутавшись в заляпанные краской халаты. Всё замирает, стихает вечный смех и гомон, превращается в далёкое эхо. Коридоры становятся огромными, таинственными, гулками. Двери и ступени начинают отчаянно скрипеть, чтобы хоть как-то компенсировать непривычную тишину. Студенты разъезжаются на каникулы. На родном островке остаётся всего несколько аборигенов, сбившихся в маленькое, но отважное племя, стойко отражающее атаки злых демонов скуки.

Наряду с неприятными, но всё же эфемерными духами уныния в заброшенном замке заметно активизируется кое-кто похуже. К большому сожалению, совсем не эфемерный, а наоборот - огромный, мясистый монстр под названием Коменда. Эта горластая, неотёсанная бабища - чужеродный элемент живописных студий, оскорбляющий само понятие «искусство». «Проклятие рода Баскервилей», как нежно отзываются о ней художники, вовсе не ощущает себя лишним мазком на палитре жизни, а, как и положено человеку без интеллигентской застенчивости, рьяно несёт контрольно-постовую службу, не шадя сил, времени и всех, кто попадает на её многотрудном пути.

Каждый вечер ровно в девять часов усталая хозяйка запирает свою вотчину на два замка и тяжёлый засов. Патрулируя по коридорам общаги ещё в течение часа, Коменда придирчиво осматривает комнаты, бытовки, тёмные закоулки под лестницами, ища заговор против диктатуры пролетариата.

После тщательного осмотра вверенного помещения, она, как заботливый и неподкупный начальник тюрьмы, уложивший спать уголовников, вздохнёт спокойно:

- Всё! Сегодня уркаганы больше никого не убьют, не покалечат, не изнасилуют, - и отправится на покой в персональную VIP-камеру, чтобы оприходовать с устатку лекарственный четок и забыться праведным сном.

Общага, замерев от напряжения, вслушивается. Вот он долгожданный, желанный, могучий - ХРРРАП! Сигнал начала другой жизни - тайной, ночной. Осторожные шаги. Неопознанные тени. ШШШШ... Шелест. Шорох. Шёпот.

Девушки снимают с себя серьги, цепочки, заколки,.. все мелкие детали хитрого дамского туалета, давая эмоции и возбуждение. Лора и Гульнур, будучи хозяйками каморки (когда Коменда спит, конечно), деловито выдвигают на середину колченогий казённый стол, зажигают свечи, открывают примороженные форточки. Командующим шаманом, как всегда, избрана всеми уважаемая Большая Мать, строгая, но справедливая. Крупной, осанистой фигурой, низким, грудным голосом, спокойной уверенностью внушает всеобщее уважение и выглядит мудрее однокурсниц на целую жизнь.

- Зден, глянь, дверь хорошо закрыта? Янку больше нет смысла ждать. Мама, наверное, не отпустила.

- Да проверяла уже, сколько ж можно.

- Лор, добавь воды в таз и поставь его на стол. Готовы к общению с духами?

Затаив дыхание, девушки сгрудились у стола. Большая Мать быстрым, точным движением нарисовала стрелочку на крошечном фаянсовом блюде.

- Сосредоточились! Кто засмеётся - убью!

Спорить с Большой Матерью никто не решился. Внутри у всех будто моторчик заколотился. Словно маленький чертёнок заметался от необъяснимого страха к припадку истерического смеха. Но, помня твёрдое обещание Большой Матери, девушки старались не выказывать эмоций. Особенно трудно было сдерживаться смешливой Гульнур.

В глазах гадалщиц отражались свечи, а похолодевшие пальцы дрожали над блюдцем.

- Кого вызывать будем? - поинтересовалась хрупкая Зденка, казавшаяся в своей белой ночнушке прозрачной снегурочкой.

- Ну, есть у тебя какой-нибудь кумир на примете, с кем бы ты мечтала поговорить?

- Крамской! **Иван Николаевич**, конечно, - смутившись, выпалила зардевшаяся Зденка. Ведь за стеной, по-соседству, вздыхал о ней Хромцов, прозванный за яркий талант Крамским.

Но ни Крамской, ни Илья Ефимович Репин, ни Павел Андреевич Федотов, ни другие знаменитые живописцы не желали контактировать со своими почитательницами.

- А может, Врубеля? - прогнусавила прыщавая молчунья Нюся. Услышать её голос никто не ожидал, поэтому все невольно вздрогнули и уставились, как на говорящую мебель.

- Случилось чудо! Оно ещё и говорить умеет! - хрипло пробасила Лора, центровая девушка села Потрошилово, полная противоположность флегматичной Нюси.

- Ой, нет, девочки, не надо Врубеля. Я тут про него по Истории Искусств реферат писала. Так он - ужас

что! - примирительно затараторила Гульнур - единственная подруга Нюси, таскающая её за собой на тусовки, как безмолвную тень, - Он, представляете, был одержим Демоном, а когда писал, то постоянно слышал его пение, пока совсем не того...

- Тогда стопудово надо именно Врубеля звать, раз он ещё при жизни с чертями водился, - с характерным наездом настаивала Лора.

- Дети мои, вы забыли, что с вами профессионал. Гуль, неси кружку с воском. Мы его сейчас так заведём, что он как миленький явится вместе с Демоном, - авторитетно заявила Большая Мать, не обращая внимания на испуганный взгляд Гульнур.

Велев всем поставить пальцы над тарелочкой, вливая воск тонкой струйкой в воду, начала колдовать:

*Духи Воска и Огня,
Погадайте на меня.
С ледяною водой обнимитесь
И моею судьбой поделитесь.
Все четыре ветра,
Со всего света,
Не воротами -
Приворотами,
Облетите мир иной,*

И поставьте предо мной Дух художника Михаила Александровича Врубеля.

Большая Мать до предела повысила тревожные нотки в голосе - Дух, приди к нам! Михаил Александрович, если Вы с нами, дайте знак.

В эту самую секунду что-то разительно изменилось в самой атмосфере. Вода в тазу качнулась, и заскитавшие восковые капли столкнулись с мягким пластмассовым стуком. Качнулся под ногами и тут же встал на место пол. Фарфоровое блюдо дрогнуло и поехало, обжигая пальцы. Ледяной ветер, пробежавшийся по комнате, обдал всех единым порывом и задул все

свечи разом. Вдруг жуткая неведомая сила, вопреки законам природы и здравому смыслу, выплеснула холодную чёрную воду прямо в лица гадалщицам. От неожиданности они с визгом вскочили. С грохотом попадали стулья. Затрясся, заходил ходуном стол. В ужасе девушки смотрели, как к белому окну медленно приближается огромная, чётко очерченная тень. Под всеобщее «Ах!» тёмный силуэт поднял руку и тихонько постучал...Стук. Стук-стук. От этого слабого, гнетущего душу звука всем стало как-то особенно жутко и тошно.

После секундного оцепенения раздался дружный рёв, началась паника. Судорожно хватаясь друг за друга, девчонки живым клубком пытались штурмовать ветхий шкаф. Запинаясь и падая в темноте, стремились уползти под кровати. Нюся обречённо завывала, крепко зажав себе рот обеими руками. В душе она продолжала бояться Коменду больше, чем любое привидение. Но Дух Михаила Александровича оказался на редкость проворен. Уже в следующую минуту в коридоре послышалась тяжёлая поступь. Разъярённый Дух стал настойчиво дёргать и тарбанить в хлипкую дверь, готовую слететь с петель. Разбушевался он не на шутку и, свирепо сопя, явно жаждал крови. Когда мятежный Михаил Александрович, окончательно войдя в раж, начал колотить в несчастную дверь ногами, словно гром небесный, раздалось такое знакомое и родное:

- Открывайте, кобыляки чёртовы! Завтра же докладная будет у директора на столе. Я вам покажу, как пьянки с дебоширством устраивать в государственном учреждении. Халды! Всех на улицу повыкидываю, вместе с энтьюдниками вашими.

- КОМЕНДА! - одновременно прошептали Зденка, Нюся и Гульнур, обнявшись, как перед казнью.

Большая Мать отважно включила свет и повелела:

- Лора, иди!

- Да, этой гримзе даже Врубель с Демоном нипочём, - обречённо вздохнула Лора и, достав из заначки сгущёнку, бутылку водки, палку колбасы, как старшая по комнате и умеющая говорить с комендантом на одном языке, пошла успокаивать грозного Духа Общаги.

Невесело было Янке возвращаться домой за полночь. Весь день прошёл в предвкушении намеченного гадания. Чтоб мама Ира отпустила, пришлось зарабатывать очки тщательной уборкой квартиры, демонстрируя безропотную покорность. Но затея неожиданно сорвалась. Подойдя к общежитию, Янка увидела, что окна темны. Боясь ошибиться и нарваться на местное чудовище, Янка предварительно кинула в открытую форточку снежок (который и обрызгал гадалщиц, угодив прямо в таз с водой). Заметив в замороженном окне мелькающие тени, она решила постучать. Но после того как яркая, обличительная речь Коменды сотрясла мироздание, стало ясно, что пора уносить ноги. О том, что кто-то отопрёт секретный лаз кочегарки, теперь и думать было смешно. В пакете уныло позвякивало неостребованное пиво. «Странно, - размышляла Янка, - с чего это Коменда так взбеленилась, может, снежок ей в глаз попал? Хоть бы!» А по ночному небу уже всю разлилась голубая Фэ Цэ в пастозном замесе с тёмным краплагом и марсом, на сугробы лёг синий кобальт, сверкая кое-где титановыми белилами...

Янка сидела одна на тёмной кухне и смотрела, как пламя свечи исполняет древний танец: «Может, это и хорошо, что покорение общаги сегодня не состоялось. Пиво всё мне досталось с вкусными орешками! Да и свежи ещё неприятные новогодние воспоминания - прошлое, общаговское приключение,

окончившееся трагично». Видимо, весь этот год обещал быть не таким, как все. Янка, чувствуя, как тоскливое беспокойство овладевает ею, интуитивно потянулась к заветному перстню, отгоняющему печали. Теперь она вообще никогда не расставалась со своим талисманом и носила кольцо на цепочке вместо кулона, как страдалец Фродо из «Властелина колец». Во втором семестре началось «масло», и Янка вынуждена была спасти перстень от лаков и разбавителей. Зато на ладонях теперь темнели несмывающиеся пятна въевшейся краски, как почётный знак принадлежности к избранной касте художников-живописцев.

«Поворожить я и сама могу», - Янка наклонила свечу, и восковые слёзы, пролетая сквозь магическое кольцо, застывали на холодной поверхности воды жемчужной цепочкой. Словно завершив рисунок, капли стали лететь мимо мерцающей фигурки. Подавив удивлённый возглас, Янка вынула из воды восковую стрелку: «Стрела! Опять стрела! Как тогда...»

СЛЁЗЫ ДЕДА МОРОЗА

*«Как сильно магия меняет людей!» -
вздыхнул Гарри Поттер и почесал
копытом плавник.*

Анекдот

Справлять Новый год договорилась в общаге. Но мама Ира была на взводе уже несколько дней подряд. О том, что она отпустит Янку в общежитие на ночь, и речи не могло быть. Поэтому, клятвенно уверив родительницу в том, что проведёт праздник по соседству - у Оксаны (Большой Матери), Янка, пока не дошло до выяснения номеров-квартир-телефонов, пулей вылетела из дома.

Они встретились с Большой Матерью у школы, которую благополучно окончили в прошлом году. По традиции смачно плюнули на порог родного образовательного учреждения и с чувством выполненного долга отправились в общагу.

То, что свирепая Коменда не собирается покидать своего логова, наивные первокурсницы выяснили только у дверей общежития. С разбитыми надеждами, густо запорошенные снегом, здесь уже стояли Зденка и Цесарский:

- Эй, старушка, сюда не ходи, туда ходи. Снег башка попадёт!

- Что, не пускают?

- Оказывается, Коменда уходит к своей сестре - гадюке номер два, только ближе к двенадцати ночи, и то только после того, как по всем этажам часовых расставит. Так каждый год! - пояснила Зденка. - Раньше бы нам это знать. Квартиранты наши обратно на свои хаты подались. Подтянутся после полуночи. Робик вообще в училище натюрморт дописывает! У самого температура тридцать восемь. Мы его и так звали, и сяк... А он - это для меня лучший праздник - за любимой работой. Так один там и остался. Маньяк!

- Как бы нам не пришлось ему компанию составить. Я лично домой не вернусь! - уверенно заявила Янка.

- Ладно, дети мои, не плачьте! Папа всё устроит, - успокоил всех Бэтмэн-Цесарский. - Щас Гапоша нам ключик от скульптурки вынесет, ему скульппитэр доверяет. Эх, и что б вы все без меня делали?

Как из-под земли вынырнула сутулая фигура Гапона.

- С вами пойду, - пояснил он по дороге. - Не могу там. Шум. Гам. Невозможно сосредоточиться. Коменда уйдёт - Талдыбай свиснет, если, конечно, ещё при памяти будет. Золушка наша малопьющая...

- Хромцов не подстрахует?

- Его как с утра старшаки завербовали, так мы его и не видели. Зазвездился.

Здание скульптурной мастерской с примыкающим к ней гаражом и столяркой располагалось напротив общежития. Удачно было и то, что из огромного окна отлично просматривались входные двери общежития, значит, есть возможность следить за тем, когда отчалит комендантша. В целях экономии мастерская на каникулах не отапливалась. Пробивал «колотун». Всё вокруг было засыпано характерной белой пылью. К тому же нельзя было зажигать свет, чтобы не обнаружить место дислокации.

Не раздеваясь ребята сели на низкие ящики. Сгруппировавшись тесной кучкой, спрятались за учительским столом так, что из окна их почти не было видно. Гапон зажжёт свечку, приладив её на ободранный табурет, заменяющий праздничный стол. Затем, как ширмой, загородил огонёк большой поздравительной открыткой. Достал из карманов четыре яблока и горсть шоколадных конфет. Самую большую конфету Гапон многозначительно протянул Зденке.

- Заботливый ты, братка! - восхитился Цесарский.

- Неужто наш профессор тоже в Зденку втрескался? - шепнула в Янкино ухо Большая Мать. - Ну, всё, прощай, трактат! Философия будет похерена.

Выяснилось, что у всех, кроме Зденки, с собой имеется по бутылке шампанского. Решено было начинать греться сразу, а не дожидаться талдыбаевского свистка.

На высоких скульптурных столах стояли незавершённые глиняные планшеты - контрольные работы за первый семестр. Где-то в самом тёмном углу, рядом с длинными ваннами, заполненными глиной, едва виднелась и Янкина планшета с недолепленным рельефом. Ритм одинаковых прямоугольников, возвышающихся в темноте, придавал мастерской

жуткий кладбищенский вид. Временами на компанию нападавал нервный смех. Тогда Гапон начинал на всех цыкать, делая «страшные» глаза. От этого хохот становился истерическим. Все зажимали рты себе и друг другу и, производя ещё больше шума, падали с ящиков.

Большая Мать мастерски откупоривала шампанское, которое приходилось пить без хрустальных фужеров - «из горла». После второй бутылки училищный актив в лице Цесарского вспомнил, что в новогоднюю ночь необходимо произнести праздничный тост.

- Без тоста - просто пьянка, а с тостом - мероприятие!

Цесарский повернулся к скульптурным станкам-надгробиям и, как будто обращаясь ко всей группе, начал свой многословный спич, изобилующий надёрганными невесть откуда цитатами:

- Я английский Санта Клаус, от меня вам Микки-Маус! Помятуя, что тостующий пьёт до дна, разрешите от души тостануть. Мажора всем - на отрыв башки! Чтоб, как говорится, не было потом мучительно больно за безразвратно прожитые годы! Проновогодиться всем и экзамены, конечно, сдать. Деду скажу, - Цесарский понизил голос и мрачно кивнул планшетке Тараса Григорьевича, - я с вас бесуюся. Возвращайтесь на свою Диканьку! - Далее тостующий прошёлся по персоналиям стоящих в ряд барельефов. - Это кой-то там сидит, дикалонами смердит? Армен! Наша Джага-Джага в самом расцвете сил, на тебя последняя надежда. Спасай страну от демографического кризиса! Женщин тебе побольше, хороших и разных! Чтоб на всех харизмы хватило.

Так. Робик. У верблюда два горба, потому что жисть - борьба! Ну, ты меня понял, все бабы - дуры, счастье в труде! Такова наша с тобой тяжёлая доля. Крепись.

Шмындрик, гей ли ты еси, добрый молодец? Помни, друг познаётся в бидэ. Предохраняйся.

Нюся! Не прикидывайся дохлой бабочкой! Как сказал бы Немирович, он же Данченко, не верю!!!

Талдыбай, родной! Где ты? Неужто забыл о нас навсегда? Эх, каким ты был, таким ты и остался, орёл степной, казах-х лихой! Товарищ Талдыбаев, желаю всего-всего: мыла душистого и полотенца пушистого, и зубной порошок, и густой гребешок. «Тайда» тебе с отбеливателем и кондиционером.

Наконец, Цесарский обратился не к воображаемым, а к реальным собутыльникам:

- Зденка, оставайся всегда такой же трогательной, что так и хочется всегда потрогать, потрогать, потрогать, потрогать... Не верьте, что я говорю по пластинке... щчик, по пластинке... щчик, по пластинке... щчик...

- Слышь, Цес, кончай. Мы замёрзли!

- О братане Гапоне хотелось бы сказать научно-образно, - как назло, всё с большим энтузиазмом продолжал словоохотливый Цесарский, - вспомнить золотые аксиомы философии: фигня война, главное - манёвры, бери больше, кидай дальше и тэ дэ. Надеемся, что очень скоро, буквально лет через шестьдесят - семьдесят, братан наваяет столько трактатов, что мало не покажется, а пока ещё более надеемся, что он не напускал слюней в общую бутылку.

- Не томи, Цесарик, выпить хочется.

- Эх, Маманя, - с теплотой в голосе обратился Цесарский к Большой Матери, - нам ли жить в печали! Могу пожелать только одного: к грудям не подпушай!!!

Янка в тревоге ждала, что выдаст непредсказуемый тамада о её персоне, которую он, видимо, решил оставить на закуску, наконец, очередь дошла и до неё:

- Янчик, запомни, чистая совесть - это лишь результат плохой памяти. Так что не мучайся, ни у кого её нет кристально чистенькой, разве что у Талдыбая

после стеклоочистителя и у Деда по причине склероза. Вот те крест во всё пузо!

Внутри у Янки всё похолодело: «Как он, этот клоун и непревзойдённое трепло, мог догадаться о том, что скрываю от всех, даже от себя гоню, об этом мучительном, необъяснимом чувстве вины?!» Ужасное подозрение о том, что она, Янка - причина череды смертей, многократно усилилось после несчастного летнего отдыха в Ярцево. Её периодически мучил кошмарный сон, в котором она в белой «Волге» в обнимку с Вадей летит с обрыва в Солёное озеро. «Цесарскому легко трещать - из-за него никто не умирал! Рисует жизнь, как комикс или карикатуру...»

- Цесарский, много текста!

- Короче, хочу пожелать вам до фига счастья светлого, как ящик пива! - как ни в чём не бывало беззаботно вещал тамада. - За сбычу мечт! Дауайте упьём! Вот такой будет мой очень короткий английский тост.

После того как шампанское дважды прошло по кругу, Цесарский, обнаруживший в себе талант профессионального затейника, с энтузиазмом провозгласил:

- А сейчас дискотека! Внимание, врубаю трындычиху.

Он включил музыку на своём мобильном телефоне.

Канкан танцевали несколько раз, не вставая с ящиков, просто одновременно задирали ноги, разрушая промороженную застылость. Но когда мобильник Цесарского грянул зажигательное аргентинское танго, никто, даже чопорный Гапон, не мог усидеть на месте. Танго можно было бы вполне назвать классическим, если бы оно не исполнялось танцорами не вставая с колен. Впоследствии танец вошёл в училищный фольклор как «Танго на карачках».

Неожиданно Цесарский рухнул на ледяной пол, закрыв собой мерцающий голубой огонёк телефона, и мёртвой хваткой прижав к себе Зденку:

- Тихо!

За огромным, как магазинная витрина, окном стояла та, кого в этот момент хотелось видеть меньше всего на свете, - Коменда. Вытянув шею, как гадюка перед прыжком, она подозрительно всматривалась в пространство «скульптурки». Гапон пальцами затушил маленькое свечное пламя. Медленно текли страшные минуты. Диверсанты старались дышать в пол, чтобы не было видно белого пара. От выпитого или от страха щёки пылали. Коменда, как тигрица на охоте, дважды медленно обошла здание, вынюхивая добычу.

- Гапоша, ты дверь запер? - прошелестела Большая Мать.

- Вроде...

Несколько раз дёрнулась входная дверь. Глухо стучащие в унисон сердца разом ухнули вниз.

Наконец Коменда нехотя удалилась в темноту. Глаза, возникшие в ту же секунду над крышкой стола, следили за траекторией её движения с нескрываемым удовольствием.

- Так, быстро убирайте всё!

- Бутылки не забудьте!

Большая Мать, схватив открытку и свечной огапок, тщательно отскребала от табурета воск. Янка собирала фантики. Парни расставляли по местам ящики. Намереваясь быстрее перебазироваться в тёплые и светлые общаговские кельи, отряд моментально привёл мастерскую в первоначальный вид.

Вопреки нелестным предположениям, Талдыбаев был не только трезв, но и накрыл удивительно красивый стол. Новогодний букет из душистых еловых веток, салаты и красные яблоки на белой скатерти после «банкета» в холодной и грязной

«скульптурке» роднили ужин с королевской трапезой. Когда ребята с радостными воплями ввалились в комнату, Талдыбаев в ужасе всплеснул руками. Все вошедшие были покрыты слоем глиняной пыли. Особенно чистоплотного хозяина возмутили ноги гостей:

- Эюд ту ю мать! Вы кувыркались, что ли, на полу?

- Талдыбай, ты даже не представляешь, как ты прав!

- На улицу все! Быстро! И отряхивайтесь как следует. Руки не забудьте помыть!

- Яволь, Мальвина Талдыбаевна!

Компания едва поспела к поздравлению президента, выглядывающего из крохотного, похожего на шкатулку переносного телевизора. Под бой курантов Янка не загадала себе ни быстрого похудения, ни шубы, как у Большой Матери, ни пятёрки на экзамене по живописи, ни поездки в Питер. Взбодраженная странным, пронизательным тостом Цесарского, она вдруг в отчаянии взмолилась: «Господи, скажи, есть ли моя вина в том, что умирают люди, которым я в порыве гнева желала смерти? Почему всегда помню об этом? Почему совесть моя болит? Дай знак! И ещё любви! Дай любви, хоть какой-нибудь!»

К часу ночи объявились Шмындрик с закутанной в одеяло кастрюлькой, Перепёлкин и Армен с джентльменскими наборами: по коньяку и коробке конфет. Словно почувствовав, что Воплощённая Мечта его - Зденка ждёт в родимой каморке, с бенгальскими огнями и хлопучками ворвался неистовый аполлоноподобный Хромцов.

- Как это вы вспомнили о нас, грешных, господин живописец с большой буквы «Ж»?

- И как вам только удалось вырваться из лап поклонниц со старших курсов? - посыпались подколки завистливых одноклассников.

- Да там Фантомас разбушевался. Всем миром никак не могут успокоить.

- Опять этот придурок с третьего этажа?

- Это кто у вас такой?

- Есть тут один бешеный, Федя-Терминатор. Как напьётся, так по общаге двери вышибает.

- А потом что?

- Потом плачет, целоваться лезет. Достал!

- Ну что уж вы так! Он же контуженный, не привык ещё к мирной жизни. А проспится - опять человек.

- Да-а, с кем поведёшься, с тем и наберёшься...

Шмындрик придумал новогоднюю забаву, предлагая всем вынуть из красного мешочка по стеклянному камушку любому, который понравится на ощупь:

- Это слёзы Деда Мороза, но не от горя, а от радости. Он услышал про себя анекдот и смеялся до слёз. Каждая слезинка со значением. Удачу принесёт!

Зденке досталось розовое сердечко, сулившее успех в любви, что и так всем было хорошо известно. Талдыбаев вынул из мешка совершенно прозрачный кристалл, означающий чистоту помыслов, а может быть, просто чистоту. Хромцов был вознаграждён ярко-красной звездой триумфатора. Перепёлкин вынул из мешка чёрный полумесяц скандала и дурной молвы. Но местного рок-идола это несколько не напугало, а, похоже, наоборот, обрадовало. Большая Мать удивила всех камнем высокой духовности, напоминающим малиновый леденец. Янкин жребий пал на бирюзовый округлый камушек самопознания, точь-в-точь как самоцвет из её заветного перстня. Лора вытянула изумрудный кругляш - «богатство».

- Лорик, это тебе таблетка от жадности, - пояснил Цесарский.

Строгий блюститель санитарных норм Талдыбаев не позволял курить даже на лестнице и выгонял всех на улицу:

- И смотрите там, хвоста за собой не приведите. Терминатор не дремлет! Припрётся - до утра будем нянчиться.

Заядлый курильщик Цесарский, из желания хоть чем-то досадить коварной Зденке, нежно воркующей с Хромцовым, стал демонстративно оказывать Большой Матери повышенное внимание и, выходя подымить, надевал её роскошную норковую шубу. После очередного перекура, снимая мантию, Цесарский вместе с зажигалкой извлёк из кармана спрятанные и забытые там улики: свечной огарок с яркой открыткой. Пробежал глазами текст и взорвался напыщенным, цирковым конференсом:

- Внимание! Внимание! Достопочтимая публика! Приглашаем вас на новогоднее шоу «Тайны магии»! В программе: фокусники-чародеи, клоуны-ясновидцы, маги-иллюзионисты. И специально приглашённый гость, лауреат всевозможных премий, ЗНАМЕНИТЫЙ ГИПНОТИЗЁР - ИГОРЬ АГАФОНОВ! Аплодисменты!

- Как?!

- Это ж наш Гапон!!!

Оглушённая сюрпризом, публика переводила взгляды то на пёструю контрамарку, поднятую Цесарским над головой, то на Гапона, оказавшегося специально приглашённым лауреатом.

Гвоздь программы, не меняя угрюмо-сутулой позы, меланхолично усмехнулся:

- Цес, к чему этот фарс? Успокойся. Приглашаю всех в Дэ Ка «Сибэнергомаш».

Но возбуждённая компания не слушала объяснений, а с жаром продолжала третировать несчастного Гапона:

- Ах, вот кто есть ху!
- О-о, экстрасекс! Электросекс!
- Гапоша, загнипнотизируй экзаменационную комиссию. Пусть нам всем пятёрки поставят!
- Ага, догонят и ещё раз поставят.
- А ты меня можешь прям сейчас заэтосамывать?
- настаивала Лора.
- Покажи, братан! - голосили вокруг. - Ну, пожалуйста!

Замученный повышенным вниманием, Гапон долго и безуспешно отбивался от восторженных ценителей:

- НЕТ! Речи не может быть! К тому же я сегодня спиртное пил. Нельзя. Не могу. Нет, нет.

Но хитроумный интриган Цесарский выдвинул гипотезу, которая заинтересовала самого чародея:

- Я читал, что когда любого находящегося под гипнозом просят нарисовать человека, то он рисует, непременно, только себя самого. Проверим?

- Ну, что ж...

- Для чистоты эксперимента выдвигаю кандидатуру Хромцова. Он-то с любым портретом точно справится! Да, и Зденку. Она тоже с недавнего времени предпочитает портретный жанр, - предложил мстительный Цесарский и после короткой паузы неожиданно продолжил:

- И Янку ещё!

- Ну, спасибо тебе, брат, за доверие! Потом пойдем...

- Гад ты, Цесарик, редкий, из террариума!

- Дорогая, это производственная необходимость. Сугубо ради чистоты эксперимента. Так сказать, контрольный выстрел.

Стол отодвинули в угол. Зрители рассредоточились по периметру. Янку, Зденку и Хромцова усадили на стулья посередине комнаты. Гипнотизёр сел напротив, несколько минут сосредоточенно смотрел в пол, затем, сняв толстые очки, медленно поднял тяжёлый взгляд.

- Хорошо ли вам видно меня, бандерлоги? - гундо-
ко встрял в выступление Цесарский.

- Так, всё. Ни слова больше!

Гапон за считанные секунды ввёл пациентов в глубокий транс... - и праздник удался! Глядя прямо перед собой остановившимися глазами-пуговицами, Хромцов и Зденка безропотно выполняли команды своего «кукловода». Янка тоже впала в беспамятство, но ни на что не реагировала, даже не разомкнула век. Публика веселилась от души. Сначала подопытные собирали ягоды на лесной полянке, ползая по затоптанному полу. Купались в тёплом озере, раздевшись до нижнего белья.

- Только не надо здесь реалити-шоу устраивать! Это пошло! - возмутилась Большая Мать.

Но остальным зрителям представление явно понравилось. В образе Наташи Ростовой кружилась невесомая Зденка с поручиком Хромцовым на балу в быстром вальсе. Затем окостеневшего Хромцова положили на спинки стульев, подставив одну под голову, а другую под пятки. Как на деревянную скамью на него уселось сразу четыре человека, но тело нисколько не прогнулось. Под испуганные ахи-охи на хромцовском животе попрыгал увесистый Армен. Наконец, Гапон выдал подопытным планшеты, бумагу, карандаши и приказал нарисовать человека. Янкин лист так и остался белым. Зато Хромцов блестяще справился с заданием, подтвердив предположение Цесарского. На автопортрете художник выглядел даже живее, чем в данный момент, в замороженном сомнамбулическом состоянии. Но бело-снежная блондинка Зденка изобразила себя черно-волосой девушкой в платье XIX века и подписала внизу: «Nathalie. An.1812». Гипнотизёр вдруг заметно смутился:

- Ой, совсем забыл, извините. Ты больше не Наташа Ростова. Ты - Зденка...

Раз. Два. Ваши руки тяжелеют. Три. Всё ваше тело словно наливается свинцом. Вы спите. Пять. Вы будете слышать только мой голос... только мой голос...

Но Янка перестала слышать вообще: «Может, это из-за свиста в ушах? Какой сильный ветер! Лицо леденеет. Особенно губы. Волосы треплет. Пряди, как сосульки, стучат друг о друга. Меня несёт куда то. Как угораздило попасть в такой вихрь? Нет же, это я сама лечу! Гладкое стальное тело». Янка со страхом осознавала, что такого темпа она никогда в жизни не развивала: «Эти светящиеся дорожки - звёзды и планеты. Их свет вытягивается яркими нитями из-за моей невообразимой скорости. Откуда золотое свечение передо мной? Свет идёт от меня!» Внезапно к Янке пришло четкое осознание: «Я - стрела. Золотая стрела! Лечу. Ищу цель. Моя цель - искать цель. Пронзить и уничтожить!»

Медленно к телу возвращаются тепло и чувства. Вдруг покой нарушает резкий треск, крики. Грохот, как будто упал шкаф. Нарастает раздражение: «Где этот проклятый будильник? Как только смогу поднять руку, разобью об стену!» В глаза больно бьёт резкий свет. В дверном проёме колыхается, как через мутную воду, размытый силуэт. Злые голоса.

- Терминатор пожаловали. Собственной персоной. Ура...

- Федя, чего не спишь, налоги не заплатил?

- Федя, Федя, пошли домой! В кровать.

- Да держись ты!

- I'LL BE BACK!

«Сильно пьяный парень едва держится на нетвёрдых ногах. «Какая страшная, безумная улыбка! Нет! Я же стрела. Стрела! Сквозь него пролетела. Разве стрелы могут тормозить?!»

Федя-Терминатор резко согнулся, словно простреленный навывлет, зажав ладонями невидимую рану. Пошатнувшись, он грузно, как тяжёлый мешок с картошкой, рухнул на пол.

Первое, необычно тёплое утро нового года принесло трагическое смятение в счастливый мирок маленького «Монмартра». Фосфорно-жёлтая «Газель» реанимации беспрепятственно неслась по заснеженным, пустынным улицам уставшего от праздника городка. Сирена в истерике резала криком сонную тишину. Как ни старались водитель и опытная бригада, но коротко стриженного студента с татуировкой ДМБ до больницы довести так и не удалось. Тяжёлое алкогольное отравление - обычный новогодний диагноз.

Помятое, ватное небо равнодушно сыпало на удивлённые улицы своё последнее, белое конфетти... Снежинки садились на чёрные ветки деревьев и превращались в мелкие прозрачные капельки - настоящие слёзы Деда Мороза.

ДЕНЬ ВЛЮБЛЁННЫХ

...Но если ты меня приручишь, моя жизнь точно солнцем озарится. Твои шаги я стану различать среди тысяч других...

Лис замолчал и долго смотрел на Маленького принца. Потом сказал:

- Пожалуйста... приручи меня!

- Я бы рад, - отвечал Маленький Принц, - но у меня так мало времени...

- Узнать можно только те вещи, которые приручишь...

*Антуан де Сент-Экзюпери
«Маленький принц»*

Ещё в средней школе Янка поставила себе задачу - научиться курить по-настоящему. Это давало множество преимуществ перед некурящими одноклассниками. Во-первых, открывались перспективы знакомств и общения на равных с огромным количеством инте-

ресных, взрослых людей. Во-вторых, нежно сжимая дорогую, тонкую сигарету густо накрашенными губами, выглядеть загадочно и чуть-чуть порочно, как шикарная соседка-костюмерша с пятого этажа. Но главное - возможность обретения СВОЕГО круга, а может, и СВОЕГО человека.

Сначала Янка силой заставляла себя глотать горький дым и терпеть неприятный привкус во рту, преодолевая тошноту, головокружение и страх получить рак горла. Её попытка избавиться от одиночества, казавшаяся поначалу игрой, незаметно перешла в тяжкую зависимость во вред здоровью и красоте.

Но тогда ей казалось, что она причастна к великой тайне, объединившей секту избранных. Непреодолимая тяга к курительным палочкам гнала юных жриц вершить магические ритуалы в чужие тёмные дворы, за зловещие гаражи, на оплёванные детсадовские веранды. Как и все закрытые сообщества, культ имел зашифрованный язык. «Пойдём покурим» звучало как «Пойдём в библиотеку».

- Есть что почитать (покурить)?
- Про что у тебя книжка (какие у тебя сигареты)?
- У меня о Петре Первом для младших школьников (сигареты «Пётр 1» - облегчённые).
- А хоть одна статейка (сигаретка) про «Парламент» не завалилась случайно?

Наступило 14 февраля - День святого Валентина. Сегодня всё было хорошо. Особенно радовали отсутствие родственников в субботний вечер и принесённый Зденкой ликёр с привкусом шоколада. Большая Мать настряпала целый таз ароматных булок. Да и парочка смешных неразлучников - Гульнур с Нюсей - были приятной ненавязчивой компанией.

Днём парни из группы подарили всем девушкам разноцветные открытки-сердечки с дружескими шаржами. Сохранив портретное сходство, авторы усилили характерные и непривлекательные черты некото-

рых сокурсниц. Лора выглядела особенно узнаваемой. Ревностно оберегая огромную кучу полупустых тюбиков, банок с красками и грязных палитр, она сидела, широко растопырив ножищи с огромными ступнями (а размерчик у неё точно сорок первый). Портрет Нюси являл миру нечто амёбное с бесцветными полузакрытыми глазами, с губами, как две наползающие друг на друга толстые гусеницы. При взгляде на этот шедевр Янка сразу вспомнила как злобная Коменда, органически не терпящая замедленного темпа Нюсиной жизни, каждый раз обращалась к ней с одним и тем же вопросом: «Тебя, видать, когда родители делали, сильно спать хотели?» Карикатура на Большую Мать в образе Верки Сердючки тоже, как говорится, была «не в бровь, а в нос».

Янке льстило, что её портрет, по сравнению с другими, выглядел гораздо привлекательнее. Это был явный показатель доброжелательного отношения к ней мужской половины группы. Лишь причёска из разноцветных перьев указывала на некий перебор в её желаниии выделиться на фоне серых будней.

Узорный малиновый шарф Гульнур, наброшенный на настольную лампу, создавал в комнате интимный полумрак и располагал к откровениям. Белоснежная фея - Зденка с едким сарказмом, не украшающим белоснежных фей, стала хвастливо расписывать, как в очередной раз столкнула противоборствующие отряды поклонников, готовых сложить головы за право её поздравить. Все вокруг и так знали, что любовные письма, букеты, подарки и неусыпное мужское внимание, то есть всё, о чём мечтают девушки, окружает Зденку в избытке. Поэтому, нарочито перебивая самодовольное щебетание белоснежной феи, девушки обсуждали свежие училищные сплетни, акцентируя их безусловную важность по отношению к загубленным судьбам обречённых Зденкиных воздыхателей.

- Слыхали, наш ловелас Ван Гоги обхаживает новенькую натурщицу?

- Очередная страшная лошадь горячего джигита?
- Да, набор стандартный: балерина на пенсии, морда длинная, грудь вообще не носит.
- Ножки то-онкие, а жить так хочется! И курит, курит, курит...
- Кстати, а пойду-ка-ся-ка я, покурю-ка-ся-ка я.

Пушистики снежного хлопка бесшумно сыпались из бездонного небесного ведра. Вечер, наполненный поэзией и предчувствием чуда, закружил вдохновенных муз, жаждущих приключений и любви.

Все дороги вели «Под арку». Этот тесный дворик за центральным кинотеатром с незапамятных времён был местом поэтапного паломничества сначала стилига, волосатого андеграунда в клёшах, а позднее позвякивающих, канувших в историю металлистов, разноцветных панков, кожаных байкеров, любителей хип-хопа в бесстыже-приспущенных широченных штанах и прочих борцов за свободу личности. В среде городской молодёжи сформировался критерий «неформальности»: ходишь «Под арку», значит, не лох, не гопник, а реально прикольный пацан.

Перед самым входом под священные арочные своды отряд бесстрашных амазонок наткнулся на желанную добычу - хорошо упакованных юношей. Девушки вальяжно достали сигареты, началась весёлая пикировка.

- Отчего, девушки, курим? Жизнь тяжёлая?
- Мы не в затыг.
- Ну, смотрите, а то щёчки пожелтеют, зубки выпадут.

Живой интерес мужской компании, как обычно, полностью сосредоточился на Зденке. Безмолвная Нюся наверняка стала бы лютым Зденкиным врагом, но не была способна на сильные чувства. Вместо крови по русалочьим Нюсиным жилам текла вязкая, белая слизь, поэтому апогеем презрения было то, что

она больше обычного оттопырила губы-вареники и отвернулась с напускным равнодушием.

Не в силах сдерживать никотиновый голод, Янка не стала стоять в высокомерно-выжидательной позе, как Зденка - звезда светских раутов, принуждая сразу нескольких парней поднести зажигалки к её сигарете, а ловко подкурила, мастерски спрятав огонёк в ладонях, как делают курильщики со стажем.

В компании начались привычные петушинные бои за драгоценное внимание Зденки. Парни изо всех сил пытались удивить красавицу: демонстрировали приёмы неизвестных единоборств, наперебой рассказывали анекдоты и случаи из жизни, иллюстрирующие их крутость. Счастливчик удастаивался неизменно: «О, это вещь-шь!» Любимая фраза Зденки, произносимая с драматическим придыханием, выражала одобрение и благосклонность. После каждой «вещи» в водянистом, рыбьем взгляде Нюси сквозило нечто отдалённо напоминающее обиду.

Вдруг кто-то, незаметно подойдя сзади, крепко схватил Янкины руки в локтях, не давая ей возможности повернуться. Она беспомощно дёргалась, тщетно пытаясь освободиться. Янку ужасно разозлили глупое положение, бесцеремонное обращение и ехидные смешки наблюдателей. Ей, наверное, не удалось бы вырваться, но хватчик отпустил её так же неожиданно. Резко повернувшись, Янка целенаправленно выдохнула весь сигаретный дым прямо в лицо обидчику. Седые кудели дыма таяли, как в кадрах замедленной киносъёмки, постепенно проявляя черты. Из глубин иного измерения неотвратимо надвигались на Янку неземные глаза-звёзды. Время остановилось. Необъяснимое магнитное воздействие нарастало, как нагревается включённая конфорка, как закипает чайник, как разгораются сухие поленья. По венам поплыл горячий, расплавленный воск, и... УДАР!!! Слово молния пронзило Янку миллиардами раскалённых солнечных иголок, единым потоком прошла всю

её насквозь, а достигнув земли, вернулась обратно золотой волной и непостижимым образом ушла в бесконечное небо...

Придя в себя от потрясения, Янка с удивлением поняла, что ни один человек даже не догадывался о том, что произошло. Юноши продолжали конкурс «Кто больше всех понравится Зденке?». Большая Мать, отбив жертву от стада, пленила самого высокого и статного парня, обречённого теперь на вечный матриархат. Неразлучная парочка так же не поменяла привычных занятий: Гульнур заливисто хохотала, а Нюся пребывала в анабиозе. Никто не заметил армады микроскопических взрывов, влетевших в Янку и вернувшихся в космическое пространство. Никто, кроме него. Спohватившись, Янка постаралась скорее стряхнуть с лица выражение дремучей папуаски, увидевшей будильник. Неожиданно для самой себя выпалила:

- А... Тебя как зовут? - услышав, насколько нелепо звучит вопрос, Янка к тому же не узнала собственного голоса. «Какой необычный цвет глаз! Они ведь жёлтые! Так не бывает! Ну, допустим, это цветные линзы, но почему они ещё и лучатся?»

- Меня не зовут, сам прихожу.

Обладатель неземных глаз уверенно взял Янку за руку и, ничего никому не объясняя, увёл со двора, как хозяин свою послушную корову.

Они шли по мокрому февральскому снегу, обнявшись, будто знали друг друга всю жизнь. Янке, ещё не вышедшей из транса, казалось, что они лишь притворяются, а на самом деле не идут, а, как два воздушных шарика, парят близко к земле, едва касаясь её ногами. Изредка Янка с любопытством косилась на «чудо чудное», подмечая новые восхитительные подробности. Модная куртка. Добротные ботинки на толстой подошве. Пальцы длинные и тонкие. О, Боже,

а какая красивая, правильная линия носа с едва заметной горбинкой!

Будто вспомнив, что забыл представиться, юноша повернулся, игриво изображая сдержанную учтивость президента на дипломатическом приёме, крепко пожал Янкину руку:

- Агранович Александр. Агранович - фамилиё моё.

- Яна, - еле слышно прошептала она в ответ, невольно отметив: «Надо же, у красивых людей и фамилии красивые!»

Янка вдруг ясно осознала, что до этого момента была лишь потеряннм котёнком, брошенным на выживание. Только сейчас, внутри его тёплой ладони, она наконец-то дома.

Её будто подхватил сказочный вихрь и понёс в ведомом только ему направлении. Агранович шутя толкал Янку в сугроб и тут же поддерживал, не давая упасть. То кружил, как ребёнка, и оба со смехом валились в снег. Они барахтались, мешая друг другу подняться, пока не стали похожи на два снеговика. В пылу «сражения» Янка стянула с Аграновича пушистую шапку и чуть не ахнула. Он оказался платиновым блондином. От его длинных волнистых волос исходило нереальное лунное сияние. Янке, напротив, всегда нравились темноволосые юноши, но Агранович в один момент поменял её пристрастия.

Забежав в какой-то помпезный, похожий на музей подъезд, они стали без долгих предисловий жадно целоваться, тая у тёплой батареи. Но вскоре были репрессированы и высланы прочь злобной бюкстительницей правопорядка образца 1937 года.

Долго прощались у дверей Янкиной квартиры, как прошедшие войну однополчане. Всё это время, опасаясь вновь встретиться с магией волшебного взгляда и получить парализующий разряд, она не могла осмелиться поднять глаза. Янка без того подозревала, что мышеловка захлопнулась и она крепко влипла. Похоже, навсегда.

- Хочешь, фокус покажу?

- Ну, давай, - ответила Янка, не представляя, чего ещё ожидать от самого загадочного из всех, кого она когда-либо встречала. Агранович положил на тыльную сторону ладони спичечный коробок, который, по необъяснимым причинам, вдруг стал плавно передвигаться и переворачиваться сам собой. Янка вытаращила глаза, но, по большому счёту, у неё сегодня уже не было сил как следует удивиться.

- А как это?

- По-разному, кнутом и пряником. Но если к нему с лаской, - и Агранович осторожно погладил коробок, - он и песенку споёт: «Если у вас нету тёщи, её не отравит сосед...» Хочешь послушать? Говори телефон.

Янка продиктовала свой домашний номер, запоминавшийся всем с первого раза (мобильник она посеяла ещё сто лет назад):

- А у тебя какой телефон?

- У меня-то? Красненький. Китаец по национальности.

***Крысёнок увидел летучую мышь:
- Ой, смотрите – АНГЕЛ!!!***

Анекдот

Может показаться, что дорога проходит в зарослях кустарника. Янка знает - это не так. По обе стороны узкой извилистой тропинки - глубокие пропасти, а эти корявые ветки с редкой листвой - верхушки деревьев, растущих глубоко на дне. Хмурая гризайль неба кишит вороньём.

Вот уже виднеются стрельчатые силуэты башенок замка. Янка бесстрашно идёт по давно изученному пути. Смешанное чувство страха, любопытства и необъяснимого томления влечёт её сюда. Каждый раз, очутившись в этом унылом, странном месте, она забывает, что это только сон, преследующий с самого

детства. Одна лишь мысль гонит по навесному мосту, к огромным дубовым воротам, в каменное готическое жерло: «Встречу ли Его? Найду ли сегодня?»

Янка вновь вспоминает, как увидела Его впервые. На самом краю нависающей над обрывом скалы чернел зыбкий силуэт. Это он - загадочный хозяин замка. Широкий плащ, словно крыло гигантского ворона, зловеще хлопал на ветру. Острый, по средневековой моде, капюшон скрывал лицо, лишь длинный, изысканный пепельный локон, случайно выбившийся на свет, нарушал траурную торжественность образа.

«Ворота сегодня широко распахнуты, отодвинуты пудовые засовы. Уже - удача! Не придётся, как в прошлый раз, долго попусту слоняться вокруг неприступного замка и возвращаться ни с чем...»

Высокие своды потолка теряются в темноте. Будто выложенные великанами из огромных каменных глыб стены мерцают в свете танцующего огня факелов. Большую часть комнаты занимает широкий подиум, с горой пёстрых ковров, постеленных друг на друга и скрученных валиком вместо подушек. Серебряные блюда, по размеру напоминающие рыцарские щиты, заполнены фруктами и ягодой, расставлены по всему гигантскому ложу. Потрескивают дрова в камине. Бурлит кальян. Тяжёлый, напоённый пьяными ароматами воздух колышется и обволакивает.

Тихий монолог хозяина замка не понятен, но проникновенный голос пробирает насквозь, заставляет звенеть потаённые струны. Вот только лица не разглядеть - всегда в тени. Украдкой, жадно смотрит Янка на струящиеся волосы цвета полярного льда, на безупречную линию профиля, и... Ух! Сердце обрывается, словно самолёт в воздушную яму.

Не дав волю насладиться общением, он оставил её, приказав никуда не выходить. «Ну просто как Синяя Борода!» - возмутилась в душе Янка и, ещё немного повалавшись на пушистых коврах, решила нарушить приказ.

Одинаковые узкие коридоры, тускло освещаемые факелами, бесконечно плутают по замку. Вдруг из арочного проёма бьёт в глаза непривычно яркий свет. Тихо-тихо, босиком на цыпочках крадётся Янка по холодным плитам. Трепеща от неясных предчувствий, заглядывает в гулкий, залитый светом зал. Хозяин стоит спиной перед каменным возвышением, заменяющим обеденный стол. На столе обнажённый человек. О нет, не человек, а распластанный труп с разодранной кожей, только ноги целы. Там, где кончаются рёбра - кровавый провал. Хозяин запускает руку внутрь растерзанного чрева и, вырывая куски мяса, жадно пожирает с плотоядным рычанием.

Янка в ужасе отшатнулась назад, не в силах сдерживать крик. Хозяин медленно поднял голову. Янкины ноги мягко подкосились, она осела на каменный пол, её бросило в холодный пот. Агранович!!! На его красивом узком лице не читалось и тени смущения. Насмешливые янтарные глаза смотрели сквозь неё спокойно, так, как смотрят на море. По подбородку стекали тёмные бордовые ручейки.

АХ, МАМОЧКА, ЗАЧЕМ?

*Педагогика -
вековечное шарлатанство.*

Антон Макаренко

Янка и Агранович договорились встретиться на следующий вечер «Под аркой». Весь день Янка считала минуты. Две пары живописи тянулись невыносимо долго. При воспоминании об Аграновиче дыхание сбивало привычный ритм, а где-то внутри живота, наверное, там, где помещается душа, начинало сладко и тревожно поднывать. Перемены, произошедшие с Янкой, одарили её притягательной женственностью, а лицо

осветила тайна. Это не ускользнуло от кислого, завистливого взгляда секретарши директора Регины Зиновьевны, звавшейся в миру Резиной.

- Стрельцова, что сияете, как начищенный пятак? Голова одними женихами забита?

Ядовитые поддёлки Резины не могли испортить Янке ожидание сказки. Все в училище хорошо знали, что угрозы Резины - не более чем бессильная злоба старой девы на весь белый свет, оскорбляющий её самым фактом своего существования. Резина была прямой противоположностью самому белокуро-длинноному понятию «секретарша», и всё же в одном она полностью оправдывала своё звание. Крылатая фраза «секретарь - лицо своего директора» подходила ей как нельзя кстати. Ну, кто ещё мог так достойно соответствовать директору училища - Виктору Ингиберовичу - Вик-Ингу, похожему больше на матёрого пирата, чем на заслуженного художника с академическим образованием? Но даже рваный шрам, пробороздивший лицо по диагонали, не уродовал его так, как невыносимо склочный характер. Своим всегда внезапным появлением Вик-Инг наводил ужас не только на студентов, но и на коллег. Молодые преподаватели дольше года в училище не задерживались. Студенты не могли запомнить лица всех часто меняющихся наставников.

Но существовала и старая гвардия - три матёрых предводителя противоборствующих течений. Каждый не раз побывал в директорском кресле. Когда один из них занимал лидирующее положение, двое других, забыв все прежние претензии друг к другу, тут же объединялись, чтобы сбросить самозванца с трона. В ход шли любые средства от мелкого вредительства и кляуз до судебных разбирательств и ругани с мордобоем. Все три «крестных отца», пожирая друг друга, как ядовитые пауки в одной банке, были удивительным образом связаны: стоило одному из них временно отойти от дел или заболеть - оставшиеся

моментально теряли вкус к жизни. Они начинали чахнуть и, глядя на всё с невыразимой тоской, стремительно старели. Вик-Инг, как самый энергичный и властолюбивый диктатор, правил гораздо чаще и дольше остальных.

Проучившись совсем немного, даже самые рассеянные первокурсники понимали, что весело и хорошо в Альма-матер живётся только студентам, а преподавательский состав находится в перманентном состоянии войны. На школярах баталии отражались при итоговых просмотрах, когда одарёнными и трудолюбивыми признавались воспитанники преподавателя, находящегося в данный момент на троне, всем остальным оценки нещадно занижались, а если кто-то осмеливался быть недовольным, то очень скоро находилась объективная причина для отчисления смутьяна.

Янка до тошноты боялась Вик-Инга. Лишь услышав шарканье его мохнатых унтов, она замирала за мольбертом, мечтая стать такой же бесцветной молью, как Нюся, и слиться с фоном. Интуитивно чувствуя жертву, Вик-Инг подходил именно к Янке. Гневающая тень командора нависала над ней, упиваясь властью, пока один курьёзный случай не научил её справляться со страхом перед Вик-Ингом.

Всё началось с того, что студенты, вынужденные проводить в училище большую часть своей жизни, стали активно одомашнивать родную мастерскую. За ширмой был поставлен стол и две кушетки, а вслед за самодельной плиткой и электрочайником появились: посуда, скатерть, домашние тапочки и часы с кукушкой. Каждый старался украсить свой второй дом милыми, уютными мелочами. Талдыбаев привёз из деревни допотопный проигрыватель и набор старых пластинок, чудом сохранившихся со времён доблестных строителей БАМа. Виниловые раритеты веселили не только «педов», но и дружественную группу отделения дизайнера, приходящую в гости к однокурс-

никам на дополнительные занятия после уроков. Администрация училища, закончив рабочий день, растворялась в другой реальности, предоставляя студентам вкушать радости творчества без конвоя.

Одно из совместных выполнений домашних зарисовок выдалось особенно буйным. Под жизнеутверждающие комсомольско-лирические баллады типа: «...а я по шпалам, опять по шпалам иду домой по привычке...» ребята ещё держались и продолжали стойко штриховать. Но когда грянули зычные руслановские «Валенки», грифели карандашей дрогнули, забежав поначалу в темпе стаккато, но вскоре дружно полегли в забытьи, брошенные своими отзывчивыми на настоящее искусство подмастерьями.

Парад-алле открыл азартный Перепёлкин. Редкий типаж чистого холерика был не в силах сопротивляться всепобеждающему призыву темперамента. Мужчина-Катастрофа, как называла его Большая Мать, росточком едва доходил до её пышной груди. Несмотря на миниатюрные размеры, Перепёлкин, казалось, до отказа заполнял собой всё помещение и отпрыгивал сразу во все стороны. Он без труда привлёк интерес однокурсников к народным танцам, выделявая ногами кренделя и сверкая цыганскими глазами. Большая Мать, как всегда, первой поддалась на перепёлкинские провокации. Помахивая над собой полотенцем, заменяющим платочек, исполненная достоинства и монументальной грации, она закружилась в центре возникшего вокруг неё хоровода. Всё закипело, запрыгало, понеслось, сотрясая тесные стены. Обезумевший от восторга Хромцов кружил по всему классу свою драгоценную Зденку. «Говорила мама мне про любовь обманную, да напрасно тратила слова...» - выводил древний патефон следующую, не менее зажигательную песню. Армен настойчиво отвергаемый, но не отчаявшийся, решительно сужал круги вокруг Большой Мамы, явно намереваясь овладеть ею, не прерывая страстного танца.

Тарас Григорьевич, несмотря на солидный возраст и статус старосты, тоже не смог устоять на месте. Совмещая камаринского с гопаком, он пустился вприсядку. Резко подпрыгивая, Тарас Григорьевич потешно выкидывал в стороны руки и ноги, а его знаменитый чуб, прикрывающий лысину, высоко отскакивал от своего владельца, принимая непосредственное участие в искромётной пляске.

Войдя в раж, гуттаперчевый Перепёлкин решил разнообразить танцевальные па акробатическими кульбитами. Апогеем стал хореографический этюд «Поцелуй на мосту». Перегнувшись через спину и встав на мостик, он склонил к аналогичным действиям и Зденку, вырванную из объятий Хромцова. Подползая друг к другу, как два краба, они демонстрировали образцово-показательный поцелуй, упорно преодолевая неудобное положение и отчаянные попытки Шмындрика вклиниться в интимную жизнь хотя бы на правах вспомогательного элемента. «Ой, мама, мама, как же ты была права!» - вторил отчаянный взгляд Хромцова.

Янка, в стороне от всеобщего веселья, спряталась за тяжёлыми шторами, ограждающими учебные постановки от дневного света, намереваясь воспользоваться сладостной безнадзорностью и курнуть в приоткрытое окно. Как на счастье, не успев воплотить мечту в жизнь, застыла в любовании картиной всенародного разгула.

Только Янка заметила, как настойчиво колышется дверь. Кто-то сильно тарабанил в мастерскую, пытаясь ворваться. Маленький крючок нервно подскакивал и едва сдерживал напор. Но грохот музыки, смех и оптимистичная атмосфера праздника заглушали все остальные звуки, включая голос разума: «Ах, мамочка, на саночках каталась я не с тем...»

Наконец несчастный крючок не выдержал и, скорбно согнувшись, впустил разъяренного победителя. В дверном проёме возник зловещий силуэт директо-

ра, но, кроме Янки, никто этого сначала не заметил. Вик-Инг орал, обильно заплёвывая ёжик бороды, топал косматыми чукотскими унтами, сотрясая равнодушное к его истерике пространство, а искромётная пляска не останавливалась. Лицо, перекошенное шрамом и невероятной злобой, стало пунцовым, но бразильский карнавал оставался глух к его отчаянным воплям. В этот момент старую пластинку заело на вечном риторическом вопросе: «Ах, мамочка, зачем? Ах, мамочка, зачем? Ах, мамочка, зачем...»

Плясовая осеклась, танцоры застыли в оцепенении, с ужасом глядя на чудовищное явление. У Вик-Инга не хватало слов выразить своё возмущение, так как запас приличных выражений был исчерпан. Повисло молчание, не предвещающее ничего хорошего. Лишь топот старомодных каблуков Тараса Григорьевича, не видящего со спины появление критически настроенного зрителя, нарушал немую сцену. Не подзревая о нависшей над сним грозе, «самый старый староста», раздухарившись, продолжал молодецкую пляску впрыска с бодрым уханьем и подлетающим седым чубом, легкомысленно обнажающим лысину. Резонное в данной ситуации, но запоздавшее раскаяние вторило: «Ах, мамочка, зачем... Ах, мамочка, зачем...»

НАД МИРОМ

*Смерть - это ещё одно
новое приключение!*

Питер Пен

Янка не знала, что ожидать от свидания с Аграновичем. Она спускалась по лестнице в винный бар-погребок с похолодевшим от восторга и ужаса сердцем, как выходят на сцену дебютанты на главную роль.

Янка всегда боялась открывать незнакомые двери. «Даже не догадывалась, что в нашем Мухосранске есть столь уютное местечко!» - оглядывала укромные ниши Янка. На всех увеселительных мероприятиях она ощущала себя несуразной, плохо одетой дурнушкой, которую видные парни обходят десятой дорогой.

Агранович не был похож ни на одного из её знакомых. Но тем не менее Янка была почти уверена, что Агранович - художник: «Такими яркими только родные братаны-мазилки могут быть!» Но сокурсники, так поразившие Янку вначале, рядом не стояли с той манящей тайной, что окутывала её избранника. Даже такие харизматические обаяшки, как Перепёлкин, Армен или Хромцов, были несравнимо приземленнее, обыкновеннее. Совсем уж «в замаске» были седобородые, с торчащими из всех рёбер бесами любители пухлых нимфеток. Янка не представляла Аграновича, тискающего её в вонючем подъезде или на последнем сеансе боевика. С его присутствием окружающая атмосфера менялась. Как будто опытный режиссёр ставил фильм-сказку и по его команде включалось освещение, монтировались эпизоды, слова приобретали скрытый смысл, актёры перевоплощались в мистических персонажей. Казалось, что находишься где-то на другой планете, а вовсе не в заштатном городишке, в котором светофоры ремонтируют только к первому сентября, клумбы высаживают к приезду губернатора, мусорные контейнеры вывозят ко Дню солидарности.

- И долго ещё так скакал ваш ретивый староста?

- Показалось, целую вечность. Как мы потом смеялись! У всех истерика была.

- А что, главнюк ваш училищный, Вик-Инг, жив-здоров ещё?

- Почему ты о нём спрашиваешь?

- Потому что ты его здорово ненавидишь.

- С чего ты взял? Мне просто не нравится такой тип людей властных, которые других давят. Но ненавидеть? Нет оснований...

Сердце Янкино вздрогнуло: «Почему он спрашивает об этом? Сговорились с Цесарским, что ли? Как будто что-то знают про меня, мысли читают! Тайна моя разгадана? Не может быть!»

- Снисходительно... Слишком...

Внутри у Янки зазвенели натянутые до предела струны: «Что-то произойдёт! Не может не произойти, потому что за что же, в самом деле, мне послана пожизненная мука?» Сейчас, именно сейчас, в этом ином, волшебном измерении возможно ВСЁ.

- Ты художник? Я сразу догадалась. У меня ощущение странное, что ты всё-всё про меня знаешь.

- У тебя это всё-всё на лбу написано.

- Чего пишут?

- Простодушие. Растерянность. Ты чего-то боишься?

- Я высоты сильно боюсь...

- Это легко исправить - посмотри на себя из космоса.

Они стояли в объятиях вьюжного, порывистого ветра на самом краю похожей на аэродром крыши новой шестнадцатизэтажки. Внизу жили своей далёкой смешной жизнью армады ярких, крошечных светлячков. Вон там, далеко, целая колония разноцветных мигающих огоньков - это рекламы центральной площади. Друг за другом по нитям дорог ползут жучки-машины. Поднимается в гору трамвай-гусеница. Где-то сразу у подножия затерялся тусклый фонарик Янкиной хрущёвки.

- Эх-х!.. Лепота!

Агранович смотрел на Янку из-под лохматой рыжей шапки с лукавой нежностью. Длинный шарф, выбившийся из расстёгнутого пальто, развевался на ветру белым знаменем, как у Маленького Принца из

сказки Экзюпери. Поцелуй, словно экстремальный аттракцион «Американские горки», зашкаливая допустимый уровень восторга, обжёг Янке губы. На долю секунды сознание оставило её, она будто провалилась в наркоз. Агранович ещё крепче прижал к себе девушку... и шагнул с крыши...

Янка не сразу поняла, что произошло. В области желудка образовалась невесомость и странное щеко-тание. Как вспышки замелькали отрывочные мысли: «Падаем! Разобьёмся... И всё... ЭТО ПРЕКРАСНО! Вот она, самая необычная на свете, самая неземная ЛЮБОВЬ! Пусть же и закончится так же внезапно и необычно. Мы НАВСЕГДА будем вместе. Наши имена теперь будут связаны смертью - это крепче, чем брак. Лучше, чем прожить долгую, нудную жизнь, ведущую от страсти к ненависти и неизменно к ещё более страшному - равнодушию... Даже через много лет люди будут вспоминать: «А слышали, двое влюблённых спрыгнули когда-то с крыши этого дома? Очень романтическая история!...» Что-то я уже слишком долго рассуждаю!»

- Мы падаем?

- Мы летим!

- Земля, прощай!

Янка гортанно захохотала, как безумная, открытым морозному воздуху ртом. Воздушные струи трепали щёки, делая их лица схожими с диснеевскими персонажами. Ветер дёргал за полы одежды, ерошил волосы. Нереальность происходящего наполнила всё Янкино существо эйфорией и электричеством. Она неистово махала руками-крыльями. Непроизвольно издаваемые ею в пылу самозабвенного полёта гортанные звуки, похожие на весеннее карканье, роднили её с огромной вороной-мутантом, вырвавшейся из постылого заточения в застенках исследовательского института, предусмотрительно прихватившей с собой такого же мутировавшего самца. Агранович по-отцов-

ски бережно поддерживал обезумевшую от счастья «птицу», снисходительно наблюдая за постепенной адаптацией подопытного экземпляра к новым условиям обитания.

- А говорят, что у самоубийц, прыгающих с большой высоты, сердце разрывается ещё в падении, - отрывисто прокричала Янка, словно оглохшая.

- Точно, чуть не разорвалось. Не бойся, лети!

Он мягко оттолкнул Янку, предоставляя потоку нести её самостоятельно, как учат детей плаванию опытные мускулистые тренеры в престижных бассейнах. Открой же ты, наконец, глаза!..

- Янка, Янка! Открой глаза! Ты вставать собираешься или нет? Что тебе, на занятия не идти, что ли, сегодня? Ты знаешь, сколько времени уже? - мама Ира тормошила ошалевшую от ночных полётов дочь, частично-поисковым методом, свойственным опытным педагогам.

«Как я оказалась дома? Не помню. Сидели с Аграновичем в кафешке. Выпили вино цвета рубина, всего по одному бокалу, а не так чтоб «уехать» в никуда. Целовались на крыше. Ветер был сильный. Мы упали? Ничего не помню... Нет же, НЕТ!!! Это был только сон! На самом деле - проторчала «Под аркой» на ледяном ветру, пока не потеряла последнюю надежду. Замёрзла до слёз. Вернулась домой за полночь и рыдала в подушку, пока не провалилась в забытьё. До сих пор наволочка мокрая!»

День тянулся за днём, приближался мужской праздник. Зима злилась от осознания неизбежности того, что её официальная власть вот-вот закончится. Ей хотелось в последние дни своего правления вытворить нечто этакое и растрезвонить о своих проделках по всему свету, преувеличивая их до неузнаваемости.

Агранович исчез, будто его никогда и не было. Янка старательно отгоняла плохие мысли и успокаивала себя тем, что он занят неотложными делами и

скоро появится. На улице, в салоне автобуса Янка безотчетно искала взглядом знакомый силуэт в пушистой рыжей шапке и каждую минуту была готова к чудесной встрече. Она постоянно вела с Аграновичем мысленные беседы, что-то доверительно рассказывая и представляя, что он отвечает. Янка не замечала, как странно выглядит со стороны, когда на её лице полярно и резко меняются выражения или надолго застывает загадочная улыбка.

Выходные она посвятила поиску подарка для Аграновича. После многокилометровых хождений по вещевому рынку остановила свой выбор на шикарном светло-сером джемпере и, ни на секунду не задумываясь, истратила на него две бережно сохранённые стипендии.

Загадочный возлюбленный исчез без всяких объяснений. Спрятался. Затаился и молчал, мотая на кулак нервы воздыхательницы, как и положено всем загадочным возлюбленным. Янка искала его в Интернете, требовала выдать его номер по «09», изучала телефонные справочники. Всё было тщетно. Испепеляющие душевные муки она выражала в диких графических зарисовках с неизменным центром композиции - пылающим в огне телефоном, ведь все надежды были возложены именно на этот глупый аппарат с трубкой.

Семейные вечера можно было бы назвать невыносимо скучными, если бы не обилие бодрящих актов устрашения со стороны мамы Иры. Несмотря на все ужасы домашней войны, Янка никуда не выходила, боясь, что в её отсутствие позвонит Агранович и тогда мама Ира, по своему обыкновению, начнет разговор с тренировки командного голоса: «Поздороваться бы не мешало для начала! Вас этому в школе не учили, молодой человек? Потрудитесь представиться, - с каждым словом резко повышая тон. - По какому поводу? Зачем? Для чего? А кто вы вообще?!» Надо быть законченным мазохистом, чтобы ещё хоть раз позвонить в подобный штаб НКВД.

- Сиди теперь на телефон медитируй, а он уж давно забыл, как тебя зовут! - шипел злобный внутренний голос.

- Нет! С ним что-то случилось. Обещал позвонить, значит, позвонит! Агранович - самый лучший на свете человек! Он очень занят! - горячился светлый оппонент, отстаивая своё мнение раз от разу всё неувереннее и печальнее.

- Ах, занят? Чем это, например?

- Может, он заболел и ему очень-очень плохо?

- Слиял, слинял, слинял! Как и все твои предыдущие ухажёры, - не унимался вредный внутренний скептик.

Однажды вечером, когда тонкая ниточка, на которой ещё кое-как держалась надежда, натянулась до предела, раздался телефонный звонок. Это был не просто звонок. Янка почувствовала мощные флюиды любви, исходящие вместе с его дребезжанием. Сорвав трубку, кинулась в свою кладовку, из которой, скрываясь от мамы Иры, вела особо важные телефонные разговоры. Но, не сдержавшись, нарушила на бегу необходимую конспирацию и почти закричала в трубку:

- Саша! Сашенька! Это ты?! Куда пропал? Почему так долго не звонил?

Но она жестоко ошиблась, приняв незнакомца за Аграновича.

- Извините, я, наверное, ошибся номером, - придаленно пролепетал парень на другом конце провода и повесил трубку.

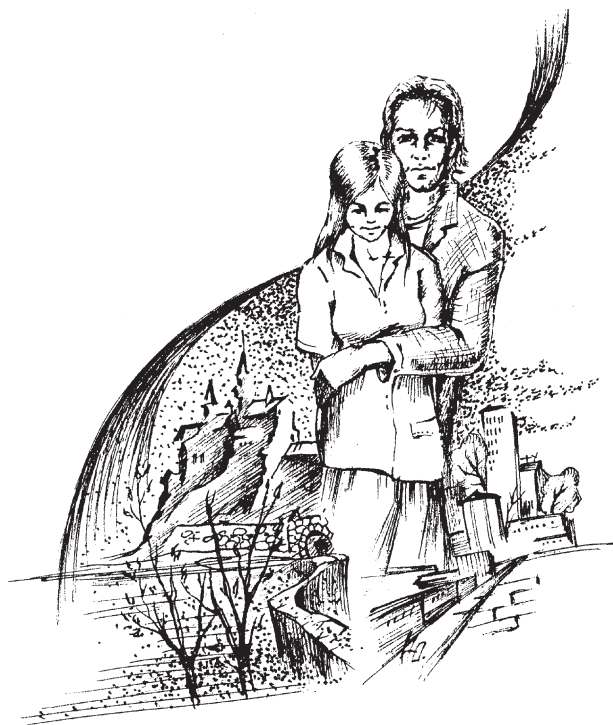
Заботливая бабушка, воспитанная в духе средневековой морали, часто наставляла Янку, что мол, все мужики - кобели, как добьются своего - поминай как звали. Причём все коварные развратники напоследок объяснялись с безутешными родителями опозоренной девушки непременно одной и той же фразой: «Коню дают овёс - он не отказывается». Может, по

законам Пламенеющей готики, резкая перемена в отношениях с Аграновичем была бы логична. Но, к большому Янкиному сожалению, пресловутого «овса» она ещё не успела ему предложить, если не считать несколько поцелуев на морозе.

Янка заперлась в тёмной кладовке, оглушённая и раздавленная. Со слезами на глазах долго и злобно хохотала, вспоминая, как придирчиво выбирала джемпер, как не раз опозорилась, путая имена, называла всех подряд Сашами. Изрисовала его портретами все тетради, да и в зарисовке обрубочной головы, состоящей из углов и плоскостей, явно угадывались знакомые черты - вытянутый овал лица и нос необыкновенно красивой формы. Чтобы не разразиться безобразным криком, она заткнула себе рот перстнем, как соской-пустышкой. Долго посасывала прохладный гладкий камень, успокаиваясь таким грудничковым способом.

Часть 3

ВЕСЕННЕЕ ОБОСТРЕНИЕ

ВЕСЕННЕЕ ОБОСТРЕНИЕ

*Вот она пришла, весна,
как паранойя...*

*Да, я знаю, как сходят с ума.
Да, я знаю, как сходят с ума.
Да, я знаю, как сходят с ума...*

*Из репертуара Николая Носкова,
который знает, как сходят с ума*

«Справочное бюро» располагалось в торце облезлого здания, на втором этаже. Маленькое окошечко, напоминающее амбразуру вражеского дзота, помещалось на окрашенной «туалетным» цветом двери, но было наглухо запечатано фанеркой. Очевидный факт подтверждался ещё и надписью «ЗАКРЫТО». Немного удивившись столь закономерному явлению, наивная девушка долго стояла, осознавая, как неотвратно облетают сжёванные лепестки мечты. Услышав за дверью слабые признаки присутствия жизни, Янка решила постучать. В замурованной канцелярской норке усилился раздражённый шорох.

Янка очень боялась всех официальных контор. Перед любой административной дверью ей приходили на ум дикие фантазии, как даже самый ничтожный чиновник, а особенно чиновница, лишь завидев просящего, превращается в голодного вампира. Вытягиваются острые клыки. Загибаются чёрные ногти. Слабеет безвольная жертва, отдавая свою кровь какому-нибудь главному бухгалтеру.

Набравшись смелости, Янка постучала ещё раз, громче. Фанерный лаз безмолвствовал, но зато со скрипом отворилась сама дверь. На Янку с нескрываемым пренебрежением вопросительно смотрели две молодые девушки. Беспардонное вторжение нарушило их спокойное интимное чаепитие с половинкой кремowego торта:

- Ну, и что вы, девушка, ломитесь, в самом-то деле? Ясно ж написано: «Закррито»! Седьмое марта - короткий день. Приходите после праздников.

Янка осознала, что если сейчас ничего не решится, то до «послепраздников» она просто не доживёт:

- Я вас прошу! Мне очень нужно. Срочно. Это очень-очень важно!

- Значит, вам важно, а что мы тоже люди и рабочий день у нас закончен, это для вас совершенно не важно?

- Нет, это важно, важно. Но помогите! Я - художница, я вам портреты нарисую. Вот возьмите, пожалуйста. С праздником вас! С наступающим! - Янка достала из рюкзака несколько этюдов.

- Ух, ты! Это маслом, да? Дай-ка мне вот этот, и тот ещё. Надь, возьми-ка вот себе с чайничком на кухню. Ну, ладно, что у вас там?

- Мне нужен адрес. Агранович Александр, предположительно проживает в районе Старого города, год рождения тоже предположительно...

Янка выбежала на улицу, крепко сжимая заветную бумажку, не веря своему счастью: «Получилось! Вот она, судьба, у меня в руке, на этом мятом сером клочке!»

Рачительная мама Ира чётко рассчитывала расходы и выдавала дочери деньги на строго ограниченное количество поездок в городском транспорте. Лимит на сегодняшний день был исчерпан, поэтому Янке предстояла длительная пешая экскурсия в исторический район города.

Похудели и затвердели последние остатки чёрных сугробов, крыши оскалились чудовищными сосульками, истекающими обильной слюной, земля стыдливо обнажила свои изгаженные проталины. Янка шла очень быстро, временами переходя на бег. Со стороны могло показаться, что за ней кто-то гонится. В лицо без стыда плевал мартовский ветер, как наглый, распоясавшийся подросток.словно хо-

тел унижить Янку, а заодно охладить её импульсивное решение.

Вдруг она остановилась посреди дороги, так резко и неожиданно, что на неё с удивлением оглянулось сразу несколько прохожих. Янке вспомнилось недовольное лицо мамы Иры, когда кто-либо, рискуя быть проглоченным заживо, решался заявиться в гости без приглашения и предварительного звонка. «Зачем я иду? И что скажу ему? Может, он весь такой загадочный, потому что вообще давно и крепко женат? Ведь ясно ж дал понять, что я НЕ НУЖНА ему». Догадки одна страшнее другой терзали Янкино воображение.

Мимо проносились торопливые людские потоки, а она, часто останавливаясь, подолгу смотрела прямо на ветер: «Повернуть, пока не поздно?» Слезы текли по щекам тёмными дорожками, смывая остатки дешёвой туши: «Представляю, как у меня сейчас распух нос и глаза, наверное, красные. Красотища! Но всё равно. Пойду. Если не сейчас, то потом никогда не решусь. Нужно довести дело до конца. Сделаю ВСЁ, что от меня зависит. Хуже всего - неизвестность».

Этот дом, стоящий в стороне от шумных магистралей, Янка узнала сразу, будто он был знаком ей всю жизнь. «Библиотечный кружок», возвращаясь как-то раз с пляжа, выкурил здесь по паре сигарет (прочли по статейке). Тихий, уютный дворик был словно специально укрыт со всех сторон от недобрых взглядов противников «литературных чтений». Янка вспомнила, что плакала здесь однажды, блуждая по городу в поисках успокоения от многочисленных обид, претерпеваемых ею в трудных семейно-крепостных условиях. Этот милый четырёхэтажный «особнячок» так нравился ей, что она его даже нарисовала ещё тёплой осенью во время пленэрных зарисовок, выбрав в модели из-за странности архитектуры. Дом имел множество рукавов, россыпь окон разных размеров и конфигураций. Соседство эркеров, лоджий, балкончиков и вынесенный наружу лифт составляли такой

эkleктический салат, что невозможно было не удивиться столь необычному сооружению. Но самое ценное, что отличало этот шедевр замысловатого модернистского зодчества от однотипных серых кварталов, - чудесный двор. Всегда безлюдный, заросший кустами сирени, отлично маскирующими его от суетности городской жизни.

На металлической двери подъезда, к счастью, не оказалось ни кодового замка, ни домофона. Янка шла, как на эшафот, заставляя себя подниматься по широким ступеням. Всё в этой монументальной парадной, не похожей на стандартные лестничные клетки, казалось странным и одновременно очень знакомым: «Подъезд не запирается, а чистенько и цветы на подоконниках. Удивительное рядом...»

Дверь с заветной цифрой «семь» сразу же выросла перед Янкой, как только она взошла на третий этаж. Квартира оказалась единственной на площадке. Янка в нерешительности остановилась. Она тяжело дышала, будто поднялась на высокий холм. Но чем дольше стояла, тем яростнее колотилось сердце и сильнее сбивалось дыхание. Она попыталась успокоиться и принялась рассматривать дверь. Массивная, тёмно-вишнёвая дверь с необычным звонком-ручкой, которую нужно было крутить вокруг своей оси. Словно вросшая в дверное тело, выдавшая виды металлическая табличка не оставляла сомнений в правильности адреса «Серафим Агранович». «Все они там ангелы и серафимы, что ли?» - удивилась Янка.

Набравшись смелости, она осторожно приблизилась к грозным вратам. Припав ухом к прохладной двери, прислушалась, стараясь угадать, что происходит внутри. Янка услышала заразительный женский смех. Тем не менее в его переливах проскальзывали жутковатые воюющие нотки. Второй мужской голос, явно принадлежащий Аграновичу, рассказывал хохотуные подробности какого-то забавного случая, возобновляя всё новые вспышки смеха, переходящего в визг. «Эх, была - не была! Раз у них так весело, зна-

чит, бить не будут, по крайней мере, сразу» - ободрила себя Янка и постучала в дверь, боясь притронуться к чудному звонку.

Её не услышали, да и где было расслышать, когда хохотали всё громче и уже вдвоём. Наконец, после неоднократного требовательного стука, неприступная крепость забряцала всеми многочисленными цепями, замками, засовами и сдалась. На пороге возникла растрёпанная рыжая женщина без возраста в бесстыже-прозрачном пеньюаре и с чёрными подтёками туши на нижних веках. «Гелла!» - в ужасе промелькнуло в Янкиной голове. Вся Янкина напускная любезность и отвага моментально испарились. Она чуть слышно пролепетала:

- Здравствуйте, а Сашу позовите, пожалуйста.

- А Саши здесь нет, - бойко ответила «Гелла», смахивая выступившие от смеха слёзы и продолжая похохатывать.

- А не подскажите, когда он будет?

- Его здесь никогда не будет, он здесь не живёт.

- Извините, - выдавила из себя Янка захлопнувшейся массивной тёмно-вишнёвой двери.

ОКНО НАПРОТИВ

*И никому я не могу поведать тайну,
Что есть на свете место моей смерти.
Не время, как у всех, а только место,
Клочок земли, удобренный слезами.*

*...Я только здесь испытываю счастье...
И это место под окном твоим!*

Фарида Габдраупова

Мелкий, колючий дождь поднатужился и припустил полновесными струями, желая доказать, что он не какой-нибудь ноябрьский нытик, а разухабистый

весенний ливень, предвестник первых гроз. Казалось, что во дворике от обилия кустарников темнеет быстрее, чем повсюду. Ручьи дружно объединились в разливанный поток, покрывающий всю земную твердь. Янке чудилось, что она - единственный оставшийся в живых житель планеты посреди всемирного потопа. Зрелище было ещё более странным оттого, что она сидела на покосившейся детской качельке под стеной дождя, поджав промокшие ноги, совершенно одна. Перед ней маячила незавидная перспектива долгого возвращения домой по тёмным, сырым улицам.

Долго, не мигая, смотрела она в светящийся прямоугольник окна на третьем этаже, как смотрят в экран зомбированные компьютерными играми дети. От холодных струй едва спасало ржавое подобие крыши, водружённое над качелями, и натянутый до бровей капюшон куртки. Дождь настойчиво стучал по клавишам тысячью невидимых клавиатур, печатающих под протяжный качельный скрип печальные Янкины мысли. «Я - битый пиксель на мониторе жизни», - поэтично выразила она все свои знания информационных технологий. Посреди этого чёрного журчащего, непрерывно текущего со всех сторон света, с неба, с крыши, деревьев, живого потока Янка вдруг ощутила необыкновенное блаженство от осознания отверженности, упоения своей горькой, неразгаданной тайной: «Только здесь я дома. Вот оно, моё место!»

Она приходила сюда каждый вечер, чтобы увидеть волшебное прямоугольное светило, роднившее с воспоминаниями о нём. Иногда, когда очень повезёт, ей удавалось увидеть в окне неясные силуэты. В своих мечтах Янка часто под покровом невидимости пробиралась туда: влетая с порывом ветра в открытую форточку, проходя сквозь стену, заполняя крошечным насекомым в загадочные чертоги квартиры номер семь. Больше всего на свете она хотела бы

проникнуть в комнату Саши, но никак не могла представить себе обстановку, он просто не мог органично существовать ни в одном современном интерьере. Поэтому ей виделся то заваленный древними манускриптами готический кабинет Фауста, то причудливое пространство НЛО, заполненное сияющим туманом.

Мутные, мокрые сумерки сменялись непроглядной тьмой, противоречить которой осмеливались только два светлых пятна, загадочная планета Сашиного окна и огонёк Янкиной сигареты. На этом необъяснимо притягивающем магическом месте Янкину душу раздирали наплывающие друг на друга противоречия. Радостное возбуждение вдруг резко сменялось отчаянной безысходностью: «Умереть бы мне здесь под твоим окном, как бездомной собаке».

Дождь прекратился так же неожиданно, как начался, будто кто-то там наверху резко закрутил гигантский кран. С карнизов, веток деревьев и навеса над качелькой наперебой зацокали увесистые капли. «Вот он, мой унылый, дождливый, никому не нужный день рождения», - печально констатировала для себя Янка. Далеко, в непроглядной тьме, угасли все детские надежды на этот праздник. Но одна, самая главная, пожалуй, осталась - загаданное желание. Янка вспомнила, как всего пару часов назад мама Ира преподнесла подарок в своей неподражаемой манере - в неистребимой злобе кинула в лицо имениннице свои, почти новые, сапоги на высоких каблуках, сама в которых ковылять была уже не в силах. Неприятности, связанные с домашним чествованием, были с лихвой компенсированы счастливой возможностью загадать желание и задуть свечи на синем фирменном маминном торте «Негр в пене». Желание было только одно. Оно безгласным криком раздирало изнутри: «Хочу видеть ЕГО-О-О-О!!!»

Стоически вытерпев необходимый минимум присутствия за праздничным столом, Янка улизнула из

отчего дома под пьяные запевы родни. На всех парусах неслась она сюда - на ржавую качельку, куда стремилась теперь ежечасно, где был отныне её храм, алтарь и настоящий праздник. Ведь там каждую минуту было возможно чудо - мог появиться он! И тогда всё выяснится, что рыжая Гелла наврала, и они с Аграновичем станут счастливы и снова улетят в бесконечное звёздное небо! Янка проводила в заветном «Сашинем дворике» почти всё свободное время, но ни наглуую Геллу, ни её таинственного собеседника увидеть пока не удавалось. А это означало, что встреча возможна, она впереди и может быть очень скоро или прямо сейчас...

Время шло. Дни тянулись за днями. Ничего не менялось. Ожидание счастливой встречи отдвигалось всё дальше и меркло где-то далеко в унылых суетных буднях. Иногда, встрепенувшись, Янка вновь предпринимала отчаянные попытки поиска следов своей потерянной любви то в Интернете, то в телефонном справочнике. Но никак не могла решиться повторить подвиг и зайти в подъезд Аграновича ещё раз. Как только она подходила к вожделенному объекту и дотрагивалась до дверной ручки, сердце начинало бешено колотиться в горле, пульсировать в висках. От страха она впадала в оцепенение и предобморочное состояние. Опасный аттракцион повторялся с завидной регулярностью, продолжая провоцировать к новым попыткам. В очередной раз потерпев фиаско, Янка ретировалась на свою, ставшую уже родной качельку и ощутила наплывающую острую душевную боль.

Чаще всего такие моменты накатывали на неё дома, тогда, уединившись перед зеркалом, она брала большую цыганскую иглу и с каменным выражением на лице прокалывала себе мочку уха. Замена невыносимого душевного страдания физической болью приносила облегчение до следующего рецидива: «Чего только не сделаешь ради выживания!» Незажившие

дырочки можно было неоднократно раздирать серьгами, продлевая сомнительное удовольствие. За два последних месяца на её левом ухе прибавилось четыре серебряных колечка. Это мазохистское увлечение пирсингом пришло случайно, когда Янка, спасаясь от депрессии домашней работой и пытаясь зашить грубой ниткой свои драные тапки, нечаянно вонзила толстую иглу глубоко в палец. Изматывающая душевная тоска, словно испугавшись укола, спряталась и на время затаилась. Довольно сносное настроение длилось почти весь вечер. Даже ночью она не стала по обыкновению захлёбываться в рыданиях, глуша их в обильно смоченной подушке, а забылась крепким сном ткачихи, перевыполнившей план. Но сегодня боль, притаившись на время, накрыла её, застав врасплох, растерянной и безоружной: «Почему всё так? Люблю его больше жизни. Я бы сделала для него всё. Хочешь, бери мою жизнь. Не жалко! А ведь мы могли бы быть счастливы. Неужели эта боль будет длиться вечно?»

Янка судорожно подкуривала сигарету, трясясь, как в лихорадке, так что со стороны можно было принять её за наркоманку в период ломки. К сожалению, спасительной цыганской иглы под рукой не оказалось. «Напутали, видать, эти суки со справки. Не было там никогда никакого Саши и нет, а в квартире алкашка какая-то живёт, б... на пенсии. Вот и всё! Хватит выдавать желаемое за действительное!

- А как же табличка на двери?

- Пора уже взглянуть правде в глаза. И нечего здесь сидеть-высидживать каждый день. Не нужна ты ему, чего ещё непонятно-то?

- Почему?

- Да потому, что ты - страшная, толстая. А на что ты надеялась, идиотка? - кричали внутри Янкиной головы злые голоса: «Что же мне остаётся? Раз любимому и единственному на свете я не нужна, то

ждать нечего - отдамся первому встречному. Возьму и выйду замуж. Да! За любого, кто первый предложит. А чего время терять? С сегодняшнего дня совершеннолетие катит в глаза, а с годами-то я краше не стану. Останусь отвратительной вредной старой девой, как Резина. Вот ужас-то где!» Подлая боль меж тем усилилась многократно, и терпеть её, казалось, больше нет сил: «Сейчас прожгу руку сигаретой, может, отпустит?» Она уже поднесла к самой ладони зажжённую сигарету, предчувствуя, как ожог и запах жареного мяса вырвут её из холодного отчаяния. Вдруг, над самым ухом, из темноты раздался голос, показавшийся ей знакомым:

- Девушка, прикурить разрешите.

«Да уж первый встречный оказался на редкость оперативен», - с горькой усмешкой подумала Янка и протянула в темноту свою зажигалку.

- А сигаретки, извините, вольному стрелку не найдётся?

«Разговорчивый слишком. Ещё и впрямь привяжется», - ужаснулась Янка и с нескрываемым раздражением, совсем как мама Ира, сунула открытую пачку в том же направлении и чуть не свалилась от неожиданности со своего скрипучего трона, когда тусклый огонёк мельком осветил лицо незнакомца. Молодой человек был удивительно похож на Аграновича. Блондин, тот же тип лица, прямой, чуть загнутый по-кавказски нос. Темнота и воспалённое Янкино воображение моментально дорисовали образ, придав ему ещё больше схожести.

- А я гляжу, ты всё в нашем дворе. Кого пасёшь?

- **Вам** не всё равно? И не тыкайте мне, пожалуйста! Мы с **Вами** гусей вместе не пасли!

- Дык какие проблемы, давай попасём! - пошлова-то загоготал парень и смачно сплюнул.

«Нет, это явно не Агранович! Ничего общего!» - Янка молча встала и решительно двинулась прочь от назойливого незнакомца.

Мефистофель.

*Ты ж мне черкни расписку долговую,
Чтоб мне не сомневаться в платеже...
...Листка довольно. Вот он наготове.
Изволь тут расписаться каплей крови.
...Кровь, надо знать, совсем особый сок.*

Иоганн Вольфганг Гёте «Фауст»

- Не, ну чё сразу убегаешь то? - парень крепко держал Янку за рукав. - Я, мош, такую девчёнку всю жизнь искал. Да я, мош, тебе всю душу готов отдать!

- Ерунда какая! Не гони!

- Я гоню?! Ну, нахн. Ты меня плохо знаешь!

Было ясно, что парень очень желает познакомиться, но в силу ушербного интеллекта получалось это у него из рук вон плохо. Понимая, что так просто от него не избавиться, Янка достала из внутреннего кармана карандаш с блокнотом, где делала ежедневные зарисовки:

- Тогда пиши.

- Чё? - парень с энтузиазмом схватил блокнот и карандаш.

- Я такой-то, такой-то, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, отдаю данной девушке свою бессмертную душу, безвозмездно то есть даром. Число, месяц.

- Подпись?

- После... У тебя булавки нет?

- А чё?

- Необходима капелька крови. Так, для формальности.

- Ну, лады, - оловянный взгляд молодого человека озарило подобие удивления, и он с энтузиазмом начал царапать крупные каракули.

- Готово? - Янка взяла листок, тускло освещаемый зажигалкой: «Я, Агранович Александр Серафимович, находясь в здравом...» Слова заплясали у неё в глазах и враз рассыпались.

- Ты чего понаписал? А?! Я сказала **свою** фамилию писать. **Своё** имя, а не чужое!

Лицо у мошенника вытянулось. Он уставился на Янку, округлив глаза:

- А ты чё, как узнала то? Ну, понял, я тада... - под тяжёлым Янкиным взглядом парень засуетился и вроде бы засобиравшись уходить, но что-то его удерживало. Внезапно он резко выхватил блокнот и порывисто написал: «Я, Олег Антипов, нОхАдясь в здравом уме и твёрдой памяти, очень хочу познакомиЦА».

- Меня, ваще-то, Антипом зовут - погоняло, - он с жаром протянул Янке свою руку, сплошь покрытую татуировками, проглядывающими даже в тусклом свете от зажигалки. Пальцы были увиты вензелями наколотых перстней с одним реальным кольцом-печаткой, на котором угадывалось раздутое изображение черепа с признаками гидроцефалии.

- Творческий псевдоним? - язвительно усмехнулась Янка.

В единый момент она почувствовала, насколько все эти клички, татуировки, лагерный шансон, жаргонные словечки, весь блатной антураж чужды ей и глубоко отвратительны. Она ещё раз мельком взглянула на мятую расписку. - Знаешь Аграновича? - спросила она, пытаясь скрыть дрожь в голосе.

- А то! Корефан мой. С детства в одной песочнице косяки шкерили.

Это самоуверенное заявление, совершенно не сопоставимое с Аграновичем, стало решающим в дилемме: продолжать знакомство с подозрительным субъектом или всё же послать? «Конечно. Немедленно. Задружить насмерть. Влезть под шкуру, стать самой лучшей, единственной, необходимой. Ведь он знает Аграновича! Это главное. А вдруг, чем чёрт не шутит, эта гнилая ниточка приведёт к НЕМУ?!» Но ниточка вилась, опутывала, вязала по рукам и ногам и не приближала, а всё дальше и дальше вводила от мечты.

- Да хрен его знает, где он шас, Санёк, этот шарится. Неважная тема! Я сам, слышь, в непонятках...

Скороспелая весна успела несколько раз сменить гнев на милость, принарядиться, подобрав с улиц вытаявший мусор, ослепить солнечными зайчиками, гоняя по двору одуревших котов. Как обычно. Но всё же что-то разительно и безвозвратно изменилось и никогда уже не будет прежним.

Пройти по ЕГО двору - вот оно первое, простое оправдание порочного влечения к Антипу, придуманное Янкой для самой себя. Странное смещение чувств отвращения и зависимости она нарекла термином «эстетика безобразного», вычитанным из чужих конспектов по истории искусств. Мучительно и одновременно притягательно видеть двойника Аграновича. Он словно эрзац из подкрашенного желатина, претендующего на звание красной икры. Когда Антип курил молча, Янка любовалась им, впадая в благоговейный экстаз, но стоило ему открыть рот, как очарование моментально испарялось, сменяясь на досаду и раздражение. Зато теперь у неё появилась волшебная возможность каждый вечер пересекать священный двор уверенной походкой человека, спешащего по делам, а не мозолить людям глаза под окнами назойливой попрошайкой. Каждый раз Янка подходила сюда, как на исповедь, с отчаянным призывом и мольбой в замирающем сердце. Но неподкупный Дух Его Величества Сашиного Двора оставался глух к Янкиным страданиям и при внешней приветливости хранил ледяное равнодушие, как хитрюга - японский бизнесмен. Янке так и не удалось повстречать ни самого Аграновича, ни его странной сожительницы, похожей на Геллу.

Первый необдуманный шаг. Второй. Третий. Как легко решиться на первые шаги, ведь кажется, так далеко ещё до вершины, а значит, и расплата не скоро. Всё, что было связано с Антипом, окутывала серая,

беспросветная мать. В глубине души Янка надеялась, что до серьёзных отношений с ним никогда не дойдёт, однажды она встретится с Аграновичем - и всё счастливо решится само собой.

Однокомнатная «хрущоба». Продавленный диван. Густой замес табачного смрада в сочетании с вонью кошачьей и человеческой мочи. У облупленной стены запущенной комнатёнки теснится железная кровать без матраца. Прямо на металлической сетке лежит великовозрастный детина без единого проблеска интеллекта, напоминающий гигантскую мокрушу. Это Валик - младший брат Антипа. Его основные занятия - под нечленораздельное мычание пускать пузыри слюней и обильно орошать свежей порцией испражнений свой прогнивший матрац, который каждое утро вывешивают на перила балкона, на радость мухам, отпугивая издёрганых соседей.

Людмила Ивановна - Мамлюда, бывший секретарь партийной организации, завуч престижной физмат школы, а ныне конченная хроническая алкоголичка, редко вмешивалась в общее течение жизни. Обычно, если она присутствовала по месту жительства, то представляла в одной из двух ипостасей: спящей где придётся либо передвигающейся на автопилоте, в безумном сомнамбулическом состоянии, с обмороженными глазами и с песней собственного сочинения: «Напилась до усрачки... Не дойду я до тачки...» В те редкие осознанные фрагменты биографии, когда она была в состоянии говорить, вспоминала своего мужа – офицера, грубого и запойного, бросившего её в дальневосточном гарнизоне с двумя малолетними детьми. Строгая женщина на замусоленной фотографии, которая каждый раз при относительном протрезвлении демонстрировалась Янке, даже отдалённо не напоминала Мамлюду - прокуренное, пропитанное суррогатным спиртом существо, с нечесаным реденьким седым хвостиком, в

разбитых очках и засаленной, побитой молью коффе неопределяемого цвета.

- Послушай меня, Клеопатра, - поучала она, тряся перед Янкиным лицом тёмно-коричневым, потрескавшимся кулачком, похожим на куриную лапку. - Запомни, с любым человеком жизнь может сделать всё! Как бы кто нос ни задира, а и не заметишь, как можешь стать бомжом, вором, да кем угодно. Любая самая гордая и правильная девочка делается вокзальной проституткой. Запросто! Потому что обстоятельства так могут сложиться. И против не попрёшь. Вот я...

Далее следовал бесконечный путанный рассказ, избилующий каждый раз всё новыми жуткими подробностями из жизни опустившейся женщины. Глядя на неё и слушая о том, как поначалу Мамлюда пыталась противостоять судьбе, Янка сделала вывод, что никогда не станет рожать детей. Если бы муж бросил Людмилу Ивановну одну, спутавшись с очередной казарменной примадонной, то, возможно, Мамлюда попереживала б для порядка, но выдюжила и не спилась. И увольнение тоже, может, пережила, устроилась бы куда-нибудь на первое время, чтоб на хлеб хватало. Но тянуть на себе ещё двоих не нужных никому в мире, кроме неё, «цветов жизни»... ежедневно казнить, глядя на двух вырожденцев, интеллигентной в прошлом женщине было невыносимо: «Воспитание - воспитание. Чушь! Вот он как родился с первого дня - сволочь, и оглоблей его не перешибёшь!» Ну, с Валиком всё было понятно, большой человек, полностью зависимый, не способный даже мало-мальски обслуживать себя. Что с него взять, дурак он и есть дурак. Пользы от него, конечно, никакой, но и вреда тоже, кроме эстетического.

Антип был, по мнению Мамлюды, так же невыносим, но гораздо вредоноснее брата: «Страшен не просто дурак, а страшен инициативный дурак!» Антип явно относился именно ко второй, более удручающей

материнское сердце категории. Он с рождения обладал кипучей энергией при полном отсутствии влечения к культуре и образованию. Кочуя по интернатам и приёмникам-распределителям, Антип встретил своё совершеннолетие в колонии, угодив туда по «хулиганке», так и не осознав, за что именно. Несмотря на всю «прелесть» морального облика, Антип весьма удачно устроился и преуспевал в жизни. Карьера таксиста ему удалась, к тому же он как-никак, но содержал забубённую мамашу и трутня-Валика. Иногда Антипу удавалось срубить кучу «левых хрустов». Но сколько бы ни было у него денег, их ему всегда почему-то хронически не хватало. Не только финансами, но и всем в доме заправлял именно он. Мамлюду Антип держал в чёрном теле и периодически поколачивал, а беспомощного братика оформлял в специнтернат. Протрезвев, что случалось не часто, Мамлюда устраивала по этому поводу героические истерики. И неизменно получала от Антипа очередную зуботычину, а поплакав, в качестве утешительного приза - сотку-другую, отправлялась заливать мысли о реальности с такими же горькими забулдыгами. Грозный Антип держал в почтительном страхе не только семью, но и всю округу. По малейшему поводу он мог неожиданно впасть в несанкционированную ярость, рвать, крушить, уничтожая остатки посуды и постельного белья, ударить кого угодно (особенно бурно он реагировал на вид милицейской фуражки).

Единственный человек, кого эти энергичные выпадывы совершенно не впечатляли, была Янка. Она самозабвенно передразнивала его безграмотную речь, ежеминутно тыкая в его бескультурье, приклатнённую безвкусицу, унижала и демонстрировала пренебрежение, осознанно пытаясь навлечь на себя его неуправляемый гнев, ища смерть в поножовщине. Зная, что подруга не боится его, Антип проникся к Янке глубоким уважением, требуя от окружающего мира поклонения своей королеве.

Каждый раз, посещая «логово», Янка приносила для несчастного Валика жвачку или чупа-чупс. Хотя Валик и без того всегда восхищённо тарашился на неё, как питекантроп на сверкающую кремлёвскую ёлку. Мамлюда так же признавала Янку непререкаемым авторитетом:

- Клеопатра, ты положительно влияешь на этого дебила (Янка путалась, на какого именно). Лучшей снохи и представить не могу. Только прошу, не бросай нас!

Вечера коротались на крохотной кухне. Никто не смел нарушать царственный покой в кишках тараканами чертогах. Мягко тлела тусклая настольная лампа. Убаюкивающе брэнчал магнитофон. Антип молча, как неугомонный Гефест, чинил разнообразные вещи, порушенные им же в ходе недавнего воспитательного процесса, кипятил на вечном огне закопчённой газовой горелки смоляной чифирный гейзер. По сути, Антип не доставлял Янке особых беспокойств. Он изо всех сил старался ей нравиться и беспрекословно подчинялся с таким смирением, что это не могло не растрогать. Непроходимая его глупость и неотёсанность порой сильно раздражали, но Янка не умела долго сердиться, а так как была совершенно равнодушна к Антипу, то и не пыталась его переделать. Сексуально Антип был поразительно не образован для своего возраста и с наивностью дошкольника пересказывал байки из дворового фольклора типа, «как одна тётка родила от добермана» или «как один мужик у себя в подполе курицу насиловал». Максимум, что мог себе позволить «гроза микрорайона», это, изрядно подбодрившись спиртным, в пылу неконтролируемой страсти воровато сжать Янкину грудь и тут же машинально отскочить, спасаясь от неминуемой затрещины. Такое положение дел Янку абсолютно устраивало.

Но главное достоинство Антипа было то, что он не мешал ей, замерев, подолгу смотреть в одну точку. Янка сидела на широком подоконнике и лениво курила одну

сигарету за другой, растягивая удовольствие на весь вечер. Ведь она ежедневно приходила сюда с единственной целью - видеть окно Аграновича. Янка безотрывно всматривалась сквозь грязное стекло кухни, два таких разных оконных проёма находились точно напротив друг друга. Когда в сизой от дыма кухне уже трудно было дышать, Антип открывал оконные рамы, и вход в волшебный мир Аграновича становилось ещё ближе. Из грязного дупла без занавесок можно было совсем близко - на одном уровне наблюдать за таинственной жизнью золотого прямоугольника. Там рано выключали свет и в таинственной глубине бродили прозрачные тени, мерцали огоньки, в непогоду же створки всегда открывались, выпуская биться на ветру белоснежные шторы-крылья.

ФОЛЬКЛОРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ

Яга.

Я - фольклорный элемент,

У меня есть документ.

Я вобще могу отседа

Улететь в любой момент!»

Леонид Филатов

*«Про Федота-стрельца,
удалого молодца»*

В кривом переулке из частных домов, сиротливо жавшихся к церквушке, проживала древняя бабка Антипа, мать Людмилы Ивановны. Отношения между матерью и дочерью явно не складывались и больше были похожи на взаимную вражду. Янку это вовсе не удивляло, опираясь на собственный опыт, она знала, что бывает и хуже. Настораживало другое с самого первого дня знакомства с «весёлой семейкой», Антип и Мамлюда настойчиво тянули её в гости к

бабушке. Для пробуждения стойкой мотивации Антип наперебой с мамашей цветисто рекламировали старушкины достоинства, не подтвердившиеся впоследствии ни по одному пункту:

- Бабушка очень добра и приветлива, чрезвычайно обеспечена. В подполье у неё несметные богатства, а в огороде зарыт чугунок, полный золота, персидские ковры вместо обоев и на потолке тоже. А ещё бабка-уникум классно гадает, чего не скажет - всё непременно сбывается!

Поначалу совместное посещение посторонней родственницы казалось Янке излишним, но потом, под бомбардировкой приглашений и обещаний познакомиться её с замечательной пенсионеркой, смирилась с этим, как с само собой разумеющимся, обязательным визитом вежливости. Подготовка к походу растянулась на несколько недель. Наконец ради этого эпохального события Мамлюда собрала всю волю в кулак и четыре дня не брала в рот спиртного. Умылась, причесалась, сменила кофту на менее дырявую и подвела глаза наслюнявленным карандашом. Валика нарядили в почти белую рубашку и галстук-бабочку, оставшийся с незапамятных детсадовских времён. Антип в весёлом возбуждении радостно повторял одну и ту же фразу, как заведённый, не меняя в ней ни одного слова:

- А я вот, Янчик, «хавчиком» затарился. Не бойсь, и «кислятину» твою не забыл, - Антип гордо кивал на одинокую бутылку шампанского, сиротливо прижавшуюся к целому отряду «беленькой».

Низкую скрипучую дверь покосившейся хаты открыла весьма колоритная особа, способная запросто лишиться всенародной славы и заработка бесподобного Миллара. Долгого вхождения в образ не требовалось. К тому же киностудия могла бы существенно сэкономить на гриме, костюмах и реквизите. Старушенция с первых минут знакомства пора-

зила Янку своей прыткостью и бесцеремонностью. После дежурного приветствия сухопарая миллиардовская конкурентка, демонстрируя любезность, ловко сдёрнула с Янки короткое чёрное пальто, ставшее тесным маме Ире и потому презентованное дочери на очередной праздник. Когда Янка попыталась повесить «наследственную мантию» на вешалку, старуха буквально выдернула её из рук и скрылась в лабиринтах тёмных комнатушек, приговаривая как заклинание: «Там сподручнее будет, там сподручнее...»

На вышитой скатерти гостей ждал пузатый старинный самовар в окружении ватрушек, маринованных огурчиков, грибов, жирных блинов и жареных окорочков. При обилии икон последнее обстоятельство удивляло: всюю шёл Великий пост. Бабка с энтузиазмом уплетала принесённую Антипом колбасу, чокалась водкой, беззлобно понося дочь матом, громко хохотала, обнажая единственный длинный коричневый зуб, то вдруг замирала и насупясь всматривалась в самую сердцевину Янкиного перстня.

Несмотря на долгую разлуку, поговорить родственникам было не о чем, поэтому, опрокинув побыстрому несколько рюмашек, они принялись энергично ругаться, с искромётностью русской плясовой. Даже Валик похрюкивал необычайно бодро и сердито, изображая участие в общем веселье.

- Што ж ты, доща дорогая, не шибко-то маму торопишься навестить? Не заслужила, видать, от тебя таково почёта! Вот упаду, обмыть и то некому будет!

- Навещать-то вас - себе дороже! Не больно-то вы нас, мама, жалуете.

- А за што ж тебя, шалава подзаборная, жаловать-то? За то, што у прошлом годе у меня пухову подушку уташшыла иль за то, што последне одеяло пропила?

- Вот вам только и в радость, что судьбой меня моей попрекать УЖАСНОЙ!

- Ой, сю-сюдьбёй узясьнёй! Кто ж её изделал такой? В наше время азротикой не занимались. Мало я тебя от хахилей твоих грёбасных спасала? Ихде благодарность? Подавчера кинулась, а настойки аптекарской и нету. Твоих рук дело! Тадысь, приходя ко мне: «Дайте, мама, денех. Ребёнок более, умирае». Как порядошна! Ну, я чё? На, доща! А у самой душа-то болить. Думаю, вдрух и взаправду помрётъ Валенька наш родненький. Пошла, глядь, а эта сучка пьянюшша в дымину прям в грязи валятцца! ДАРАСТУДЫТ-ТВОЮВТРИБОГАМАТНИХУ!!!

- Мама, идите на хер!

- Ну-ка тихо! - вмешался Антип - Мы чё тут собрались? Ругань, што ль, слушать? Останетесь вдвоём, перетрёте по-родственному. А шас предлагаю выпить за мою любимую девушку Яночку!

- И то верно! За тебя, Клеопатра!

В течение оживлённого застолья бабка несколько раз вскакивала и без лишних объяснений растворялась в закоулках сказочной избушки, состоящей, как пчелиные соты, из многочисленных ячеек-закутков. Странно, но с улицы домик казался гораздо меньше, чем изнутри. В моменты этих неожиданных исчезновений Мамлюда и Антип, пытаясь сгладить загадочное поведение хозяйки, резко переключались на Янку с утроенным благоговейным вниманием, которое выражалось в соревновании, кто быстрее напойт её водкой. Но Янка, находясь в необъяснимо отвратительном расположении духа, твёрдо стояла на своём и мрачно потягивала «кислятину»: «Боже! До чего я докатилась. Опустилась ниже канализации. Что за компания?! Алкоголичка плюс ведьма в маразме, овощ-дебил, психопат-уголовник и я - шиза в период обострения. Бесподобно! Но это всё равно лучше, чем чувствовать себя собачьей какашкой на продезинфицированной мамой Ирой кухне-операционной. Здесь хоть как-то уважают, своеобразно, конечно. Вон как все прыгают вокруг меня!»

Одно из «английских» бабкиных исчезновений закончилось продуктивно, и распорядительница банкета вынырнула из бездонных глубин зазеркалья, победно демонстрируя замусоленную колоду карт. Янка терпеть не могла все карточные игры и никогда не могла оценить удовольствие «резаться в дурака», потому вздохнула с облегчением, когда услышала, что хозяйка намеревается гадать.

- Сначала по руке, - буркнула сивилла, подсев к Янке и обдавая её смесью ароматов плесени и свеженького перегара. Она стремительно сцапала сначала правую, потом левую Янкины ладони, молча ощупала их, поворачивая у самых глаз, и так же резко откинула в явном разочаровании, не возвращаясь больше к своему предложению. Затем старуха стала аккуратно раскладывать карты с такой оскорблённо-кислой миной, что её длинный нос отвис, казалось, ниже загнутого подбородка.

- Бабанька, в очко сражнётся! Пики-козыри, кокипизари? - попытался загладить затянувшуюся паузу Антип.

- Притыкнися, наркомат! - грозно рявкнула старушонка и продолжила уже другим, елейным голоском - Вотта вижу, дощечка, усё вижу. Вотта ты - невеста в белой хвате. Народу тьма-тьмушша. Волнуе-переживае. Будя поворот в твоёй судьбе, будя.

Когда из-за стола под руки выволакивали обмякшую Мамлюду, она, бессистемно кивая на все углы, заговорщицки шипела в Янкино ухо, как тянущий плёнку сломанный магнитофон: «Там золото зарыто, там зарыто и там...»

Отрывки из Янкиного дневника

Вчера поймала себя на том, что смотрю в одну точку около двух часов! Не могу оторваться. Понимаю, что это ненормально, а сделать ничего не могу. Тело словно окаменело, и душа тоже постепенно камнеет. Это, наверное, защитная реакция организма от

перенасыщения болью и отчаяньем. Пытаюсь анализировать, но постоянно теряю мысль. В последнее время я не могу объяснить себе причину своих поступков. Выделились и до предела обострились только два взаимоисключающих состояния.

Состояние № 1. Тошнотворное отвращение, густо замешенное на крайней степени презрения от одного лишь только вида Антипа, от его жлобских манер, ограниченности, развязной походки, безграмотной приклатнённой речи, от кончика коротко стриженных волос до носков вечно грязных кроссовок. Раздражение переходит в бешенство, а бешенство в апатию. НЕНАВИЖУ!!!

Состояние № 2. Начинается с лёгкого томления. Будто что-то не на месте, чего-то не хватает. Неотвратимо разрастаясь, беспокойство переходит в стадию буйного помешательства. Когда, теряя свою сущность, я готова лезть на стену, выть на луну голодным оборотнем. Кажется, что вот-вот разорвётся сердце, если сейчас, сию же минуту я не увижу его... постылого Антипа. НЕ МОГУ БЕЗ НЕГО!!!

Я лечу к Антипу после занятий, проклиная и не понимая себя. А как только чуть успокоюсь, увидев «вожделенный предмет», начинает стремительно сгущаться состояние № 1. Даже бабушкин перстень уже не спасает от этой необъяснимой изматывающей муки.

Проклятый Антипка всё вертится вокруг, вертится. Он всегда рядом. А я смотрю в одну точку - камению.

А главное, что я приняла решение - больше не буду любить и не буду страдать! Пусть другие, а не я. С меня хватит!!! Отомуцу Аграновичу! И маме Ире, и всем. Выйду замуж за Антипку - пусть он любит, а я буду жить как хочу.

И словно полегче мне от моей решимости, а потом снова будто игла сердце пронзит. И воро-

чается она там в красной сердечной мякоти, и житья нет!

А на Пасху и вовсе случилось ЧУДО НЕСУСВЕТНОЕ!!! Я высказала маме Ире своё намерение относительно замужества в надежде на незамедлительную казнь... Мама Ира была непредсказуема, как всегда, и встретила новость - никак, но после почти не наигранно ласкового христосования, ДОБРОВОЛЬНО погладила меня по голове!!!

ЗОЛОТАЯ СТРЕЛА

Вергилий.

Гора так мудро сложена,

Что поначалу подыматься трудно;

Чем дальше вверх, тем мягче крутизна.

Данте Алигьери

«Божественная комедия»

часть 2 «Чистилище»

Поставлены в гаражи новые дорогие иномарки и старенькие, битые жизнью «Москвичи». Спешат в депо запоздавшие трамваи. Гаснет свет в окнах домов, засыпают многоглазые великаны. Город натянул на глаза тёмно-лиловый капюшон и задремал после хлопотливого дня.

Сегодня Янка преодолела себя и сделала это! Рискую потерять сознание, открыла массивную дверь подъезда и вошла. Нелёгкая победа совсем не обрадовала. Прошла вечность с тех пор, как она впервые поднималась по этим ступеням, задыхаясь от страха и переполняющей надежды. И вновь каждый шаг давался с трудом.

Но сегодня уже не на что было надеяться. Через несколько дней назначена свадьба с ненавистным, презираемым Антипом, отвязаться от которого не-

возможно. Сведения о предстоящем бракосочетании хранились невестой в строжайшем секрете от ребят из группы и даже от Большой Матери. Она с удовольствием скрыла бы свой предстоящий позор и от родни. Но водка и вино уже томились в ящиках, там же, в тёмной кладовой, дожидались вскрытия консервированные оливки и маринованные огурцы с помидорами, закуплена в деревне свинина, подписаны аккуратным почерком Лёнчика и разосланы многочисленные приглашения. На стене на фоне пёстрого ковра дымятся белоснежным туманом длинное платье и фата, напоминая о неминуемом постыдном акте. Зная жениха, было от чего смутиться. Зачем она идёт на это? Янка постоянно искала ответ на этот мучительный вопрос и никак не находила, старалась объяснить самой себе, оправдаться хотя бы в собственных глазах. От безысходности. Оттого, что ничего подобного встрече с Аграновичем не ждёт её больше в жизни. Запущена в любовных страданиях учёба, вследствие чего мама Ира допивает последнюю кровь. При одном только упоминании о доме срабатывает рефлекс - «бежать, бежать, бежать, курить, курить, курить...»

При вопиющей нехватке отечественных женихов никаких претендентов на такую принцессу, как Янка, нет и, видимо, в ближайшем столетии не предвидится. Уйти куда угодно, спрятаться от всех - единственное желание, одолевавшее последнее время. Другого выхода нет - только замужество решит все проблемы сразу.

Все ступени остались позади. Последний рывок! Вот она, эта огромная дверь. Наплывает, как козырной туз, в руке шулера, бьёт несчастную шестёрку, ставя жирную точку в конце игры, предрешённой заранее. «Ну вот и всё! Пришла попрощаться», - Янка тяжело сползла вниз, как жалкий дровиш перед неприступными вратами Тамерлана. Хо-

тела поплакать и даже достала прихваченный для этой цели платок. Но слёзы не шли. Она сидела на корточках, мерно покачиваясь, как сидят заключённые при перегонах по этапу. Состояние потерянности незаметно сменилось внутренним воплем, неосознанно переходящим в реальный сдавленный вой: «Милый мой! Светлый! Почему я не нужна тебе? Почему?! Что же будет со мной? Как мне выжить без тебя?»

Янка встала на колени перед монолитной скалой двери, шепча бессвязную тираду из одних вопросов, не замечая, что временами переходит на крик. Заметив, наконец, за собой эту недопустимую вольность, крепко зажала себе рот.

После долго, как фанатичная богомолка в религиозном экстазе, прижималась то лбом, то губами к холодной двери и шептала свою придуманную молитву:

Господи, ну выдай меня замуж,

Выдай меня замуж за него!

Слёзы чертили на пыльной дверной поверхности тёмные дорожки: «За что ты наказываешь меня так жестоко? Невыносимо! Больно! Почему лобызаю эту бездушную, вишнёвую деревяшку? Может, не было на свете никакого Аграновича? Игра больного воображения? Господи, пожалуйста, я хочу его видеть! Только не через год и не через десять лет, а сейчас. Сейчас!»

За спиной послышались шаги, осторожные и тихие, но Янка отчётливо слышала их сквозь собственные рыдания. Осознание того, в каком неприглядном виде её могут застичнуть незнакомые люди, окатило волнами испуга и стыда. Она вскочила, как ошпаренная, готовая с боем прорываться к выходу, закрыв ладонями зарёванное лицо.

Внизу, на лестничной площадке, в свете тусклого казённого освещения, стоял АГРАНОВИЧ!

Янка тихо ахнула. Ей показалось, что внутри у неё оборвался и ухнул вниз висевший на тонкой ниточке булыжник. Застывшая в полной растерянности и парализованная, она всё же отметила его неприятное сходство с Антипом.

- Яна? Привет.

- Привет, - еле слышно выдавила из себя Янка, задыхаясь.

- Ты что тут... делаешь?

- Да так... К знакомым заходила...

Агранович бегло взглянул на часы - поздновато для визитов. Половина первого ночи.

Все заранее заготовленные на случай встречи фразы, постоянно кипевшие в Янкиной голове, ежедневно корректируемые и дополняемые, вдруг самым досадным образом испарились, а те, какие вертелись сейчас на языке, казались теперь несусветно глупыми и неуместными. «Если спросить, что он здесь делает? И так понятно - домой идёт. Откуда? Да от бабы какой-нибудь, и вообще не твоего ума дело. Почему бросил? Надоела, вот и всё, покрасивее нашёл. Боже, как же всё по-идиотски!» Наконец, чтобы прервать давящую тишину, она с большим трудом заставила себя продолжить диалог:

- Саш, я скоро замуж выхожу.

- Поздравляю.

- Хотела за тебя, а вот видишь... Почему так, Саш? Я не нужна тебе? Совсем?

Агранович смущённо опустил волшебные глаза.

- Не прячь глаз! Дай ещё хоть в последний раз посмотреть! Я уже и забыла, до чего ж они у тебя золотые!..

Горячие слёзы градом катились по Янкиным щекам. Она уже перестала вытирать их насквозь мокрым носовым платком и только изредка размазывала сырость по подбородку.

- Успокойся. Надеюсь, ты будешь счастлива...

- И это всё, что ты можешь мне сказать?! Другими словами - пошла вон! Да?! - Янка дёрнулась всем телом,

внутри у неё будто взорвалось, она резко оттолкнула Аграновича и кинулась в бездонный ночной омут.

От охватившего её вселенского ужаса Янка очнулась лишь на пустынной площади. Оглушённая, как зажатая в безжалостной ладони божья коровка, она не понимала, как здесь оказалась. Задохнувшись от сумасшедшего бега, долго всматривалась в мигающую неоновой рекламой темную даль: «Никого. Он не побежал догонять. Всё! Я его больше никогда не увижу! - рухнула последняя крохотная надежда. - А на что, дура, надеялась-то? Всё и так было ясней ясного. О встрече мечтала, о весне? Ну, кончилась зима, вот - встретились, и что теперь? НИЧЕГО не изменилось! Всё, как по кругу, опять заново. Звон заунывный, похоронный. Ночь. Одиночество без конца и края...»

Жгучий ветер яростно мотался по площади перед Дворцом спорта, кидаясь холодными колючками. Словно обезумевший, оглохший звонарь безостановочно дёргал за канаты флагштоков, перепутав их со своей скорбной колокольной. Тоскливый набат звенел всё громче. Даже не верилось, что металлические столбы, на которые по праздникам поднимали разноцветные флаги, могут издавать столь однообразные душераздирающие звуки, похожие на тревожный перезвон, возвещающий о беде. В чёрной чаше мёртвого фонтана обрывок афиши пойманной бабочкой танцевал свой последний танец. Янка застыла под большим аляповатым рекламным щитом: «Спешите в медвежий цирк!» - и зачарованно наблюдала замысловатые кульбиты клочка мятой бумаги, бывшего когда-то частью яркого мира шоу-индустрии.

С большим усилием Янка оторвала взгляд от шуршащего танца, медленно подняла глаза, увидев на афише несчастных мишек в маленьких фуражках с балалайками в могучих лапах, тихо засмеялась. Она хохотала всё громче и громче, до слёз,

до боли в боку, сгибаясь, приседая и, наконец, упав в грязь: «Я страдала, страданула... сердце своё изгрызла, а он не побежал догонять. Не думал даже! Много вас тут таких, бегать ещё за всеми. Сдохни теперь под его окном. ШИЗА! ШИЗА! Он и глазом не моргнёт!» Собственный истеричный смех напомнил Янке тот наглый, безудержный ведьминский гогот за вишнёвой дверью, когда она подошла к ней впервые.

Отчаянно гудели трубы флагштоков, скрипели, бились металлические канаты, обогащая разнесённый ветром смех металлическим скрежетом. Казалось, что всё, что находится на площади, принимает участие в Янкиной истерике: пляшущий клочок-акробат, воюющие трубы флагштоков и ветер, сыплющий в лицо пригоршни пыли, издеваясь и подначивая, и только мишки с афиши медвежьего цирка сочувствовали искренне, молча, скорбя о своей судьбе, изнахраченной ради глупой чужой потехи: «Ненавижу цирк!»

Цепенея от погребального гула, Янка прятала мокрое лицо в воротник: «Как больно! Раздирает на куски. Тягуче-невыносимо! Это нужно немедленно как-то прекратить!»

Вдруг, холодея от ужаса, она поняла, что к чувству неизбывной жалости к себе уже примешалось ещё что-то неясное, но всё нарастающее... **НЕ-НАВИСТЬ**. Да, это была ненависть к Аграновичу, густо смешанная с яростью, как раз тот зловещий коктейль, несущий смерть Янкиным обидчикам. Обездвиженная ужасным открытием, она не могла оторваться от созерцания завораживающих кульбитов гуттаперчевой афиши в чёрной пасти фонтана.

«Стоп! В любом случае я не хочу, чтобы Агранович умер, вне зависимости, любит он меня или нет. Необходимо срочно (!) успокоиться - посмотреть на себя из космоса. Спасти его от моего ужасного непод-

контрольного карающего дара. Может, там, на крыше небоскрёба, где мы были так счастливы вместе (пусть мне это только казалось), я смогу его простить - спасти? Может, там я снова поверю, что есть ещё надежда и смысл в моей дурацкой жизни?»

Она решительно направилась к высотке, крепко зажав уши. Но печальный гул, предательски пробравшись в самое нутро, засел занозой и преследовал, не ослабляя хватки.

Широкая дорога к единственному в городе небоскрёбу освещалась одиноким тусклым фонарём. Ещё на подходе к высвеченному пятачку Янка увидела три зловещих силуэта и поняла, что ждут именно её. Не составляло большой сложности определить намерения молодых людей в чёрных куртках. Янка вспомнила, как Цесарский, равняясь на Великого Комбинатора, цитировал: «Будут бить, возможно, ногами».

Янка шла твёрдо и уверенно прямо на них, с вызовом глядя в злобные лица. Изюм всех сил стараясь не показать, что хоть капельку боится. Только предусмотрительно сняла длинные серёжки. Сами по себе они не представляли ценности, но в пылу сражения могли порвать мочку, а главное - задержать её на пути спасения Аграновича.

«Да, теперь я знаю, что могут бить просто так, без причины. Враньё, что хулиганы ловят свои жертвы в тёмных подворотнях. Наоборот, вот они, миленькие, на самом освещённом месте, посреди проезжей части».

- Чё, благуешь? - это была единственная фраза, причина и претензия, высказанная низкорослым и до смешного кривоногим парнем из сердитой троицы. Он же ударил первым и сразу же в кровь разбил Янке губы. Больше никто не проронил ни слова. Сначала били молча, будто выполняя повинность, но постепенно входили в раж. Лишь один из парней, постоянно ронявший на асфальт свою бейсболку, удивлённо вопрошал, тараша остекленевшие глаза: «Пацаны, а вы чего?» Но, не получая ответа, кидался навёрсты-

вать простой. Янка поначалу пыталась отбиваться, но теперь только прижимала к лицу свой джинсовый рюкзачок, промокший от крови.

Она упала на усталый, пыльный тротуар, в ход пошли тяжёлые ботинки. Когда азарт достиг высшей точки накала и бесстрашных бойцов обуяло совместное желание добить жертву, ночная трасса проявила странное оживление. Сверкнул фарами автомобиль, за которым, возвышаясь, как слон над черепахой, выплыл двухэтажный автобус, похожий на сверкающий иллюминацией круизный теплоход. Но это явление не прервало слаженных действий единомышленников. Автомобиль, а затем и неповоротливый гигант бережно объезжали группу молодчиков, энергично молотящих ногами жертву. Из иллюминаторов верхней палубы зеваки с интересом взирали на картинку из ночной жизни городских окраин. «Странно. Всё это можно было хоть как-то объяснить, если бы эти уроды были бритоголовыми скинхедами, а я студентом из Южной Африки или хотя бы из Лаоса. Но за что?!» - это была последняя её мысль. Толстая рифленая подошва с хрустом шмякнула в висок. Свет померк...

*Я знаю только то, что ничего не знаю,
но некоторые не знают и этого...*

Сократ

Янка лежала, не чувствуя под собой твёрдой поверхности. Создавалось впечатление, что она поднялась над землёй сантиметров на десять. Казалось, что можно опустить руку и дотронуться до грязного истоптанного асфальта. По коже пробегали скопления нежных колючек, как будто Янка оказалась внутри бокала с шампанским среди стремящихся вверх живых верениц прозрачных пузырьков. Свежий, весен-

ний запах! Лёгкие потрескивания - лопаются крошечные воздушные шарики. Тело стремительно теряло вес, и после очередной серии тихих, сухих шелчков Янку мягко вытолкнуло вверх.

Она поднималась всё выше, выше. И вот зависла над бездной, раскачиваясь на тонком лучике, исходящем из солнечного сплетения. Она стала вращаться, как ёлочная игрушка, подвешенная на слишком тонкую нить. Вращения становились всё быстрее, с каждым витком увеличивая диаметр. Вскоре от бешеной скорости и треска заложило уши. Кто-то запредельный, забавляясь, как ребёнок, раскручивал её в пустоте. От частого, глубокого дыхания грудь словно прокалывало насквозь. Испуганно размахивая руками и ногами, Янка взбивала густой эфир, но это лишь усугубило положение, сделав более-менее упорядоченные движения по кругу лихорадочно бестолковыми. Она беспомощно барахталась и носилась во все стороны, то падая камнем вниз, то кувыркаясь до тошноты, замуриваясь или тараща глаза, но темнота оставалась неизменно крошечной и равнодушной: «Где-то я это уже сегодня видела? Меня ветер гоняет, как тот пёстрый афишный обрывок в чёрной бетонной яме».

Далеко внизу стала проявляться картина удивительной яркости. Вся земля, вплоть до округлого горизонта, покрылась сеткой из светящихся неоновых потоков света. Параллели и меридианы, окутавшие всё видимое пространство, разнились оттенками и толщиной. Вдоль этих светящихся дорожек летели, словно по трубочкам гигантских капельниц, прозрачные сферы: розовые, перламутрово-сиреневые, жёлто-салатные, пурпурные. Внутри переливающихся, как мыльные пузыри, разнокалиберных шаров сверкали фосфоресцирующие искорки, за некоторыми тянулись яркие световые шлейфы, переплетаясь между собой и тая. Внутри образованных движущимися линиями периметров плавали сферы меньших

размеров, более сильной цветовой насыщенности. Необъяснимое сочетание нарастающего страха, перемешанного с восторгом, готово было взорваться в Янкиной голове.

Внезапно всё её существо до боли сковал железный паралич. Давление нарастало. Уши совсем заложило от свистящего ветра. Сильный хлопок обдал ледяным потоком. Взрывной волной Янку подбросило высоко вверх. После взрыва страх мягко отпустил. Янка, словно шерстью, обросла маленькими молниями. Необыкновенная шуба из электрических разрядов потрескивала и приятно холодила кожу. «Откуда это золотое свечение? От меня! Я поток плазмы - светящаяся стрела. Снова!»

Чудеса, заполняющие теперь Янкину жизнь, всё ещё будоражили, но уже не повергали в шок и постепенно становились привычными. Янка сгруппировалась и почувствовала, что теперь сама властна над собой. Невидимая, всемогущая рука лишь хорошенько встряхнула её и отпустила, доверяя теперь самой решать и управлять своим движением: «Теперь всё кажется просто и ясно. Какая же я была дура! Нет, поистине каждому человеку полезно пережить избиение на улице, и чтоб обязательно без причин. Жалея себя. Разнюнилась. Посмела заикнуться на своих сопливых страданиях - чуть не погубила самого прекрасного на свете человека! Нет, ещё не так нужно было врезать!»

Гортанно-жутко хохоча, та, что раньше звалась Янкой, сгруппировалась и со свистом полетела, нацелившись на копошащиеся внизу тёмные силуэты: «Ура! Я научилась управлять своим полётом! А значит, стрелы всё же могут тормозить!» Внизу, в круге света, она разглядела компанию во главе с приткым, кривоногим коротышкой. Он озверело пинал девушку, лежащую на тротуаре без сознания: «Мальчик хочет в табло!»

Но перед самым раскрасневшимся, конопатым «таб-ло» огненная стрела вдруг резко затормозила. В пылающем мозгу возникло сразу, будто на клавиатуре компьютера нажали кнопку и моментально на мониторе выскочила пояснительная табличка: «Смерть никогда ни для кого не является наказанием. Напротив, насильственная, мученическая гибель может служить искуплением и облегчить участь в ином мире. Не стоит предоставлять такой привилегии недостойным объектам. Наиболее приемлемым наказанием является тот образ жизни, которой они ведут в данном воплощении. . .» «Ну, ладно. Живи, пацан. Пугнуть тебя, что ли, для приличия, чтоб до конца дней запомнил?»

- Гляньте, мужики, что это?

- Чё?

- Мне в глаз копьё целится. Вот висит. Не видите вы, что ли? Вот же оно, вот!

- Ты ко гонишь? Глюканул?

- Дуло залепи!

- Да у него давно бак подтекает!

«Копьё! Копьё!..» - благим матом орал кривоногий, убегая во всю прыть, высоко подпрыгивая, как от уколов невидимой иглы. Изредка догонявшие его растерянные друзья получали увесистые тумачи от сбрендившего атамана. Слившись со своим новым летучим, пылающим естеством, Янка шутя догоняла бедолагу, оставляя пожизненные отметины о незабываемом вечере.

Из подъезда шестнадцатизажки выбежала испуганная женщина в светлой блузке:

- Я милицию вызову! Девушка! - женщина наклонилась над Янкой и заворковала на мягком наречии, изливая из глаз свет бесконечного сострадания: - Вы здесь живёте?

- Нет, я здесь умираю, - в первый момент Янка не понимала, где находится, но приветливую женщину узнала сразу:

- Давайте я помогу встать. Рано умирать.
- Я видела вас... Когда ехала из Ярцево в тамбуре. На красивой поляне было так чисто. Вы предложили мне мороженое, я тогда не понимала. Вы на таком языке говорили...
- Я в подъезде этом сижу - на входе. Да ты, детонька, видно, совсем не в себе.
- Плохо у меня всё... Не любит он меня. Бьюсь-бьюсь, а зря! Всё равно не любит!
- А ты не жди принцев-то. Гляди на того, кто рядом. Главное, чтоб тебя любили. А выйдешь замуж, стерпится - слюбится! Смотри-ка, из сумки всё вытряхнули. Будто искали чего. Ну-ка, глянь, всё цело?
- Моё при мне, - прошептала Янка, нашарив свой талисман на цепочке, и привычно вдавила круглый камень в ямку между ключиц.

СВАДЕБНЫЙ ПЕРЕПОЛОХ

Гретхен.

Да, это день. День смерти наступил.

Я думала, что будет он днём свадьбы...

Иоганн Вольфганг Гёте «Фауст»

Дядя Витя уже целый час украшал во дворе свою шикарную машину кучевыми облачками разноцветных воздушных шаров. «Ещё бы куклу-невесту привязал. Дизайнер хренов! Позор! Нет, ещё не позор, а лишь самое начало позора», - Янка обречённо и растерянно наблюдала в окно за сборами свадебной кареты. Находиться в квартире было омерзительно. Всюду копошились и хозяйничали малознакомые люди, скатывали паласы, двигали мебель, накрывали столы в радостном предвкушении застолья. Особенно Янку поражал воодуше-

лённый энтузиазм мамы. Казалось, что она всю жизнь только и мечтала, как бы побыстрее сбегать дочку в общество обкуренного Антипа, слегка избитой Мамлюды и бесподобного Валика. Стрелки часов, как будто сбесившись, летели по циферблату с невероятной скоростью. Ужасный час расплаты за малодушие неминуемо приближался. Иногда Янку посещала отчаянная мысль: **ВЗБУНТОВАТЬСЯ! ВСЁ ОТМЕНИТЬ! ПОСЛАТЬ ВСЕХ ПОДАЛЬШЕ!** Ведь никто не заставит её выйти замуж насильно. Но как объявить об этом?! Как решиться?! Что скажет мама Ира, как отреагируют родственники и гости, которые так ждут праздника? Какая-то непостижимая сила удерживала её от решительного шага. «Эх, папа-папочка! - подумала она в отчаянии, и душа сжалась от боли - как же ты бросил меня?! Нормальные-то отцы всё разруливают как надо, а мой даже на свадьбу не объявился. Вот так всегда, когда ты мне больше всего нужен...» Накопившаяся давняя обида застряла в горле. На веках словно повисли пузыри слёз, полные обиды, готовые лопнуть в любую секунду.

- Янка, прячься иди! Выкупать тебя идут!

«Да, это было бы здорово! Спрятаться так, чтобы никто никогда не нашёл», - мелькнула у Янки детская мысль, простая, как всё гениальное. Сначала она решила найти прибежище в своей заветной кладовке, но обнаружила там удивительную перестановку. Несмотря на то что сегодня все вещи в доме перемещались со своих привычных мест, вид фамильного сервиза, расставленного прямо на полу, производил весьма странное впечатление. Старинную посуду из чудесного тончайшего фарфора, много раз склеенного, непригодного для прямого употребления, берегли, как реликвию, поэтому не выставили даже на свадебный стол. Сейчас же самым варварским способом вокруг величественной

супницы на пыльном линолеуме были расставлены узорные блюдца. У всех приборов справа лежали бог весть откуда взявшиеся ложки, а слева, как положено - вилки. Имелся и один грязный гранёный стакан, накрытый сверху чёрствым кусочком серого хлеба.

Времени на выяснение значения чьей-то глупой шутки не оставалось, и Янка, подобрав кружевные юбки, укрылась в шкафу: «Эх, только бы экзотическая Антипкина бабушка не пожаловали-с. Надеюсь, что они перед уходом крепко привязали Валика к кровати». С лестничной площадки доносились приглушённые всхлипы бесноватого языческого обряда. Соседи во главе с Лёнчиком, приободрённым перспективой обретения нового диска с компьютерной игрой, выколочивали «калым» из тупого поддатого жениха и соответствующей ему свиты. Янкины продавцы с жаром рекламировали «товар», трясли импровизированной косичкой, сплетённой из разноцветных лент, с трудом сдерживая грубый натиск покупателей. Но, увы, кроме двух литровых бутылок водки, выбить из «купца» больше ничего так и не удалось.

В затхлой темноте «последнего приюта» в Янкину голову лезли дикие мысли: «Боже, а ведь на свадьбах ещё и «Горько!» кричат, а вдруг меня во время этого мерзостного поцелуя стошнит прямо на стол?!» То чудились ей каркающие проклятия антиповской бабки, обращённые к остолбеневшей маме Ире, держащей на рушнике вместо традиционного каравая свой фирменный синий торт «Негр в пене»: «Шалава подзаборная, а енто не ты ли у меня у прошлом у годе подушку пухову уташшыла да настойку аптекарску вылакала? А я-то волнуе-переживае, ДАРАСТУДЫИХУ...» То представлялось, как посреди свадебного застолья возникает в дверях слоноподобный Валик с привязанной к спине кроватью. И, чтобы дополнить картину несусветного Янкиного позора, на глазах у притихших от изумления гостей, нарочито публично мочится в свои рваные треники, громко крях-

тя от удовольствия. А она, чтобы сгладить ситуацию, вертится, как уж на сковородке, уговаривает всех не обращать внимания, лопочет что-то про уринотерапию.

Наконец процесс купли-продажи завершился в пользу скупых, хамоватых, но, к сожалению, всегда правых покупателей. Жених нашёл свою суженую невероятно быстро, будто заранее знал, что её в любое время можно застать в шкафу:

- Ну, чо! Поехали, што ль, паспорта замараем!

Янку затолкали в машину, напоминающую ярмарочный вертеп, и повезли демонстрировать её позор всему городу. К счастью, окна автомобиля были щедро облеплены гроздьями воздушных шаров. Уже смирившаяся с участью балаганного уродца, невеста испытала облегчение, вырвавшись из-под прицела сотни любопытных глаз. Свадебный кортеж направился к Дворцу бракосочетаний, где предстояло свершиться непоправимому ритуалу. Янка, захлёбываясь, пила прямо из горлышка жгучее шампанское, обливая белоснежные кружева и не чувствуя вкуса: «Хоть бы вот так ехать и ехать всю жизнь и никогда не доехать!»

Вдруг сильным толчком автомобиль развернуло и отбросило на обочину. Под пронзительный визг тормозов в ветровом стекле мелькнуло тёмное лицо человека с расширенными от ужаса глазами.

- Ё... твою мать! Сука!

- Ну, ты смотри, бомжина какой-то прям под колёса бросился!

- Он откуда вообще взялся?

На дороге вниз лицом лежал плохо одетый человек, из уголка рта стекала в мокрую грязь тонкая красная струйка. На неестественно сгорбленной спине разошёлся по шву ветхий пиджачишко. Вывалившийся из прозрачного жёлтого пакета румяный батон намок в придорожной луже. Когда пострадавшего перевернули на спину, он весь напрягся, несколько раз судорожно

вздрыгнув, медленно обмяк и вытянулся, одновременно из его открытого чёрного рта вырвался страшный внутриутробный хрип. Робко подошедшая в этот момент Янка вдруг отпрянула, бледнея, а затем кинулась на пыльный асфальт, несколько не заботясь о чистоте платья. Она дотрагивалась дрожащими пальцами до волос мужчины, целуя его одутловатое лицо, пачкая свои губы его кровью:

- ПАПА! ПАПОЧКА...

На Янку всё произошедшее произвело впечатление бомбы, что разорвалась среди бела дня в гуще людской толпы, оставив после себя багровое месиво из мяса, грязи и беды. Её словно заморозили. Она стала двигаться и разговаривать медленно, будто жила под водой. События представляли перед ней, как жуткий фильм ужасов, просмотренный эпизодически, когда можно закрыть глаза и не смотреть самые пугающие кадры, поэтому она никак не могла припомнить все подробности. В памяти застряли лишь разрозненные события, которые, как вспышки, то внезапно зажигались, то гасли.

БРАЧНАЯ НОЧЬ

Пиво на ужин - ночь скоротечна!

(народная примета)

На Гуаме - владении США в Тихом океане - существует профессия - дефлоратор. Такой специалист ездит по стране и за плату оказывает девушкам услуги лишения невинности.

Из отрывного календаря за 28.11.2008 г.

После неудавшегося бракосочетания, когда шумиха ещё не улеглась и от круговорота мелькающих, как в калейдоскопе, лиц гостей, ментов, врачей ско-

рой помощи, вынырнувших из-под земли агентов конкурирующих между собой похоронных служб и прочих посторонних рябило в глазах. Антип не нашёл ничего лучше, как устроить несостоявшуюся брачную ночь, чтобы, как ему казалось, развеять Янкину, а заодно и свою, печаль.

«Папа лежит в морге. Папы больше нет. А дома и шагу негде ступить от чужих людей. Бегают, мельтешат - унижают траурный момент. Кроме меня да случайной старушки, о папе так никто и не всплакнул! Свидетельские показания, заказ гроба, покупка носовых платков, венков, полотенец... Спрятаться бы от чужих глаз, деться хоть куда-нибудь, выплакаться...» Слишком уж не вязалась вся эта похоронная суета с масштабом Янкиной трагедии, поэтому она не в силах была отказаться от столь заманчивого предложения Антипа - остаться в тишине и почти одиночестве.

К «брачной» ночи Антип изрядно подготовился, стырил у мамы Иры свадебное шампанское (и не только его...), взял ключи от хаты у подельника Зёмы. Чужая квартира, где предстояло произойти кошунственному событию, отличалась от антиповской наличием более-менее приличной мебели. Но шкафы, коврики и свисающие лохмотья пожелтевших обоев - всё вокруг было основательно подрано кошками, которых в данный момент в квартире не было. Кошек, видимо, держали несколько, так как даже самому матёрому котяре в одиночку не справиться с таким внушительным количеством разрушений.

Функцию главного украшения интерьера выполнял огромный музыкальный центр - серебристый монстр с четырьмя колонками. Он возвышался, как трон, и до того выделялся бесстыдной роскошью на фоне убогости жилища, что на нём можно было смело вешать ярлык: «Ворованный!». Ещё одной деталью сомнительного происхождения была обыкновенная

потёртая школьная доска с мелом и тряпочкой, размещённая с загадочной целью в узком коридоре вместо вешалки.

Для начала романтической прелюдии «спаситель» нагло заперся к Янке в ванную комнату, воспользовавшись тем, что шпингалет на двери был кем-то предусмотрительно выломан. Таких вольностей Антип никогда себе раньше не позволял. Сцена получилась безобразная. Убедившись, что возлюбленная не намерена поддерживать брачные игры и радостно плескаться, сверкая голыми титьками, Антип угрюмо, но, явно не теряя надежды, предложил выпить. Они лежали на чужом скрипучем диване, на ветхих простынях из непропитых закровов Мамлюды, надеясь, что Валик ещё не успел на них расписаться. Пили каждый своё (Янка - шампанское, Антип тянул крепкое вонючее пиво), слушали чужую музыку.

Антип несколько раз предпринимал неуклюжие попытки соития. Но каждый раз тушевался и с напускным видом, будто «так и было задумано», закуривал очередную сигарету или с тем же фальшиво-невозмутимым видом возвращался к сосредоточенному общению с бутылкой «Балтики». Молчаливое возлияние затянулось за полночь. От выпитого или от обретённого долгожданного покоя сильно тянуло в сон. Янка уж было понадеялась, что «новобрачный» оставил свои неумелые похотливые попытки... Но не тут-то было! От неловких поглаживаний по коленке он перешёл в решительное наступление. Янке стало одновременно смешно и противно. Как будто наблюдаешь за парой спаривающихся хомячков. Но из чувства благодарности она даже силилась изобразить одобрение к проискам распалившегося жениха. В момент чрезвычайной важности, когда влюблённый уже занёс над ней корявую волосатую ногу, намереваясь свершить нелёгкую миссию... вдруг сдул-

ся, спрятав лицо в подушку. «Свернулся в колобок», как говорила бабушка, и ощутимо дрожал. Янка удивилась: «Осечек у дебилов не бывает, а что тогда? Неужели почувствовал, что невеста абсолютно безразлична к нему? Значит, я ошибалась на его счёт и Антип не совсем потерян для общества!» Ей даже стало его немного жаль...

Но покаянная сцена несколько затягивалась. Наконец Янке удалось раскопать и извлечь его лицо из подушки. Она вздрогнула, увидев такое выражение, которого никогда не наблюдала у него раньше. Физиономию Антипа перекошил ужас! Он побледнел, как застиранная простыня. Кажется, даже зубы стучали. Антип впивался в неё холодными белыми пальцами и шептал с мольбой и отчаянием: «Ты видела? Ты видела ЕГО?!» Ничего не оставалось делать, как полночи уговаривать и успокаивать обезумевшего детину. Янка гладила его по голове, баюкала, как маленького: «Тут никого нет. Кого ты испугался? Успокойся». Ей самой в этот момент не помешала бы подобная реанимация. Антип лишь тарачил выпученные глаза и сжимал до боли Янкины руки.

Когда брачная ночь окончательно осточертела и нестерпимо захотелось по-маленькому, Янка попыталась освободиться из цепких объятий «грозы района». Но эксцентричный любовник вцепился в неё мёртвой хваткой:

- Не уходи! Хочешь бросить меня?!
- Совсем докурился?! Пусти! Мне надо в туалет!
- Он следит за мной... из кухни!
- Да кто?!
- Твой отец...
- Что мелешь, идиот! Папа умер. Он в морге лежит!
- А ты уверена... что лежит? Не видела, что ли, как он подошёл, по плечу меня... Легонько так. И пальцем погрозил. С улыбочкой такой... ласковой!

- Что, допрыгался, свинья? Глюки покатали? Ширяться надо меньше и пиво глушить вёдрами! Пусти, сказала!

Янка вырывалась изо всех сил. «Новобрачный» остервенело цеплялся за руки, волосы, ночную рубашку.... Затем упал ничком на пол и, обхватив её ноги, в голос зарыдал. Такого финта Янка не ожидала даже от «активного дурака» в подпитии и взмолилась: «Ну, не вместе же с тобой мне на горшок идти!» По привычке стала нашаривать на груди кольцо: «Всё равно оно не спасает меня больше!» Янка сняла с шеи цепочку с кольцом вместо кулона и надела оберег на обезумевшего Антипа. На дальнейшие уговоры времени не оставалось:

- Держи! Обороняться будешь в случае чего! – Янка протянула бедняжке пустую пивную бутылку, пытаясь ретироваться по направлению к уборной. Но подопечный взревел, как раненый медведь: «НЕТ!!!» Поняв, что опорожниться без жертв не удастся, Янке пришлось идти на хитрость. Воспользовавшись тем, что от вопля он ослабил хватку, она выпрыгнула из капкана его рук с проворностью, которой сама от себя не ожидала. Антип двинулся следом. В отчаянии девушка схватила мел со школьной доски в прихожке.

- Смотри!

Сама не зная почему, подчиняясь неизвестному доселе инстинкту, принялась чертить вокруг Антипа «магический» круг. Подопечный ошарашенно следил выпученными глазами за белой полосой и, похоже, успокаивался. От напряжения и глупости происходящего Янке показалось, что кривоватая окружность дымится белыми туманными язычками. Чтобы усилить производимый эффект, она с самым серьёзным видом делала руками пасы, приговаривая торжественным шёпотом: «Чур-зачура, огради, загороди! Навьи-морьи, отойди, изыди!..» и тому подобную галиматью. К великому изумлению, этот «цирк» заметно изменил

настроение Антипа. Изобразив высокий легкоатлетический старт, он решительно встал в центр круга. Спортсмен был явно готов к битве и устрашающе держал перед собой бутылку за горлышко, как миниатюрную дубинку. Обрадовавшись, что отважный воин не сдастся без боя, Янка поспешно удалилась.

Вдруг зыбкое спокойствие нарушил душераздирающий крик и звук с силой разбитой бутылки. «Знать, не помогло моё колдовство?!» - холодная оторопь охватила с ног до головы. Кутаясь в халат, Янка в нерешительности топталась у двери и не могла заставить себя выйти из туалета в ужасный, населённый опасными мертвецами мир. Подозрительная тишина наводила на резонный вопрос: «Жив ли ещё узник магического овала?»

Осознание того, что «супруг» подло оставлен наедине с врагом и, возможно, геройски пал на поле брани по её вине, подвигло на решительные действия. Янка медленно толкнула онемевшей рукой скрипучую дверь. От страха звенело в ушах. Сердце гулко ухало в горле. Казалось, что за каждым углом притаилось по раздутому обезображенному тлением мертвецу. От каждого самого осторожного шага предательски громко скрипели старые половицы. По белому дверному косяку была размазана свежая кровь, и несколько тёмных подтёков устремились вниз, обгоняя друг друга. Из комнаты доносилось приглушённое звериное рычание. Звук от приближения страшного существа, будто кто-то торопливо полз на четвереньках, заставил содрогнуться и моментально вывел из оцепенения. Спасаться! В несколько прыжков Янка оказалась на тёмной кухне. Вдруг из странного узкого проёма в стене прямо на неё кинулась ужасная чёрная тень. Всё оборвалось внутри. Едва успев увернуться, девушка молниеносно нырнула под стол и забилась там, поджав ноги: «Обложили! Кровавая развязка неизбежна!»

И действительно, «развязка», довольно сильно окровавленная, не заставила себя долго ждать. Включился свет. В дверном проёме стоял Антип, прижимая к груди обмотанную полотенцем руку. К стене напротив был прислонён прямоугольник зеркала: «Это что ж, меня собственное отражение в зеркале чуть не сделало заикой? Какой придурок ставит на кухнях зеркала?!» Антип, несколько не удивляясь тому, что невеста сидит под столом, уныло сообщил охрипшим голосом:

- Я его отогнал. Порезался вот... Пойдём отсюда быстрее... пока он не вернулся...

В половине пятого утра по пустой предрассветной улице они спешили в ободранную антиповскую берлогу, чтобы вволю отоспаться рядом с пропитанным древними отложениями ложем Валика и передохнуть от утомительной брачной ночи. Пожалуй, это было самое приятное из всех последних событий.

ПОМЯНЕМ

Хранить злобу - всё равно, что позволить кому-то, кого вы не любите, безвозмездно прожить в вашей голове.

Из комментариев к Торе.

Утром несостоявшийся супруг повёз Янку в училище, чтобы взять законное освобождение от занятий на три дня «в связи с похоронами близкого родственника». Не сопровождал, а именно повёз на руках. На Янку навалилась такая слабость, что головы не повернуть. Язык непослушный, толстый. Всё время спать хочется, а уснуть невозможно ни днем, ни ночью...

Одногруппники восприняли Антипа - хуже некуда, даже обычно лояльный ко всем мужчинам Шмындрик. Смотрели молча, с расширенными от ужаса глазами, как научный симпозиум на прооперированного профессором Преображенским Шарикова. Они ж его не видели никогда. Впечатлений наверняка хватит теперь надолго. Антип же додумался с самым серьёзным видом представиться Янкиным мужем!

От потрясения быстрее всех оправился неутомимый Цесарский, так как тут же вернулся к своему нормальному состоянию и стал изошрённо изгаляться. Он нарочито почтительно пожал антипкину руку и без тени улыбки (это ж надо такую выдержку иметь!) заявил, что теперь неделю эту руку мыть не будет, гордится, мол, что с таким важным человеком знаком, которому САМА себя беззаветно доверила!

Антипу изошрённые издёвки были невдомёк. От такого льстивого «реверанса» тот вовсе «поплыл» и пригласил на поминки всю группу. «Придём, обязательно! Святое дело! Как не прийти. На свадьбу не удостоились, так хоть помянем, дружно, по-человечески...» - не меняя приторно-сладкой интонации в голосе, пообещал подлый Цесарский.

От стыда Янка не могла из себя слова выдать. Она из последних сил изображала, что всё идёт как надо, мечтая только о том, чтобы провалиться сквозь землю и не видеть унылого скепсиса на лицах сокурсников. Но когда Антип принялся расхаживать по мастерской, заглядывая в подмалёвки, и с видом знатока комментировать: «Пестровато!» или: «Цветотени мало», не замечая откровенных усмешек, Янка не выдержала. Мастерская - милое сердцу место - вдруг стала враждебной. Нет наказания страшнее, чем презрение самых близких и любимых людей! Будто внезапно включился свет и она оказалась голой на сцене.

Все в ужасе молча созерцали её позор, и никто уже не мог помочь!

Голова кружилась до тошноты, шатало во все стороны, и Янка, держась за стену, как можно незаметнее выскользнула из кабинета. На лавке в скверике перед училищем сидела Никотинка с неизменным окурком в коричневых пальцах и с таким же мутным потерянным взглядом, какой, наверное, был в тот момент и у Янки.

- Коматозит? - понимающе кивнула Никотинка.

Без предисловий они дружно затаились по-новой. Со стороны отрывистый тезисный диалог мог показаться диким. Недоговорки, бессвязные, незаконченные мысли... Но сейчас им вообще можно было бы обойтись без слов. Как брошенные в приюте недоразвитые дети, они потянулись к друг другу, полностью доверяя собрату по несчастью.

Янка с ужасом поймала себя на мысли: «Как мы с ней удивительно похожи сейчас! Два серых, бесполой существа, питающихся ядом». Всем в округе было известно, что Никотинка колется и давно зависима от наркотиков. Как она до сих пор умудряется держаться в училище? Талант!

Съёжившись, как худой побитый воробей, Никотинка взгромоздилась на спинку лавки и раскачивалась взад-вперёд, глядя прямо перед собой воспалёнными, стеклянными глазами. Она и обычно-то была не в себе, но сегодня её состояние не вызывало сомнений даже у наивной Янки. Как поглощённый общением с потусторонним миром медиум, Никотинка вещала безжизненным тусклым голосом, лишённым даже намёка на эмоции. Казалось, она не нуждается в собеседнике, и если бы Янка повернулась и ушла, это никак не повлияло бы на течение повествования. Никотинка вспоминала прошлый сентябрьский «колхоз».

- Мы тогда с Бесей, прикинь, с двумя кадрами состыковались. Вадя и Сосок. Конкретно так, до

лямуров. Мой Вадя был - ничего, прикольный. А Сосок этот - хоббит, не выше сидячей собаки, зато борзый! Они-то с Бесей быстро... лапти сплели. Там еще какой-то сабантуй общенародный был - День села, что ли? Местные гопники наши трусы на верёвке вместо флажков повесили на свой сельсовет. Украсили, значит... Празднично! Неделю трусера на ветру реяли... Ты вообще этот день хорошо помнишь?

- Я себя не помню, как зовут, а ты мне про какие-то сабантуи...

- Ну, уж этот эпизод, я думаю, всем запомнился. Мы на болоте руку отрубленную нашли, кисть. Чёрную, раздутую. Я её на проволоку нацепила и ходила пугала всех. Дура! Девки визжали благим матом, разбегались, пацаны тоже присыкали - сторонились.

Янка невольно поёжилась. Ранимая и впечатлительная, она не могла не помнить эту отвратительную сцену, долго преследовавшую в жуткие одинокие минуты. Никотинка понуро продолжала, отстранённо вода рассеянным, слепым взглядом.

- Я хоть и капитально ужаленная тогда была, но в голове мысль прям выстрелила, что мне моя «забава» отрыгнётся ещё. Рука отомстит мне за шуточки... Так и вышло... Как-то ширнулись мы славненько и в стогу всю ночь прокуролесили... Под утро возвращаемся... Отходняк пошёл. Сели у болота курнуть на прощание, кинулись, а спичек джок... Вадя грит, щас я быро в барак сбегая... Ушёл и нету... нету... А на меня жуть такая напала. Темно. Сыро. Холодец! А на болоте будто кто вздыхает тяжело, протяжно... Я в склон впечаталась... глаза закрыла. Вдруг слышу всплеск... тихий такой... ещё... ещё... И водичкой кто-то в меня брызгает... Не знаю, сколь времени прошло, но мне вечностью показалось... Решилась я, так сказать, правде-то в глаза взглянуть... И вижу. Стоит буквально в двух метрах, прям на поверхности воды... она - РУКА!.. и не тонет. Брызгает в меня, брызгает... А потом паль-

цем, значит, это... грозит мне, грозит-грозит, долго та-ак...

Янка вдруг почему-то вспомнила, как издевательски подобострастно Цесарский тряс «благоверному» его бледную руку в голубых татуировках. Всплыли в памяти события прошлой ночи... Ведь папа Антипу тоже пальцем грозил!

- Янк, ты, кстати, в курсе, как тебя в училище прозвали?

- ?

- ШИЗА...

Похороны прошли скромнано, зато поминальные столы были сервированы с неоправданной помпой. Больше всего беспокоило маму Иру, чтоб не пропали заготовленные на свадьбу продукты. В остальном всё складывалось удачно. И водка оказалась кстати, и все необходимые для помощи в организации похорон родственники заранее были на месте. Даже оплаченные услуги фотографа и тогодились. Гроб с телом покойного мама Ира в дом распорядилась не заносить. На заднем дворе городского морга приехавшие на свадьбу гости скорбно помолчали несколько минут и, не снимая крышки, сунули гроб в маленький пыльный катафалк. Без сопровождения оркестра. Могилу спешно забросали землёй и приступили, наконец, к главному действию, ради которого все, собственно, и собрались к пышному застолью с обильным возлиянием. То, что вместо свадьбы состоялись похороны, казалось лишь недоразумением, которое помогло сэкономить на подарках. По сути дела покойного уже и так все давно похоронили в своей памяти и смирились с его исчезновением, как с само собой разумеющимся обстоятельством чужой жизни. Смирились все... Кроме Янки. Чем больше проходило времени со дня гибели отца, тем усугублялось Янкино душевное состояние. Она ясно осоз-

навала, что невыносимая тяжесть поселилась в её душе навсегда, подминая под себя всё: привычный ритм, цели, мечты, всю её жизнь!

Из группы (слава Богу!) припёрлись не все - несколько общаговских обитателей (ну, эти чисто - пожрать), неразлучники - Гульнур и Нюся (от скуки), Цесарский (как же он пропустит такую возможность поприкалываться) и Большая Мать (единственный, кто пришёл из искреннего сочувствия). Янка, всегда любившая вкусненькое, впервые в жизни испытывала стойкое отвращение к еде. Махнув под обстрелом укоризненных взглядов одну за другой две большие полные рюмки водки, больше похожие на стаканы, она угрюмо сидела за столом, потупив взгляд, прислушиваясь к себе. Но вопреки ожиданиям лучше не становилось, она ни капли не захмелела и не расслабилась. Гости же, напротив, становились всё веселее и раскованнее, совсем позабыв, по какому поводу собрались. Янку ужасно раздражали их беззаботные пьяные лица. «Помянем! Помянем! Выпьем за упокой души!» - звучало почти также бодро, как «Горько!» или «За здоровье юбиляра!». Когда же раскрасневшиеся тётушки обнялись и дружно затянули народную песню, Янкино терпение лопнуло. Она стащила со стола недопитую бутылку и решительно направилась в свою кладовочку.

В любой другой момент картина, представшая взору, наверняка ошеломила бы её. Даже сейчас, когда все чувства будто умерли, Янка впала в ступор и не знала, как реагировать на увиденное. Открыв дверь кладовки одним рывком, она застала Антипа и Нюсю страстно лобызаящимися в интимной полутьме. Сладострастная парочка была настолько увлечена своим занятием, что не замечала обомлевшую свидетельницу. Первым чувством, посетившим Янку, было отвращение: «Как он может прикасаться к Нюсе, она же вся покрыта гнойными угрями?! А с другой стороны,

неужели Антип может ей нравиться, он же полный даун?! А пожалуй, они подходят друг другу - шоу уро-дов!» Прелюбодеи продолжали свой мстительный акт, топчась по белой Нюсиной блузке, скомканной на полу. Антип, громко пыхтя, елозил под несвежим бю-стгальтером партнёрши. Даже обнаружив провал сек-ретной операции, коварная Нюся не сразу вытащила ладонь из расстёгнутой ширинки Антипа.

Янка с каменным выражением лица тихонько при-крыла дверь:

- ВОТ ЭТО ДА!!! А я-то думала, что меня уже ничем не удивить...

ЯНАГРАНИ

...Как выяснили учёные, вселенная лишь на пять процентов состоит из видимой материи, а всё остальное - необъяснимая тёмная субстанция...

*Информационная программа «Вести»,
канал «Россия» (20 января 2006 года)*

Уже две недели как Янка жила вместе с Антипом в съёмной квартире. Как ни странно, но тот омерзительный случай с Нюсей сыграл решающую положительную роль в вопросе переезда. Во-первых, Янка могла сколь угодно изображать горькую оби-ду и не допускать горе-жениха до тела, а во-вторых, то, что она решила на пребывание на одной тер-ритории, заставляло Антипа надеяться на положи-тельные перемены и вести себя прилично. Подлила масло в огонь утрата перстня, который в суматохе был где-то обронен, а скорее всего втихаря пропит ушлым сожителем.

Совместное проживание несколько не сблизило их и не сделало даже подобием семьи. Каждый жил

своей отдельной жизнью, встречались только под вечер. По ночам обделённый лаской Антип кипятил чифирь на крошечной кухне и угрюмо дымил в потолок. А Янка маялась без сна, вздрагивая от каждого шороха, и только под утро забывалась тяжёлым коротким бесчувствием.

Она постоянно пребывала в болезненном состоянии скрытой затянувшейся паники: «Прошлапила! Упустила единственную в мире любовь. Не будет в жизни больше ничего хорошего. Никогда! Только не смей обвинять Аграновича! Не смей! Сама во всём виновата!» Янка гнала навязчивые мысли, затушёвывала, но постоянно скатывалась на жалость к себе, которая непременно перерастала в ненависть. Она отлично знала, чем заканчивались такие вспышки. Янка не могла справиться с вырывающимися наружу, как вулканическая лава, эмоциями. И часто ловила себя уже задыхающейся от рыданий, проклиная самой себя. Наваливался чёрной лохматой тушей необъяснимый страх.

- Так плохо мне ещё, пожалуй, никогда не было. Не вырваться! Некуда бежать! До каких пор будет длиться безутешная тоска?! Ненавижу себя!

Кто-то необъяснимо ужасный неотступно следил из каждого угла этой чужой квартиры, прятался в шкафах, под диваном, под ванной, дёргал за простыню, прикасался к одеялу, сопел над ухом. Если раньше Янка желала уединённости, то теперь она стала бояться оставаться одна, поэтому присутствие Антипа радовало как никогда.

К ночи страх усиливался. Ночные приступы не поддавались описанию, их можно было только почувствовать как беспрерывно нарастающий животный ужас птенца, попавшего в когтистую хищную лапу, в оцепенении смотрящего в неотвратимо надвигающуюся открытую чёрную пасть, когда уже ощущается на лице горячее плотоядное дыхание.

Вот сейчас клацнут в последний раз острые зубы, и жадное безжалостное чрево проглотит беспомощное тельце. Сковывает ледяной судорогой, невозможно пошевелить даже пальцем. Свист в ушах и жуткое давление на каждую клеточку, как будто протягивают сквозь узкий резиновый шланг. Нервы натянуты струнами перед разрывом... Резкий хлопок. Холодная взрывная волна подбрасывает над кроватью и накрывает с головой.

«Есть только один способ прекратить эту пытку. Уйти от всех и навсегда! Не доставлять удовольствие невидимому монстру смаковать моё унижение. Пусть захлопнется эта чёрная пасть - я ей не достанусь. Сама решу одним махом свою никчёмную, никому не нужную жизнь».

Янка вспомнила почему-то, как, замерзая зимой на автобусной остановке, спасалась от стужи тем, что представляла - сейчас не январь, а март. И воздух вдруг становился терпким - весенним, будоражащим сокровенные желания. Лезли в голову сладкие мысли о счастье, об Аграновиче... «Какая же глупая была тогда - счастливая, несмотря ни на что. Главное, что не было тогда этого пожирающего ужаса, а значит, можно было жить и мечтать. Всё о весне мечтала. Ну, вот она, твоя весна. Завтра заканчивается. Кушай её с маслом! Ничего не изменилось к лучшему. Только хуже стало!

Снова кто-то злобно смотрит отовсюду - следит. Страшно! Антип, наверное, чувствовал, что-то похожее в ту ночь, когда его преследовал мёртвый отец? Теперь вот, пожалуйста, и сама испытываю такой кошмар, что в пору чертить магический круг. Только знаю точно, что это не поможет. Мне больше ничего не поможет. Неотврати-мо! И даже рассказать об этом невозможно. Кому? Антипу? Это смешно! Маме Ире? Она тут же объявит всему городу, что диагноз, поставленный ею

при моём рождении, подтвердился. Упечёт в психушку навеки. Там уж точно не спрятаться от НЕГО, запредельного, всепроникающего, бесконечно жестокого...»

- Антипка, забей косяк. Раскумаримся...

Посреди ночи Янка очнулась от ослепительной вспышки света. Прямо над головой возвышался сотканный из светящейся плазмы воин-великан, сверкающий, как гигантский бенгальский огонь. Раздвигая головой потолок, он занёс над ней огненное копьё величиной с берёзу. Янка не услышала своего отчаянного крика. Только тихое потрескивание раскалённого воздуха нарушало ночной покой притихшей хрущёвки. Взгляд невидящих белых глаз будто проникал в сознание. Преодолев голосовой спазм, Янка сорвалась на визг. Вместе с голосом вернулась и возможность двигаться. Словно прорывая невидимые путы, она скатилась с края и забилась под диван. Но этот трюк не отпугнул воинственно настроенного призрака и не разбудил причмокивающего во сне Антипа. От потустороннего жуткого взгляда фантома будто отвратительно мерзкие черви копошились в Янкином мозгу, а затем вытекли наружу и расползлись по комнате, затаившись до времени в каждом тёмном углу. Призрак распался на искорки и тихо растаял, а Янка ещё долго колотилась в холодном поту, боясь высунуться из-под дивана, непрерывно шепча в безумном исступлении: «ЯНАГРАНИ... Я-НА-ГРАНИ...»

Первое, что увидела утром, едва открыв глаза - стоящий посреди комнаты вместо стола мотоцикл «Ява», сделанный из чистого золота. Судорожные попытки растолкать Антипа, как обычно, ни к чему не привели. Пытаясь справиться со сбившимся дыханием, Янка двинулась вперёд, протягивая дрожа-

щие руки к новоявленному чуду. Прикоснувшись к холодному блестящему боку мотоцикла, она несколько секунд стояла, не веря своим глазам. Наконец картинка дрогнула и стала меняться. Когда взгляд прояснился от наваждения, Янка увидела, что стоит перед столом, на котором лежит пачка сигарет «Золотая Ява». По спине пробежал лёгкий холодок.

- Янка-шиза на грани криза, - деловито сообщил гладкощёкий холёный диктор из утренней программы новостей. Янка медленно перевела безумный взгляд на экран включившегося непонятным образом телевизора:

- КТО?

- Повторяю, шиза на краю кар-ни-за, - с плохо скрываемой издёвкой по слогам отчеканил диктор и как ни в чём не бывало продолжил: - Кризис верхних эшелонов власти в Южной Корее...

- Капец! - Янка на ватных ногах вернулась к дивану, постояла какое-то время, а затем рухнула как подкошенная и замерла без движения.

Обрывки странных неясных воспоминаний проносились перед ней. Мелкие незначительные детали прежней жизни, о которых она старалась забыть или вовсе никогда не помнила раньше, беспорядочно роились перед её мысленным взором. Безобразно согнутая дверь взломанного киоска, алюминиевая кружка на чужой даче, коричневая от многолетнего чайного налёта, крупный циферблат наручных часов на загорелой руке Гвоздева, маленький тёмно-зеленый почтовый ящик, запёртый на несуразно большой амбарный замок, подъезд, где целовались с Аграновичем, пуговица на его пальто, блестящая и отполированная, будто сделанная из чёрного камня.

Немного оттаяв, как фарш, вынутый из морозилки, Янка, превозмогая навалившееся бессилие, с трудом стала одеваться, боясь глядеть по сторо-

нам, чтобы не обнаружить ещё какой-нибудь «сюрприз». Страх гнал Янку прочь из квартиры - к людям. Она теперь очень хорошо понимала, почему городские сумасшедшие так любят бродить по улицам. Только внутри толпы, живущей повседневными заботами простой понятной жизни, страх терял часть своей силы и ослаблял узду. Янка приобрела множество новых привычек: подолгу бесцельно ходить по городу, не поворачиваться спиной к открытой двери, не выключать на ночь свет и не смотреть в зеркала. Она больше не тратила время на макияж. Хотя вроде бы совсем недавно считала неприличным выйти, не накрасив тушью ресницы - всё равно что голой.

Но сегодня, торопливо умываясь, она забылась и рефлекторно взглянула в большое зеркало в ванной. Из туманного зазеркалья на неё смотрело остановившимися глазами, затянутыми мутной жёлтой плёнкой, её мёртвое отражение с землисто-зелёным лицом и полуоткрытым чёрным провалом рта, перепачканным зубной пастой. Янка вскрикнула. Голос дрогнул и сломался. Отражение перестало быть послушным и, вместо того чтобы повторить движения за своей хозяйкой, вдруг искривилось ненавидящей торжествующей улыбкой: «Ты моя! Уже скоро!» Янка похолодела. Сердце на миг замерло, а затем глухо забухало, с болью сотрясая грудную клетку, всё тело, пол под ногами и пространство вокруг.

Янка очнулась бегущей в домашних шлёпанцах по незнакомой улице с зубной щёткой в руке. Растерянно пыталась сообразить, где находится. Случайно Янка встретила взглядом с идущей навстречу молодой беременной женщиной в светлом плаще и розовом берете. Беременная тоже оказалась обладателем знакомого жуткого лица - Янкиного лица! Только на этот раз ненавистная злобная усмешка носила оттенок удивления. Не в си-

лах выдержать обмороженного взгляда, Янка попыталась, пока не упёрлась спиной в стену. Боясь потерять сознание и ведя неравный бой с подкатывающей тошнотой, она медленно посмотрела вокруг. Интуитивно стала на шаривать висевший на груди перстень, но вспомнила, что давно уже смирилась с его потерей. Это открытие не добавило оптимизма.

Оглядевшись, Янка с ужасом обнаружила, что все прохожие, идущие по улице, стоящие на остановке пассажиры городского транспорта, водители проезжающих автомобилей - все люди вокруг имели одинаковые, словно приросшие посмертные маски. Казалось, что в городе идёт странный буднично-Хэллоуин и всех жителей города обязали не выходить из дома без страшных масок. Но по каким-то неведомым торговым хитросплетениям во все магазины города завезли маски только с Янкиной мёртвой жёлто-зелёной физиономией. Несчастные обыватели, тяжело вздохнув, смирились со своей участью и, напялив одинаковые силиконовые страшилки без намёка на праздничное настроение, пошли на работу и по своим обычным делам. Теперь напугавшее Янку собственное отражение смотрело на неё многократно умноженным: из-под седой бороды хромого старичка в кепке, из двойной коляски, везущей малышом-близнецов, из окон проезжающего мимо троллейбуса номер шесть. Отовсюду!

У Янки перехватило дыхание. Перед глазами зарябили белые и чёрные точки. Хватая ртом воздух, она стала медленно сползать по стене на тротуар. Носители мёртвых лиц заметили её беспомощность и стали толпиться вокруг. Высокий атлет с длинными волосами, убранными в хвост, низко склонился над ней и попытался похлопать по щекам. Янка почувствовала сладковатый гнилостный запах разложения от своего мёртвого одутловатого

двойника. Она не дала прикоснуться к себе и с необычайной для предобморочного состояния ловкостью поймала его руку в модных часах со светящимися цифрами и с отвращением откинула в сторону: «ОТВАЛИ!». Монстры, возмущённо переглядываясь, угрожающе зарычали. Понимая, что если она сейчас позволит себе роскошь расслабиться, то её уже никто не спасёт, Янка нашла в себе силы подняться и двинулась прочь на непослушных чужих ногах, показывая жестами, что с ней всё в порядке и она не нуждается в помощи. Мёртвоголовые клоны пытались удержать её, вяло хлопая по плечам и хватая за рукава. Неожиданно Янка заметила, что вдалеке замаячила знакомая свеча многоэтажки. Отмахиваясь от навязчивого внимания, она стремглав ринулась к высотке: «Вот мой единственный выход. Надеюсь, что сегодня ничего не помешает. ВСЁ!»

Поднимаясь по ступеням, Янка заметила в себе некую странность - её правая нога оказалась отличной из толстого стекла и через неё был отчётливо виден грязный асфальт с окурками. Вторая нога, так же пытаясь догнать первую, быстро меняла плоть на прозрачное стекло. Это несколько не удивило Янку, а только усилило отчаянную решимость.

Она очутилась внутри проходного подъезда, куда они заходили с Аграновичем, хмельные и счастливые когда-то давно, во сне - в другой невозвратной жизни. Консьержки нет на месте - кабинка пуста, мелькает включенный телевизор, кипит электрочайник. «Интересно, тут всё ещё работает милая тётя Роза? Или тоже исчезла, как все добрые приметы светлого прошлого, где ещё была надежда...

Лифт. Пятый этаж... седьмой... десятый... Если люк на чердаке закрыт, то прыгну с общего балкона» - выход на чердак оказался не заперт: «Опять удача! Смотри-ка, а жизнь-то, похоже, налаживается!» - горько усмехнулась про себя Янка.

Подбежав к краю крыши, к тому самому, с которого они летели с Аграновичем, целуясь в волшебном сне, не мешкая, сразу прыгнула. В глазах всё стояло собственное мёртвое лицо, искривлённое в злорадной усмешке с нелепо повисшим белым червячком зубной пасты на ввалившихся чёрных губах.

- Вы так хорошо объясняете слова, сэр, - сказала Алиса. - Объясните мне, пожалуйста, что значит стихотворение под названием «Бармаглот»?

- Прочитай-ка его, - ответил Шалтай. - Я могу объяснить все стихи, какие только были придуманы, и кое-что из тех, которых ещё не было!

Льюис Кэрролл «Алиса в Зазеркалье»

На свете нет ни одного атеиста, и это можно запросто проверить. На грани между жизнью и смертью любой закоренелый богохульник взмолится: «Господи, спаси и помилуй!»

Янкина бабушка

«Что это за мягкое покалывание под ладонью? Трава? Ровно подстриженный газон? Нет - это длинные ворсинки ковра».

Высокие своды потолка теряются в темноте. Стены, будто выложенные великанами из огромных каменных глыб. На широком подиуме гора пёстрых ковров. Серебряные блюда с фруктами и ягодой. Потрескивают дрова в камине. Тяжёлый, напоённый пьяными ароматами воздух колыхается и обволакивает. В замке всё осталось, как и прежде, но стало как-то более реально, осязаемо. В отличие от тех навязчивых снов «про замок» - уютно.

«Я снова в гостях у знакомого людоеда - так мне и надо...» Кто-то заботливо, словно в детстве, укутывает Янку пушистым пледом, именно как она любит – чтобы обязательно было закрыто ухо. Так всегда делал только один человек на свете:

- БАБУШКА!!!

- Донушка! Очнулась, моя ягодка! Долгонько уж с тобой отваживаюсь, а тебе и можно-то всего полчасика тут побыть...

Янка кинулась в объятия сухонькой белоснежно-седой старушки. «Но ведь бабушки уже давно нет на этом свете, а раз мы встретились, то, значит, и я тоже в мире ином».

- Я умерла?

- Да что ты! Тяпун тебе на язык! Жива ты, жива. Не поверю, что ни разу тут не бывала. Узнаёшь? Это наш замок - фамильный. Ты на Грани. Скоро папа твой сюда совсем переселится.

- После сорока дней? - с ужасом догадалась Янка.

- Ну, вообще-то - да! Уж я говорила ему. И зачем ты, сыночек, под колёса бросился? Ни к чему это. Ничего не изменишь таким-то способом. Всё равно, как оно должно по судьбе идти - так и будет! На-ка, донушка, выпей настой. Это редкий сбор - такого на земле днём с огнём не сыщешь. Пей, он тебя быстро в чувство приведёт.

- Бабуль, а мы что, не на земле разве?

- Ну, как сказать-то тебе ещё, говорю же - на Грани. Думаю, где-то рядышком с Луной. Место тихое, хорошее.

- Спокойно у тебя. Как же я давно не отдыхала. Ты знаешь, мне постоянно страшно. А чего боюсь - не знаю... Устала сильно...

- Да, шибко он тебя поизнахратил. Долго, видать, опаивал, прахом могильным осыпал... Что ж ты, донушка, все подарки-то мои раздала? Серьги, перстень - кому попало... Помогать тебе трудно теперь стало. Ладно, слушай главное. Как вернёшься, найди то

пальто, в каком ты к бабке Антипкиной ходила. Заверни подклад. В подол игла воткнута. Ты её сразу найдёшь - игла чёрная, загнутая, без ушка, на огне обожжена. Вынь. Да смотри не выкидывай - вернётся. Сломай непременно. Приворожил он тебя. Ирод! Ну, ничего, ничего - всё пройдёт. Это дело поправимое... Одна у людей защита - молитва. Знаешь хоть одну?

То, что видела и слышала сейчас Янка, было в высшей степени невероятно, но то, что произошло в следующий момент - не поддавалось никакому объяснению. Как бы предчувствуя появление чего-то необыкновенного, свечи задрожали, а огонь в камине встал на дыбы. В тёмном арочном проёме проявилась высокая стройная фигура. В каменную комнату вошёл Агранович, попивая чай из большой синей кружки. Янка дрожала, в голове вертелась слышанная где-то фраза: «Полный живот порхающих бабочек!» Одет Агранович был в старые драные джинсы и клетчатую фланелевую рубашку, какие носят обычно дома хорошие мальчишки. Его повседневный домашний вид, никак не вязавшийся с величием средневекового интерьера, умилил Янку до

слёз. «Как только я могла сравнивать мерзкую Антипкину образину... с НИМ!!! И ни капли они не похожи! Глаза у него - янтарные и тепло от них. Будто летишь...»

Бабушка поспешила ретироваться, скрываясь за суетливой деловитостью.

- Только времени, касатики, уже совсем не осталось. Прощайтесь...

Увидев, что Янка очнулась, Агранович оставил кружку и кинулся к ней.

- Янка! Наконец-то! Ты как?

- Я-то?.. А почему ты здесь?!

- Я - местный житель.

- Ты, я вижу, без капюшона сегодня? Не съешь меня?

В глазах Аграновича вспыхнули и погасли яркие жёлтые искорки, он резко качнул головой, словно затушил их.

- Не надо об этом сейчас. У нас слишком мало времени, чтобы ругаться.

- Тогда ответь на главный вопрос, почему же ты и я не вместе?!

- Выяснения ни к чему, - Агранович резко прервал разгорающуюся Янкину истерику - Я должен ответить на твой действительно самый главный вопрос. Ты носитель разящего дара - Золотой стрелы. Если б артефакты не раздала, то приобрела бы ещё и дар Видения. Тогда бы знала, в кого метить. Запомни, Золотая стрела целит в Демонов, а не в людей. Но некоторых полностью поглотили их демоны-подселенцы. Уничтожен Демон - не нужна оболочка, умирает носитель. Эти люди съели себя своей же злобой. Ты ни в чём не виновата. Ведь не все, на кого ты сердилась, умирали. Неужели наивно полагаешь, что могла убить каждого, на кого случайно психанула? Это если очень кратко. Но я должен тебя спросить: хочешь остаться здесь? К сожалению, иных форм жизни в наших краях пруд пруди...

- Но я не хочу оставаться в мире, кишасщем демонами, или я сама вроде них? Я что, не могу быть нормальным человеком?!

- Знаешь, что означает твоё имя? Яна - дар Бога. Ты нормальный человек, может, даже лучше... Золотая стрела...

- Не хочу быть стрелой. Столько смертей! Мне страшно. Это можно как-нибудь прекратить?

- Когда найдёшь любовь, **своего** человека, то часть силы перейдёт на него, и ты можешь потерять свой дар.

- Но ведь **Ты** - мой человек. И ты это тоже знаешь.

- Мы очень похожи - одной породы. Только, в отличие от тебя, я свой выбор уже сделал. Моё место здесь... я не твой, прости!

Агранович неожиданно горячо поцеловал её так, что у Янки закружилась голова и комната, тихо вздрогнув, поплыла. Вспыхнуло горькое осознание: «Это прощание! Теперь навсегда! Господи, спаси и помилуй!»

СЕКРЕТ ГЕЛЛЫ

Мы не врачи - мы боль!

Александр Герцен

Никто не становится хорошим человеком случайно.

Платон

Игоря Гвоздева узнать можно было с большим трудом. Он заметно возмужал и отрастил себе длинные волосы, которые убирал в хвост. Вообще весь последний год был для него удачным: «сдал» на кандидата по дзюдо, школу закончил - лучше, чем ожи-

дал, в универ на «Защиту информационных технологий» поступил с первой попытки, на зависть ярцевским одноклассникам. Единственное недоразумение, портящее радостную картину мира, - Янка. «Угораздило же так втрескаться!» - удивлялся он сам себе. Вместе с этим новым чувством навязалась на Игоря несвойственная ему застенчивость - сковывающая по рукам и ногам.

А если Янке даже видеть его будет неприятно? Оно и не удивительно, если вспомнить постыдные обстоятельства знакомства. Чтобы он - Игорь Гвоздев - признанный герой школы, умник и франт, взламывал ночью киоск из-за пачки дешёвых сигарет и пары чупа-чупсов? Уму непостижимо! Но увы! Это был единственный криминальный эпизод в его жизни, и произошел он на глазах у Янки - самой чудесной девушки на свете. Всё случилось слишком быстро и неожиданно. Не мог Игорь в тот момент спастись - показать перед Янкой свою слабость, оставить её в компании набитой дуры - Шиги.

Весь этот долгий год мучился Игорь, то пытался писать письмо, но выходило глупо и раз от разу всё нелепее. Несколько раз, приняв сто грамм для храбрости, пытался звонить Янке, что смешнее всего, составил план разговора - как начать, что спросить, чего приврать. Первый раз позвонил на Новый год, но Янки дома не оказалось, а её строгая мама отчитала его ни за что, ни про что. Когда Игорь насмелился позвонить ещё раз, его ждало более страшное разочарование. То, что прокричала ему в трубку Янка, он помнил слово в слово: «Саша! Сашенька! Это ты?! Куда пропал? Почему так долго не звонил?» И чего, спрашивается, было так орать? Видать, уже тогда её клинило? Обидное недоразумение отодвинуло желанную встречу ещё дальше за горизонт, в непроглядную даль. «Может, родственник какой-нибудь непутёвый, Саша-Сашенька этот,

а я себе нервы выматываю?» - успокаивал себя Игорь. Но больше уже звонить не решался. По-дуррачки как-то всё получилось. Жаль! Исправить положение могла только личная встреча. «Вот поеду летом поступать, тогда и встретимся. Главное, дожидаться!» - мечтал Игорь.

В его нагрудном кармане покоился клочок бумаги с Янкиным адресом, вырванный тайком из Сеткиной записной книжки. Зачем Игорь носил его с собой, он не мог себе ответить, ведь давно знал адрес наизусть. Судьба, как будто нарочно, не давала им встретиться и дожидалась нужного момента. Игорь даже навещался в художественное училище и успел познакомиться с ребятами из группы. Сердечная и общительная Большая Мать доверительно изложила свою версию о Янкиных трудностях. По её мнению, подруга находилась в творческом кризисе.

Безрассудная отвага, когда Игорь, как пылкий рыцарь «с открытым забралом», рвался спасти свою возлюбленную от мифического чудовища, резко сменялась периодами сомнений и робости. Ещё во время вступительных экзаменов он начал, как заправский шпион, следить за Янкой с одной лишь целью, чтобы как бы невзначай попасться ей на глаза, изобразить случайную встречу, а там уж как будет. Игорь находился в городе уже вторую неделю, но проклятая застенчивость не давала осуществить намерение. Он придумывал себе множество оправданий, каждый раз откладывая триумфальное появление перед объектом страсти.

Зато, если бы не его слезка, то Янка бы точно скинулась с крыши многоэтажки. Увидев свою принцессу разгуливающей в одном тапке с зубной щёткой в руках, Игорь сразу смекнул, что она не в себе. Разве нормальному человеку взбрёт такое в голову? И та добрая тётя Роза - вахтёрша из подъезда рассказывала, что не первый раз спасала девушку от неприятностей.

Да, первое свидание произошло совсем не так, как мог бы себе представить даже самый смелый фантазёр. Точнее, свидание было только у Игоря, а Янка пребывала в беспамятстве на краю крыши. Хотя и до обморока она совершенно ничего не понимала - бесцельно водила расширенными от ужаса глазами и не узнала его.

Общежитие Технического университета стояло как раз напротив больницы, где лежала Янка. Это было очень удобно. И заведующий отделением Лев Палыч оказался на редкость классным мужиком. Терпеливо так всё разъяснял. Доброжелательно. Вкрадчиво даже. Скорее всего, это у него профессиональное - боится рецидивов. Хоть мы и не буйные, но ему, как специалисту, виднее. Когда Игорь представился Янкиным женихом, Лев Палыч слегка удивился и пояснил, что некий её сожитель Антипов, завсегда их больницы, загремел с очередной передозировкой, а сама Янка застряла на грани реальности. Чего они уж там такого обкурились?! В бреду пациентка твердила, что из-за неё погиб некий расчудесный Агранович, будто видела его там - на Грани, ещё убивалась по какому-то потерянному кольцу и умоляла принести ей чёрное пальто. По названному адресу никакой мифический Агранович не проживает - проверяли. По словам Льва Палыча, свихнулась Янка на почве неразделённой любви. Как долго продлится её пограничное состояние, никто пока определённо сказать не может. Необходим позитивный толчок. В силу живого характера Игорь не мог сидеть и ждать у моря погоды - поэтому решил действовать, как подсказывало ему сердце, и устроить этот позитивный толчок во что бы то ни стало в самый кратчайший срок.

Из-за необходимости спасти любимую он вновь обрёл свой прежний авантюрный талант и отвагу. Перво-наперво направился к Янкиной маме. Вопреки опасениям, обаять маму Иру не составило боль-

шого труда. Несчастливая, подавленная болезнью дочери женщина схватилась за Игоря, как за спасительную соломинку: «Яночка у нас такая впечатлительная! Это смерть отца на неё так повлияла. Яночка была очень привязана к папе, а он - такой же был, непутёвый! Царство ему небесное!»

Вместе с мамой Ирой они упаковали чёрное Янкино пальто в большой пакет и передали через Льва Палыча. Заведующий, в свою очередь, пообещал разрешить свидания. Перед долгожданной встречей Игорь всё же решил навеститься к господину Аграновичу. Воспользовавшись удачным моментом, Игорь выписал адрес соперника из Янкиной истории болезни. Он решил даже не придумывать «легенды», а ориентироваться по обстановке.

Дом ненавистного Саши-Сашеньки производил странное впечатление. Множество рукавов - ответвлений, россыпь окон, лоджий, балконов разных размеров и конфигураций, вынесенный наружу лифт. «Дом какой-то ненормальный, и «Грабанович» этот тоже наверняка сволочь!»

Замаскированный от суеты городской жизни двор навевал на Игоря мрачные мысли: «Прибью гада, пусть только рыпнется!» На двери подъезда не было ни кодового замка, ни домофона: «Вход свободен!»

Игорь никогда не видел такого удивительного дверного звонка с ручкой, которую нужно было крутить вокруг своей оси, извлекая мелодичный звук, похожий на перезвон хрустальных колокольчиков.

Сначала за тёмно-вишнёвой дверью слышалось шуршание и испуганный шепоток. Игорь позвонил настойчивее - шорохи притаились и затихли. Он крутил и крутил ручку так долго, что, казалось, все колокольчики охрипли и осыпались. Игорь тоже слегка утомился и решил сделать передышку: «Может, показалось, что шебаршит там что-то?» Он прислушал-

ся. В этот момент за дверью произошло неловкое шевеление и раздался резкий звук от упавшего на пол стула. В квартире явно кто-то был, и этот кто-то не хотел открывать, расписываясь в своей неправоте. «А! Спрятался, крысёныш! Довёл девчонку до края. За всё ответишь у меня!» - объятый праведным гневом, Игорь вошёл в раж и выкрикивал обидные слова, целясь так, чтобы они влетали напрямик в замочную скважину. Он неистово крутил ручку звонка, пока та не отвалилась. Тогда Игорь стал пинать и колотить вражескую дверь кулаками.

Если бы на площадке были ещё квартиры и сам дом не был настолько нестандартным, то дебошира наверняка сдали бы в ближайшее отделение милиции. Выпустив пар, почти счастливый Игорь устало присел, подперев спиной униженную, но не побеждённую тёмно-вишнёвую дверь. В наступившей тишине запыхавшийся защитник оскорблённой невинности услышал, где-то в глубине квартирного чрева безутешный и придавленный женский плач. Это моментально отрезвило его боевой пыл: «И с чего мне в голову пришло воевать с дверью! Ещё и замок своротил - как неудобно! Кинг-Конг на улицах Нью-Йорка!» - от осознания собственного вероломства сразу стало стыдно и неудобно. «Пора делать ноги!» - пришло к Игорю своевременное решение.

Но что-то удерживало Игоря у странного дома, и он не спешил покидать тихий дворик. Усевшись на скрипучие детские качели, закурил. Немного успокоившись, стал пристально изучать окружающее пространство и пришёл к выводу, что дворик только на первый взгляд выглядит безлюдным. Совсем недалеко под лавкой в пыли угадывалось некое оживление. То, что казалось кочкой и брошенным под скамью тряпьём, было серо-коричневым иссохшимся существом. «Оно» продолжительное время силилось подняться и восстать из пепла. Наконец подвиг

был совершён - «Загадочное явление» с трудом встало на нетвёрдые ноги. К удивлению Игоря, существо оказалось женщиной с нечёсаным седым хвостиком, в разбитых очках и засаленной, побитой молью кофте неопределённого цвета. В безумном сомнамбулическом состоянии бомжика двигалась как на автопилоте, держа курс на Игоря, хрипло напевая одну и ту же фразу: «Напилась до усрачки... Не дойду я до тачки...»

По мере приближения «существа» в памяти Игоря всплывали самые жуткие кадры из фильма «Ночь живых мертвецов». Но парень во что бы то ни стало решил не пасовать перед местными «зомби». Что-то внутри подсказывало ему - не прерывать движения событий и дожидаться хоть какого-нибудь знака судьбы. «Существо» подняло на Игоря обмороженные глаза и протянуло к нему потрескавшуюся ручонку, похожую на куриную лапку: «Не найдётся ли для меня сигаретки, сэр?» Игорь произвольно отпрянул в сторону от сбивающего с ног перегара:

- Йес, мэм!.. Но за небольшую услугу - информационную.

- Всё, что в моих силах, сэр.

- Вы знакомы с неким господином Аграновичем Александром, проживающим в этом подъезде?

- Х-ха! Племянничек родной. Сын моего брата старшего - Фимочки. Брат у меня знаешь какой был? Великий человек! Профессор! Не повезло ему. Это точно. Ну, ты дашь курить, нет?!

- Ой, простите, - Игорь отсыпал в куриную лапку несколько сигарет. После того как женщина с наслаждением пустила дымную струйку, Игорь продолжил допрос с пристрастием, пытаясь расположить собеседницу:

- Я его друг старинный. Никак не могу дома застать. А вас как, извините...

- Людмила Ивановна, - представилась героиня «Живых мертвецов», кивнув с достоинством.

- Очень приятно, - соврал Игорь, - так в чём же не повезло брату-профессору?

- С бабами не повезло! Ясно ж, как белый день. Жена его первая померла в родах. Сына, Сашку-то, он сам воспитал... на свою голову...

Неожиданно и очень некстати Мамлюда замолчала.

- Ну?!

- Чего тебе «ну»?! Не запрягал. Думаешь, я не в курсе, кто ты есть на самом деле? На дурочку попал? Что я, не знаю, что Сашка всему свету большие деньги должен? Ходите, вынюхиваете. Без вас тошно!

- Э-э, тётя Саши-Сашеньки, что за подгоны? Действуйте в правильном направлении, - Игорь достал из кармана две сотки и продемонстрировал хруст новеньких купюр. Сквозь белёсую пелену в глазах Мамлюды отразилась перспектива не возвращаться в постылую реальность ещё как минимум дня два. Стройные ряды «Настойки боярышника» приближались, бодро маршируя и обещая спасительное забытьё:

- Чего те надо-то?!

- Продолжайте мемуары. Не отвлекайтесь, - взгляд Игоря стал пронизательным и суровым.

Мамлюда заволновалась и, заикаясь, продолжила семейные воспоминания:

- Ну, это... Влюбился Фима в одну студенточку... Женился. Официально. Вроде нормально жили... Сначала. Она Саньку не обижала. Мамой он её, сучку эту, правда, так и не назвал. Фимочка и мне с детками квартиру тогда купил, чтоб рядом, чтоб в одном дворе... - Мамлюда совсем сбилась с мысли и надолго впала в транс. Организованные отряды спиртосодержащей микстуры совершили резкий марш-бросок за горизонт и с каждой секундой молчания уносили всё дальше и дальше своё волшебное содержимое в алчные лапы других, более расторопных рассказчиков.

- Тётя-тётя, мамой сучку не назвал. И дальше?! - стальной голос Игоря вернул армию удалившихся пузырьков на исходную позицию, под самый нос Мамлюды. Набрав воздуха, словно собираясь нырнуть и долго не выныривать, Мамлюда продолжила:

- Короче, застучал их Фимочка. Свою, значит, молодуху с сыночкой своим... вдвоём... Сначала вроде и ничего... А потом будто умом тронулся. Слёг, за один месяц сам себя и съел. Врачи говорят - рак. Мучился сильно. А всё эта стервь виновата. Она! И Сашка тоже не лыком шит. Обладает он чем-то, - Мамлюда выпучила глаза, что вновь освежило воспоминания о кинематографических монстрах. Захлестнувшие эмоции и сосредоточенное внимание собеседника открыли поток красноречия: - Это в роду у нас. Мать у меня - видящая! Снять - наслать, что хочешь - всё может! Она Сашку выбрала, чтоб дар свой передать. Ну, а как все это случилось - прокляла. Тут и покатилося у нас всё под гору. Сашка долгов наделал. Годами вроде как на содержании у сучки у этой жил. Художник! Гений хренов! А последнее время и вовсе, говорят, пропал... То ли от долгов бегаёт, то ли отбегался уже... Знаю, дело на него заведено.

Схватив деньги, когда вожделенная «боярка» уже, можно сказать, плескала у самого рта животворящей влагой, Мамлюда стала менее любезна:

- Ходите. Вынюхиваете. А сами и не знаете ни черта! Ментяры! И в органах у вас порядка нет!

Интуитивно чувствуя, что рассказ не закончен, Игорь вынул ещё две аналогичные бумажки. На этот раз Мамлюда повела разговор как равноправный партнёр при заключении взаимовыгодной сделки:

- Подкинь ещё чуток. Кормильца мы лишились - форс-мажорные, видите ли, обстоятельства. На руках сын-инвалид. Ухода требует. А второй тоже... связался тут с одной... Говорила ж ему - не по Сеньке шапка! Выбрал себе - Клеопатру!

- Что, так и зовут? Клеопатра? -удивился Игорь.

- Да, щас! Зовут обыкновенно - Янка Стрельцова, а вот гонору, как у царицы!

От удивления Игорь чуть не вскрикнул. Поразительно - перед ним была не только тётка Аграновича, но и мать Антипа - несостоявшегося Янкиного супруга. Это уже не банальный триллер, а индийское кино в двух сериях! Ухажёры оказались двоюродными братьями - точно свихнуться можно!

- Ну и что? Приворожила бабуся ваша эту Клеопатру?

- Ох, не хотела сначала, прям беда! А как колечко-то на ней увидала, так всё обтяпала - будь здрав! Сделку они заключили, Олежек ей, значит, кольцо это магически заряженное, а она ему Клеопатру тёпленькую. Только зря старалась. Ничего так и не срослось...

- А я вот тоже одну принцессу приворожить желаю, - изображая доверительность, прошептал Игорь. Говорить громко он опасался, чтобы голосом не выдать сильного волнения, - адресок ворожеи не подскажите?

- Непременно, сэр. Только услуга денег стоит, - совсем обнаглела Мамлюда. Игорь сначала хотел изобразить глубокое равнодушие к информации и сбавить цену, но его пылкий нрав требовал немедленного разрешения самой важной в его жизни проблемы:

- Сколько?

- Недорого. Ещё столько же.

- Раскольников, как же вы могли из-за десяти копеек несчастную старушку зарубить?

- Не скажите, а ведь десять старушек - уже рубль!

Анекдот

Низкую скрипучую дверь покосившейся хаты открыла колоритная особа - клон актёра Миллера, собирательный образ всех ведьм, сыгранных им за ки-

нематографическую карьеру. С первых минут знакомства старушка поразила Игоря своей прыткостью и бесцеремонностью. Бабка быстро унюхала лёгкую наживу. Дабы не упустить лоха, желающего вызнать свою судьбу, она торопливо сопровождала Игоря в апартаменты.

- Странно, но с улицы домик кажется гораздо меньше, - отметил Игорь, войдя внутрь.

Избушка, словно пчелиные соты, состояла из многочисленных ячеек-закутков. Комнаты наполнял кислый запах старости.

Бабка раскладывала на столе замусоленные карты и бубнила обычную гадательную белиберду про обретение скорого счастья через сердечное свидание в казённом доме. Игорь не сводил глаз с красивого перстня на руке коварной старухи: «Ишь ты, и впрямь перстенёк необыкновенный. Есть из-за чего расстроиться. Ничего, не унывай, Янка, сейчас я эту каргу быстро сделаю!» Подчиняясь спонтанному решению, Игорь молниеносно схватил руку с перстнем железной хваткой и, не давая опомниться, глядя прямо в глаза, стал прессовать ошарашенную ведьму:

- На вас, гражданка, заявление поступило. О краже кольца. От Стрельцовой Яны Геннадьевны. Добровольно сдадим или оформлять будем? Как положено? Мы за вами давно наблюдаем!

- А документик не покажите?.. - промямлила обмякшая старушка. Но по непобедимому напору мента быстро догадалась, что наличие или отсутствие документа ничего не изменит - быть ей сегодня ограбленной.

- От трёх до пяти тебе корячится! На нары хошь?! - заорал взбешённый «представитель власти». - Там клиентов пруд пруди - обгадаешься!

Ведьма способна была уморить любого даже более сильного ведуна, но не могла сопротивляться силе любви, замешанной на такой страсти, отчаян-

ной решимости и жажде подвигов. Нашёптывая, как заклятия, сложносочинённые предложения из одних матов, «Яга» обречённо сняла перстень с корявого пальца.

«Результативно! - ликовал Игорь. - Не зря день прошёл! Соперники самоустранились. Один - наркоша в «передозе» - отсыхает. Второй - аферист в бегах, соблазнивший собственную мачеху. По-любому, Янка моя! Не верю, чтоб она в наркоту втянулась или шизанулась всерьёз. Пальто ей передали. Перстень у меня! Скоро всё решится. Может, даже сегодня? Вот увижу её, и всё станет ясно».

«Главное, отделаться от Таты - навязчивой соседки по палате с послеродовым психозом», - думала Янка, прижимая к груди большой пакет. Для уничтожения иглы ей хотелось создать торжественную обстановку. Сложность в том, что в больнице невозможно остаться одной - всюду медперсонал, больные, ещё Тата навязалась с бесконечными жалобами о том, как врачи-садисты отказались делать ей кесарево сечение.

Готовясь к церемонии уничтожения иглы и чтобы нашупать границы реальности, Янка целый день не пила таблетки. Уколов, правда, избежать не удалось.

В торце здания прямо под угрожающей табличкой «На территории больницы курение строго ЗАПРЕЩЕНО!» непрерывно смолили тёртые жизнью санитарки, степенные доктора, молоденькие медсёстры совместно с больными. По счастливому стечению обстоятельств курилка была пуста, только из окна приёмного покоя на Янку долго и подозрительно посмотрел угрюмый, но безопасный пациент-новобранец с хронической депрессией.

Местом священнодействия был выбран больничный сад. Янка чувствовала - надвигается некий переломный момент. Даже воздух в саду был необычен - напоен переливами тяжёлых экзотических ароматов. Словно дело происходило не на улице, а в парфюмерной лавке, где случайно разлили сразу несколько дорогих духов. Сместились временные и сезонные рамки. По календарю - разгар лета, на дворе - полдень, а погода больше напоминает тихий сентябрьский вечер. Гигантская туча закрыла небо, разделив его на равные части - тёмную и светлую.

Ровно год назад - было Ярцево. Киоск. Ограбление. Как же она переживала! Стыдно, грустно и немного смешно вспоминать сейчас об этом. Как далеко, давно это было. В другой жизни. С другой Янкой. Сколько всего произошло. Навалилось. Половина тёмного, половина светлого, как это небо сегодня.

Она села в кучу сухой травы: «Сейчас буду искать иглу в стоге сена». Под подкладом пальто в подол была продета зловещая, странная игла - чёрная, загнутая, без ушка. Всё, как говорила бабушка.

Янка достала из кармана больничного халата маникюрные щипчики. Напоследок ещё раз рассмотрела необыкновенную иглу. Неясный свист в ушах и вид обожжённой на огне иглы напомнил волшебные метаморфозы и ощущения, когда она была стрелой. Наверное, и выглядела так же - гладкая, стальная, с обожжённой душой. Рассекала времена и пространства иных измерений. Искала жертву. Довольно!

Нет времени раздумывать. Нет больше сил терпеть чужое вмешательство в мысли, действия, в саму жизнь. Янка с усилием сжала щипцы обеими руками, ломая и выворачивая края лезвий. С болью, до крови иступленно сжимала она инструмент. Наконец, после огромных усилий, игла поддалась. Искорёженные щипцы откусили загнутый кончик иглы.

Людей жалко, особенно всех!

*Из обсуждения к/ф
«Изображая жертву»
(Передача «Закрытый показ»
Первый канал, 4 марта 2007 года)*

Туча чёрным неповоротливым медведем попятилась за горизонт, словно стыдясь своей неуклюжести. Мягкая, как пушистый ковёр, изумрудная трава заискрилась под солнцем. Прямо над Янкой просияли сразу две радуги - одна над другой. А разве бывает сразу две радуги? Глядя на небо, девушка невольно складывала в уме его цветовую гамму: «Вверху голубая Фэ Цэ с крапlachком в разбеле, а внизу - пожалуй, можно немножко кадмия лимонного добавить».

Янка скинула босоножки и побежала босиком по траве. Ах, вот откуда музыка - на летней эстраде под навесом играют музыканты. Отстукивает ритм ударная установка, барабаны, тарелки... всё громче, громче...

Обвешанные разноцветными драпировками, Перепёлкин с саксофоном, Хромцов в военной пилотке с балалайкой и, конечно, Цесарский с гармошкой наперевес.

- Дж-жаз-зз - это разговор-pp! - загадочно закатив глаза, проклокотал Перепёлкин и, нахлобучив гапоновскую шляпу, стал выводить мелодию на саксе. Шмындрик самозабвенно ударил в огромный шаманский бубен. Хромцов в такт затренькал струной гигантской балалайки. В образе Наташи Ростовской, как на балу, закружилась невесомая, белоснежная фея Зденка.

До горизонта расплескались кружевной пеной летние кафе. Ослепительную белизну их пластиковых интерьеров нарушали только разноцветные зонты от солнца. Компании одетых в белое людей

беззаботно беседовали, потягивая вино. Тёплый летний ветер играл воротниками, юбками, бахромой пёстрых флажков, воланами скатертей.

Из соседнего павильона спешили навстречу Янке запыхавшаяся мама Ира и гладко причёсанный Лёничик в крахмальной белой рубашке с маленьким галстуком, который ему надевали только на выступления в скрипичных концертах. На расписном рушнике мама Ира протягивала Янке свой фирменный торт «Негр в пене».

Янка заворуженно наблюдала, как кружатся в высоких бокалах кубики льда. За ближайшим столом произрастала тощая фигура Гапона, согбенная над очередной главой философского трактата. Рядом Тарас Григорьевич подправлял лёгкими штрихами набросок. Внезапно Цесарский прыгнул на колени к ошарашенному Тарасу Григорьевичу:

- А тебе, друг Чичиков, позволь влепить одну безешку! Ах, позволь! Одну маленькую безешку! Ну, хоть одну!

Тарас Григорьевич хохоча уворачивается от слюнявых поцелуев Цесарского, которому, конечно, всё простил на десять лет вперёд.

Вот чистенький трезвый Талдыбаев накрывает удивительно красивый стол: букет из душистых еловых веток, салаты и красные яблоки на белой скарти.

Лора и Гульнур деловито двигают казенные стулья, зажигают свечи на каждом столе.

- Армен, неси воду! - командует Большая Мать - строгая, но справедливая, крупная, осанистой фигурой, спокойной уверенностью внушая всеобщее уважение.

- Мужикам-художникам нужно за вредность молоко выдавать! - обречённо вздыхает Армен, жадно впитывающий радость созерцания пышноцветущей женской красоты.

«Ну как же я могла забыть о них? Ведь они все так меня любят! И я их люблю! Очень! Никогда вас больше не брошу, слышите, милые мои, дорогие! Родные! Я счастлива с вами!» - Янка очень много плакала за свою короткую жизнь, но сейчас впервые прослезилась от счастья.

По поляне со звонким смехом промчалась стайка детей в погоне за огромными, как летающие веера, бабочками: «Сцывает щебетар! Солвей дудуцу!»

- Говор какой-то? Не английский и уж точно не немецкий. Напоминает французский, но нет, не он. А на каком это они языке говорят? Странно как-то... - обратилась Янка к Большой Матери.

- Ничего странного. Это дети Зденки и Хромцова, и соседские ещё. Они русский плохо знают. Когда наша сладкая парочка обжегилась, они на Зденкину родину эмигрировали. У Хромцова там карьера быстро в гору пошёл. Он очень знаменит в Европе, а Зденка - многодетная мамаша.

- Кто бы мог подумать!

- Да, жизнь ещё не такие выкрутасы выделяет. Вот наш андеграунд Перепёлкин - тоже образцовый семьянин, уважаемый стал, с брюшком. На телевидении попсовым звёздам клипы стряпает.

- А Цесарский?

- Цесарик каким был задирой, таким и остался - карикатурист, журналюга. Вредный, но популярный! А у Арменчика - сеть салонов модной одежды в Питере, кстати, он мой муж.

- Да, это, конечно, кстати!

- Шмындрик - завуч в художественной школе. Вообще, у всех наших всё хорошо в жизни сложилось. Хромцовы каждое лето нас к себе в поместье приглашают. Красота!

- А я?! Со мной-то что?!

- Ты у нас самая счастливая. Смотри, кто к тебе идёт!

Плавно, словно скользя по облакам, распахнув руки для объятий, к Янке приближался статный юноша с огромными медовыми глазами.

Из глубин пятого измерения, неотвратимо надвигались на Янку неземные глаза-звёзды, остановившие время и в один миг перевернувшие всю её жизнь. Необъяснимое магнитное воздействие нарастало, как нагревается включённая конфорка, как закипает чайник, как разгораются сухие поленья. По венам поплыл горячий, расплавленный воск, и... УДАР!!! Молния, пронзившая Янку миллиардами раскалённых, солнечных иголок, единым потоком прошла насквозь, а достигнув земли, вернулась обратно горячей волной и непостижимым образом ушла в бесконечное небо...

Белокурый красавец крепко обнял Янку, а она напряжённо перебирала в памяти, где могла видеть его раньше. Всё в нём было ей, безусловно, знакомо: красивое лицо, запах и мягкие прикосновения, знакомо ощущение покоя, исходящее от него, и даже эти модные часы со светящимися цифрами на его руке. Может, когда он заговорит, то, услышав голос, она его узнает. Как будто прочитав её мысли, юноша протянул Янке заветный перстень с мерцающим голубым камнем и обратился к ней, ласково улыбаясь.

- Вот. Это твоё.

- Откуда?! Я что, окончательно шизанулась?

- Эх, Шиза, ты моя Шиза любимая... - Игорь сказал эту фразу шутливо, с нежностью и теплотой в голосе, но осёкся, наткнувшись на гневный Янкин взгляд. «Какой же я идиот, разве можно любимую девушку так называть? Тем более знал прекрасно, что кличку ей такую в училище дали». - Ты прости меня, это я пошутил неудачно...

Янка удивлённо смотрела на растерянного Игоря, будто видела впервые: «А он симпатичный, почему я не замечала этого раньше?! Физиономия у него такая смешная и... родная...»

Девушка взяла протянутое кольцо и сжала в кулаке, словно крепко обняла старого друга после долгой разлуки. Впервые она не искала защищённости, не ждала сочувствия, а сама хотела обнять весь мир. На Янку накатила волна необъяснимой жалости и нежности ко всем тем, кто явился сейчас в её видении: к открытым и забавным ребятам из группы, к издёрганной, стареющей маме Ире с дурацким синим тортиком в руке, к усыпанному веснушками братику, который изо всех сил старается быть послушным, ко всем-всем людям. Просто потому что они только люди, с ошибками и слабостями. Но всё же все они хорошие, смешные и нелепые, и они любят её, и она любит их и прощает: «Дети! Мы все - маленькие глупые дети. Но рано или поздно, а приходится взрослеть...»

- Не называй меня так, Игорь. Терпеть не могу клички! Меня **Яна** зовут.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
От редактора	4
Всем мамам, настоящим и будущим	5

Часть 1. Солёное озеро

Солёное озеро	8
Преступление	17
Домой!	28

Часть 2. Чувство локтя

ЖЭПэО	36
Не читайте, дети, на ночь!	44
Чувство локтя	48
Дух общаги	58
Слёзы Деда Мороза	66
День влюблённых	79
Ах, мамочка, зачем?..	88
Над миром	93

Часть 3. Весеннее обострение

Весеннее обострение	102
Окно напротив	106
Фольклорный элемент	119
Золотая стрела	125
Свадебный переполох	136
Брачная ночь	140
Помянем!	146
ЯНАГРАНИ	152
Секрет Геллы	164

Юлия Нифонтова

ШИЗА

**История одной клички
повесть**

Редакторы -

Владимир Свинцов,

Анна Самойлова.

Художественный редактор -
Александр Карпов.

Корректор -
Елена Семьянова.

Иллюстрации автора.
Обложка: Юлия Нифонтова
«На Грани» /гуашь, картон/

Отзывы о книге можно высылать
на электронный адрес
julianifont@mail.ru

Сдано в печать 00.00.2009 г.
Формат 84x108 1/32.
Бумага офсетная.
Усл. печ. л.
Тираж
Заказ №

Типография
г. Барнаул, ул.
Телефон